

Яков ХЕЛЬМЕР

$$\lim_{x \rightarrow 8} \frac{1}{8 - x} = \infty$$



# ПОВЕСТЬ О ПЕРЕЖИТОМ

ВОСПОМИНАНИЯ  
БЫВШЕГО  
УЗНИКА  
КОНЦЛАГЕРЯ



Ашдод  
2014



**Яков Хельмер**

**Повесть  
о пережитом**



**Очерки и  
исследования**

**Ашдод  
2014**

**Родным, друзьям и товарищам, живущим  
и ушедшим в мир иной посвящается.**

Составление и компьютерный набор. Яков Хельмер  
Подготовка текста и оформление. Юлия Хельмер  
Редактор. Михаил Трабинович  
Корректор. Евгения Котляр-Бондаренко

Фотографии из личных архивов автора

77423, Ашдод, ул. Хаим-Моше Шапира 1/16  
08-8660107

Израиль, Ашдод, 2014 г.

---

## ЖИЗНЬ И СУДЬБА

...Этой книге вряд ли уготована участь бестселлера. Она, по выражению Михаила Зощенко, «из другого шкафа». Кого, в самом деле, может заинтересовать судьба бывшего школьного учителя математики из российской глубинки, ныне проживающего в Израили?

Да, он был малолетним узником гетто и концлагеря, да, его жизнь была опалена огнем Катастрофы. Но кого, кроме близких и родных, да еще и интервьюеров из «Фонда Спилберга» может заинтересовать эта жизнь, полная коллизий, утрат и обретений? И все же я лично убежден: воспоминания Якова Хельмера очень и очень нужны, ибо они есть суть свидетельства стойкости, умение противостоять жизненным невзгодам.

Так уж распорядилась судьба, что мне довелось одним из первых познакомиться с книгой Хельмера еще в рукописи, потом я готовил эту рукопись к печати, я как бы пропустил всю жизнь этого удивительно оптимистичного человека через себя, я как бы взял на себя всю полноту ответственности – перед автором и перед читателями. И потому я считаю, что тот, кто прочтет книгу Якова Хельмера, не останется равнодушным...

**Григорий Рейхман**  
Историк, журналист

## НЕ ТОЛЬКО ПОВЕСТВОВАНИЕ.

Помнится, в 60-е годы прошлого века на книжный рынок Страны Советов хлынул поток мемуаров именитых маршалов, генералов, бывших командующих фронтами, армиями. И когда на этом звездном фоне появилась скромная книжка небольшого формата с подзаголовком «Воспоминания рядового пехоты», предисловие к ней написал Константин Симонов. Он оценил мемуары бойца, как событие в литературной жизни. В ряду маршальских фолиантов эта книга, как никакая другая, заслужила полноценное звание «Правда о войне».

Книга Якова Хельмера – это правда об оккупации, какой она была воспринята и пережита малолетним узником гетто и концлагеря. Это правда, о послевоенной жизни, становлении молодого человека на педагогическом поприще. Перечисление может быть очень долгим. В книге много пластов и она не вмещается в рамки жанра, определенного автором, как повесть о пережитом. Не просто и не только хроникальное изложение событий и фактов биографии. В ткань повествования органично вплетаются тонкие наблюдения, осмысленные обобщения и размышления человека с широким кругозором и жизненным опытом. Его взгляд не зашорен ни идеологически, ни местечковыми стереотипами. Подкупают взвешенные и тактичные суждения о людях, стремление честно и объективно оценивать их достоинства и слабости. Впрочем, немало и страниц, где автор выражает непримиримую и принципиальную позицию. Речь в первую очередь о проявлениях антисемитизма, ксенофобии, сталинских репрессиях, которым автор не находит никаких оправданий. Безоговорочно!

Возвращаясь к пластам повествования, хочется выделить семейную хронику. Славная родословная Хельмеров с глубокими корнями, мощным стволом, многочисленными ветвями и ответвлениями вызывает восхищение. Семь поколений! Какая галерея мастеровых, тружеников, воинов, пра-

---

ведников. Личностей! Пламя Холокоста и стужи сталинизма не сломили это могучее древо, хотя и нанесли тяжкий урон. А сколько таких деревьев вырублено под корень... Лес!

Книга умело, структурирована по времени и тематическим рамкам. Текст стилистически выверен, написан на добротном литературном уровне. Привлекает предельная искренность повествования, приобретающая порой исповедальный характер. Так откровенно писать о своих душевных переживаниях, обстоятельствах личной семейной жизни под силу человеку с чистым сердцем и благородными помыслами. Таким знают и помнят Якова Хельмера в родном местечке Джурин, в городе Кузнецке Пензенской области, которому отдано три десятилетия жизни. Здесь в полной мере раскрылся педагогический талант учителя математики, методические достижения, которые позже получили распространение во многих школах города и области, были замечены и отмечены на самом высоком уровне. Не скрою, Кузнецкая глава книги показалась мне самой увлекательной. Уверен, что изложение творческих подходов к преподаванию математики в школах заинтересует не только учителей, но и родителей школьников. Несомненный интерес вызовут и заметки автора о семейном воспитании. В этом, если хотите, прикладное значение кузнецких страниц...

Познавательна, поучительна, трогательна – таких оценок заслуживает завершающая часть повести, озаглавленная «Израиль». Поучительна для новых репатриантов, как опыт преодоления чувства растерянности и неостребованности из-за незнания языка, по возрастным причинам, первоначальной бытовой неустроенности. В пенсионном возрасте, бывший заместитель директора школы, педагог, удостоенный весьма ценными в учительской среде званий «Отличник просвещения РСФСР», «Отличник народного образования СССР» не погнушался пойти в метапелеты. Нашел себя в общественной деятельности. Он в ряду основателей ашдодской амуты бывших узников гетто и концлагерей. В качестве редактора – со-

ставителя участвовал в подготовке к изданию сборника воспоминаний соотечественников, прошедших ад Холокоста, а также сборника «Взрослое детство войны».

Вторая часть книги «Очерки и исследования» не нуждаются в рецензировании. Очерки прошли редакторское сито популярного еженедельника «Секрет», получили доброжелательную оценку читателей. Теперь они собраны в книгу и уверен, найдут новых читателей. Сквозная тема этих материалов – судьбы узников гетто и концлагерей. Погибших и выживших. О палачах и пособниках, о людях, обреченных на смерть и спасенных теми, кого позже удостоят высшего звания «Праведник мира».

Очерки повествуют не только о жертвах, но и тех, кто не склонил голову перед палачами, вырвался из застенков и с оружием в руках мстил убийцам. Кто отважно сражался с врагом в партизанских отрядах, на фронтах. Великой Отечественной. О героизме высшей пробы!

**Михаил Трабинович**  
Журналист



---

## ОТ АВТОРА

Когда человек, по образному выражению Шолом - Алейхема, «едет с ярмарки», он мысленно обозревает свой пройденный путь. Что-то ему не нравится, что-то не так получилось, как было задумано. Но всегда есть нечто, чем хочется поделиться с современниками, оставить будущим поколениям.

Об этом «нечто» мне хочется рассказать в этой повести.

Радует то, что везде и всегда меня окружали добрые, бескорыстные, интересные и мудрые люди, которые помогли мне выжить и встать на ноги.

Я выражаю глубокую благодарность Фане Байдер, Григорию Рейхману, Фане и Грише Забутькиным, Лене Бурду, Броне Кесельман и всем другим, кто помог этой повести увидеть свет. Особенно я благодарен своему первому читателю, критику и помощнику – любимой моей жене Валентине.

...Не все память сберегла. Возможно, упущены чьи-то имена, события и многое другое. А что получилось – судить вам читатель!



## ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Джурин...Одно из сотен местечек Украины, Подолии. Уже в 1765 году в Джурине проживало 84 еврея, а в 1939 году – 1027 (19% населения). Занимались торговлей, различными ремеслами, а после организации еврейского колхоза под названием «Союз еврейских хлеборобов» пошли работать в колхоз. Была синагога, еврейская школа.

Это мое местечко в Винницкой области, на трассе Москва – Кишинев, в 50-ти км от Молдавии. Как географический объект оно есть, а как еврейское местечко – исчезло (там осталось 5 евреев). В 2009 году я посетил родные места, наш семейный погост. Еврейских домов не стало, одни огороды. И, тем не менее, мне это местечко дорого, каждый камень – родной. Да и как может быть иначе: ведь в Джурине прошли мое детство, школьные годы, юность. Здесь я родился, здесь жили мои родные, и память об этом хранит наш семейный погост. Все напоминает о прошлом местечка, канувшего в Лету: о хорошем и горьком, радостном и печальном, и когда я слышу что-то, связанное с этим местом, меня пронизывает внутренний трепет. И чем больше времени проходит, тем острее это чувство и четче воспоминания. Удивительно, но память, как говорят психологи, весьма избирательна: прочнее и острее удерживает события 70-летней давности и меньше – недавние.

Местечки были местом хранения обычаев и ритуалов. Каждое из них имело персональную кличку (прозвище). Вот некоторые близлежащие к Джурину: *Чернивецкие йолды (бездельники)*; *Могилевские фресерс (обжоры)*; *Мурафские шлеперс (побирушки)*; *Шаргородские гонувн (воры)*; *Джуринские мишигум (дураки)*.

Когда мы куда-то приезжали и нас спрашивали: «Фын вонит зайтер?» (откуда вы?), то мы, усматривая некую издевку, отвечали: «ВЫ сами дураки!» Не отсюда ли появилась «Легенда о двух солнцах» Леонида Докса, где автор с юмором

пишет, что джуринские евреи утверждают, будто бы наблюдают ежедневно два Солнца.

### Легенда о двух Солнцах.

Окрики женщин, проклятья мужчин:  
 Всадник лихой пролетел сквозь Джурин,  
 Не ожидая судьбы поворота,  
 Был он помещик, и день был – суббота.  
 Прямо в местечко, не зная дороги  
 Прогрохотал у крыльца синагоги.  
 Топот нарушил молитву людей,  
 В гневе решивших, что всадник – еврей!  
 Скачки в субботу, отмечу для всех,  
 Грех для еврея, неслыханный грех.  
 Так проучить его надобно, чтоб  
 Не гарцевал по субботам, как жлоб!  
 Камни свистали, взметались палки  
 Прочь разлетелись вороны и галки...  
 Выжил помещик, едва говорят...  
 Прибыл полковник с отрядом солдат.  
 Всех иноверцев ревущей толпой  
 В Киев погнал разъяренный конвой.  
 И утверждал джуринчанин один,  
 Что пострадавший – полковника сын...  
 В те времена, как и в данный момент,  
 Рядом местечко росло, конкурент.  
 Шаргород гордо стоял на пути,  
 (Нынче евреев там трудно найти...)  
 Ну, а тогда выпекали мацу,  
 Превозносили молитвы Творцу.  
 На земледелие был им запрет,  
 Так торговали с младенческих лет.  
 В памятный вечер Грицько – водовоз

В Шаргород скверную новость принес:  
Мол, в Джурине приключилась беда-  
Гонят евреев солдаты сюда.  
Дескать, джуринские «идн» со злости  
Переломали помещику кости.  
-Что будем делать? – собрался кагал  
Мойша Хахам шаргородцам сказал:  
-Поцов – соседей, такую их мать,  
Надобно, все ж, из беды выручать!  
Нынче забудем гешефт и расчет  
Каждый – червонец пускай принесет!  
Время не ждет, все решается тут,  
Либо джуринских в Сибирь упекут!  
В дымке рассветной, в тревожную рань  
Мойша повез для полковника дань.  
Глядь – под Сосновкой лагерь разбит  
Унтер орет: «К нам еще один жид!»  
Мойше в ответ: -Не гневись, Ваша честь  
Тута письмо до полковника есть,  
-А шомполов!? Что-то больно востер...  
Прежде сведем в командирский шатер.  
Мойшу заметил измученный люд:  
-И шаргородских сюда приведут!  
Старый полковник глядит веселО:  
-Че, это нехристь, тебя привело?  
-Пане полковник, проведаль кагал –  
-От сумасшедших Ваш сын пострадал,  
Чтоб поправлялся ребенок быстрее  
Шаргород скинулся Вам на врачей.  
-кто сумасшедший? Не лги только мне!  
-Та ненормальный еврей в Джурине,  
Как уверяет тамошний народ –  
В этих местах по два солнца встает.  
Пане полковник, клянусь на Торе

Речь про два солнца там в каждом дворе.  
 Смех тут и грех, даже сердце болит  
 Разве так скажет нормальный аид?  
 Чем сумасшедших гонять за Урал,  
 Вылечит здесь шаргородский кагал.  
 И под полковничий нервный смешок  
 Мойша вручает тугой кошелек.  
 -Сын мой, и, правда, не сильно побит,  
 Скоро по бабам опять побежит...  
 Я ж губернатору, даже царю  
 Про сумасшедших доклад повторю...  
 Благодаря шаргородским жидам  
 Карточный долг генералу отдам!!!  
 Эй, капитан! Всех пустить по домам!  
 Что ж заходи еще, Мойше Хахам!

\* \* \*

Нынче, по ряду известных причин,  
 Там не осталось огромных общин,  
 И шаргородско – джуринский народ  
 В Мельбурне или же в Хайфе живет.  
 Встретят друг друга, довольны вполне,  
 -Сколько восходит там солнц в Джурине?

Бывший райцентр не располагает предприятиями, рабочими местами для молодежи, ей негде развернуться. Справедливости ради надо отметить, что до войны основным предприятием здесь был сахарный завод, но его в начале войны демонтировали и эвакуировали. После войны его должны были восстановить с помощью, вывезенного в качестве репараций, германского оборудования, но безынициативность, бездеятельность и бесхозяйственность руководителей района привели к тому, что оно заржавело, не будучи даже распакованным, и, естественно, не было смонтировано. А на месте

бывшего завода был запущен небольшой заводик по изготовлению нестандартного оборудования для сахарных заводов.

Джуриин стоит на залежах известняка. Разработки камня – ракушечника ведутся еще с дореволюционных времен. Сохранились галереи старых заброшенных штольн, где очень легко заблудиться. После войны были попытки использовать их для хранения продовольствия, для военных целей. Сюда приезжали представители министерства обороны, различных ведомств пищевой промышленности, но отдаленность железнодорожных магистралей (ближайшая станция Рахны – 18км) отпугивало их, и эти штольни пустуют, и по сей день, если не считать местного умельца из колхоза Владимира Ригу, который стал выращивать там шампиньоны. Зато ракушечник стал активно использоваться для производства строительных блоков. Спрос большой во всей области, да и в самом Джуриине большая часть домов построена из этих блоков. Появился «Завод стеновых материалов». Еще есть колбасный цех, хлебозавод, торговые точки. Вот и все производство. Поэтому молодежь старается найти работу в другом месте.

В предыдущие годы несколько раз я садился за письменный стол, чтобы изложить на бумаге то, что осталось в памяти, но понял, что время, несмотря на устоявшееся мнение, все-таки, не такой уж хороший лекарь. Я ощущал почти физическую боль, сидящую глубоко во мне, в моей душе, и она не стала застаревшей, она свежа и по сей день, и именно она и перенесенный в детстве кошмар, не давали моей руке излить ее на бумаге. Нет, время не лечит раны, а лишь притупляет на время боль.

...Буквально сразу же после распада СССР, В декабре 1991 года, Московская Ассоциация евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей пригласили меня, тогдашнего учителя математики из Кузнецка Пензенской области, на вечер – встречу, состоявшуюся в Центральном доме работников искусств (ЦДРИ). Сюда приехали бывшие узники нациз-

ма из разных городов России, и не только – из ряда бывших республик развалившегося Союза. Там присутствовали: видные общественные деятели, духовенство, писатели, журналисты, зарубежные гости.

Были показаны фрагменты документальной выставки «Черная книга, Жизнь и судьба», созданной по уникальным архивным документам о геноциде еврейского народа в годы второй мировой войны. Многие из нас впервые узнали, какая жестокая расправа постигла «Черную книгу». В годы послевоенного сталинского террора против еврейского народа, когда вытравлялась сама память о Катастрофе советского еврейства, как по постановлению ЦК был рассыпан набор книги. НЕ случайно в своем выступлении дочь Ильи Эренбурга Ирина отметила, что вся история с книгой запутана. Во время этого выступления, один из присутствовавших заявил, что это неправда, что книга не погибла, он работал наборщиком в типографии и один экземпляр он сумел спрятать.

Сама организация встречи – безупречна, в чем большая заслуга Совета Ассоциации во главе с его председателем Элеонорой Вольской

В одном из залов был установлен символический памятник замученным, и каждый мог положить к нему камешек по еврейской традиции или цветы, зажечь «нэр зикарон» - поминальную свечу, и они горели здесь, эти свечи...

Запомнились выступления вице – консула (вначале 90-х г) Израиля в Москве Цви-Шва о том, что «из наших слез, мучений и надежд появился Израиль», и каждый второй гражданин Израиля в дни массовой Алии – узник гетто; писательницы Маши (Марии) Рольникайте, к которой лагерь возвращается в страшных снах, и это не должно повториться



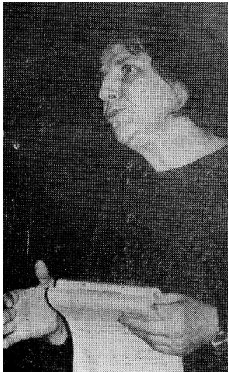
Лев Разгон, писатель



Олесь Адамович

вновь; писателя Льва Разгона, обращенные к жителям Израиля, чтобы знали они, что их соплеменников в галуте не погонят больше как скот на бойню, они не дадутся!; с призывом не уезжать к нам «дорогим евреям», обратился один из создателей фильма «Я из огненной деревни», писатель Олесь Адамович: «Тут есть кроме вас, кому следовало бы уехать» - сказал он, имея ввиду новоявленных российских черносотенцев.

Нацизм стремился согнуть и уничтожить нас не только физически, но и морально, а советская власть еврейские страдания просто замалчивала, словно этого и не было – таков был лейтмотив выступления режиссера Марка Розовского и председателя Ассоциации Элеоноры Вольской. Я, словно губка, впитывал в себя атмосферу происходящего. Прав был кинорежиссер Кама Гинкас, который сказал, что мы, сидевшие в зале, остались живы назло душегубу Гитлеру! Выжили и остались евреями назло «красному фараону» Сталину и более мелким по масштабам юдофобам советского разлива. Да и сейчас, сегодня в Израиле, мы живем на своей исторической родине назло палестинским нелю-



Элеонора Вольская



М. Розовский и я на встрече бывших узников гетто. 1991г.



Анатолий Рыбаков



дям – боевикам.

Гитлер издал приказ организовать в Праге Музей исчезнувшего народа и свозить туда из всех стран все, что было сделано евреями. В результате: музей есть, евреи есть, а Гитлер...

И все же, больше всего запало в душу выступление ведущего встречи известного писателя, автора романа «Тяжелый песок» Анатолия Рыбакова (да будет благословенна его память). Он сказал:

- Вы все собрались вместе, так как 50 лет не изгладили пережитое из вашей памяти. Святые слезы!... Вы – сидящие в этом зале, живая память нашего народа! Святы те, кто вас спасал, не только еврейские отцы и матери. Вы обязаны рассказать обо всем своим детям и внукам о том времени, о тех событиях. Чтобы ТАКОЕ никогда не повторилось! Это был для меня МОМЕНТ ИСТИНЫ! Я понял, что мой долг рассказать о том времени, как могу, как умею!..

ЗА несколько лет до репатриации меня посетили интервьюеры из Фонда Спилберга, в течение долгих ночных шести часов я говорил, боясь упустить какие-то подробности, детали, поминутно спрашивая себя – обо всем ли я рассказал, не забыл ли кого? Вот и сейчас, подготавливая к печати свои воспоминания, я стараюсь вспомнить обо всем и обо всех, поименно, потому, что как сказал поэт, это нужно не мертвым, это нужно живым. И тем, кто придет после нас.

## СЕМЬЯ

### ДЕД

Из довоенной жизни я помню совсем немного. У бабушки с дедушкой было 11 детей, свой дом. Дедушка был мясником, покупал скотину, резал и продавал мясо. Таким образом, он зарабатывал на жизнь и кормил семью. Звали его Шимон - коцев. Был он верующим. В синагогу ходил только



Семейство Хельмер. 1906 г.

по субботам и праздникам. В остальные дни молился дома. Образования он не имел, но обладал житейской мудростью, смекалкой и золотыми руками. Помимо всего этого у него было доброе еврейское сердце. Именно поэтому он пользовался авторитетом среди односельчан, соседей, родных. В Джурине знали, что Шимон – коцев всегда был готов оказать помощь страждущему. Сосед наш, ребэ Гершл Каральник не раз говорил мне, что ему дороже всегда не те люди, которые ежедневно отбивают поклоны, а те, которые всегда готовы помочь человеку в беде..



Дед Шимон

Еще незадолго до Первой мировой войны дед уехал в Америку по вызову его сестры на заработки. Но любовь и привязанность к семье, ностальгия по родным местам не позволили ему там задержаться. Через два года он вернулся. Рассказывали, что прежде, чем расцеловаться с женой и детьми, он, войдя в

дом, стал целовать стены и благодарить Б-га, что он уже дома. Родные поначалу не поняли и забеспокоились его душевным здоровьем. Прожил дед 79 лет и умер у меня на руках, скоропостижно. Доктор сказал, что у него остановилось сердце. Да будет благословенна его память!

## БАБУШКА



Баба Рива

Бабушка Рива была под стать деду и по мудрости, и по жизненному опыту. Святая женщина, настоящая «айдеше мамэ» в полном смысле этого слова, и это без преувеличений. Через муки ада она прошла еще на земле – годовалого сына Шмилека пьяный петлюровец зарубил шашкой у нее на руках, она чудом осталась жива, двух дочерей и двух сыновей она потеряла уже спустя каких-нибудь двадцать лет, в годы минувшей войны. На руках у нее была большая семья.

Бабушка была большим знатоком еврейской кухни – нам, внукам, до сих пор помнится вкус ею приготовленных блюд, «коронными» из которых были «гефилтэ фиш» и кисло-сладкое жаркое. В синагогу она ходила только по праздникам. Ее постоянной заботой было накормить, одеть, обуть, обстирать каждого, и это сказалось на ее внешне суровом, требовательном характере. Но внутренне это была очень милая, нежная мать для своих детей и для внуков – сирот – для меня, Лени и Сени Розенбергов, для Поли Фиксман.

В доме бабушка Рива была не просто хозяйкой – королевой! Ее любили и слушали все, включая деда, а распоряжения выполнялись беспрекословно. В семье не без улыбки рассказывали, как она на полном серьезе отстранила деда... от продажи мяса! Дело в том, что покупательницы выбирали мясо получше, а семье оставались одни кости. Бабушка не



Семейство Хельмер. 1949 г.

могла смириться с таким положением и сама взялась за продажу. Питание в семье улучшилось! Особым уважением она пользовалась у старших детей Мойше и Этл, хотя для них она была мачехой. (Умирала она на руках Этл). Дети вырастали, женились, выходили замуж, Потом появились внуки и все «перепуталось»: стали появляться племянники старше своих тетей и дядей. Когда всей семьей собирались на праздники на улице стоял

шум и гам. Все местечко по – хорошему завидовали большой мишпахе и царившей в ней атмосфере порядочности, скромности, человечности, взаимопониманию. Она была на 9 лет моложе дедушки и на 13 лет пережила дедушку. Мы будем вечно помнить тебя дорогая мама-бабушка!

## ОТЕЦ

Вот в такой дружной семье родился и вырос мой отец, Абрам Хельмер, девятый по счету ребенок в семье. Ему перепало много внимания от старших братьев и сестер. Рос он смышленным и от природы талантливым, Хорошо рисовал. Сохранился, нарисованный маслом «Тигр в зарослях» и подаренный своей сестре Этл. Хорошо помню этот ковер. Тетя Этл всегда гордилась: «Видишь, какую память о твоём отце я храню!» Он висел у нее долго – долго на старой квартире. А наша односельчанка Броня Кесельман много мне рассказала о моих родителях, с которыми дружила. Она мне также расска-

зала, что отец играл на скрипке, чего я не знал.

Природные данные, целеустремленность и самообразование позволило ему в ту, далеко нелегкую пору, стать грамотным человеком. Как и к деду, к нему тоже приходили за советом односельчане. Уважали и любили его в семье. Окончив курсы, его направили в местечко Брацлав товароведом в магазин культтоваров. Отца я помню «дважды»: в 1940 году, когда он вернулся с финской войны, и как провожали его на фронт в 1941 году. Он взял меня с собой в военкомат.



Отец

Держал меня на руках, а я, как замороженный глядел на стол – там стоял настоящий пулемет, как в фильме «Чапаев», который мы вместе с отцом смотрели. Прозвучала команда строиться, мы поцеловались и не думали, что навсегда. О трагической судьбе отца я узнал спустя полвека...

Уже освободили Джурин, уже закончилась война, а об отце ни звука. «Где мой отец?» - этот вопрос не давал мне покоя ни днем, ни ночью долгие послевоенные годы. Несколько раз под диктовку моих родственников, своим ученическим почерком я писал письма в разные инстанции, разыскивая его, а потом перестал это делать, по совету его товарища по фамилии Духовный, который как оказалось, был с ним до конца и вернулся с войны. В начале нашего знакомства я чувствовал, что он что-то скрывает, а затем он мне рассказал, что это произошло в начале 1942 года под Сталинградом.

-Сидели – курили, - рассказывал он, а спустя буквально через четверть часа Абрам был уже за колючей проволокой. Он успел мне крикнуть: «Я ни в чем не виноват!»

В те годы поиск отца пришлось прекратить, тем более что мы с бабушкой получали пенсию за потерю кормильца.

Но мысль о его судьбе не давала мне покоя. И уже по-

сле развала СССР я обратился к уполномоченному УФСБ по месту жительства, в России, он посоветовал мне обратиться в службу безопасности Винницкой области, откуда отца призывали на фронт. Так начался мой поиск.. Ответ из «незалежной Украины» был выдержан в лучших бюрократических традициях...» данных о судьбе Абрама Хельмера не имеется. Я тогда обратился в Военный Трибунал Волгоградской области, где судили отца. И вот ответ из Волгограда:

«Личное дело Абрама Хельмера за №12272 хранится в Виннице». Поразительно, не правда ли? Представляю, как стало не по себе некому винницкому бюрократу от тамошней ФСБ – КГБ, господину Капранову, когда он прочел копию ответа из Волгограда у себя в Виннице. Пришлось держать ответ, из которого я узнал, что папа был осужден по 58-й и приговорен 10 годам ИТЛ, т. е. к ГУЛАГу за «антисоветскую агитацию», и что умер 15 января 1944 года в СЕВЖЕЛДОРЛАГЕ Коми АССР, похоронен на станции Урдома Архангельской области в местах общего захоронения (с зеками не церемонились, сбрасывали трупы в одну яму). Я потребовал свидетельство о смерти, а также реабилитации.

Мое упорство было вознаграждено. 29 июня 1995 года ВРИО начальника военной прокуратуры центрального региона Украины полковник юстиции А. С. АМОНС подписал справку о посмертной реабилитации моего отца. А в свидетельстве о смерти, сказано, что умер он от пеллагры, тоесть от голода и цинги. Не у нацистов, у своих изуверов, будь они прокляты! – и это за несколько месяцев до освобождения родных, в том числе и собственных детей от гитлеровской оккупации.

В начале 2011 года я получил разрешение познакомиться с уголовным



Увековечение отца.  
Кладбище в Джурине

делом моего отца. Какой кошмар! Как жалко выглядели доносчики – заявители не только в своих показаниях, на очной ставке. А на этом фоне следственный аппарат и судейская коллегия. Комиссия по реабилитации в своем решении написала, что не было никакого пункта даже возбуждать уголовное дело. В своей апелляционной жалобе он указывает, что его оклеветали, и просит отправить его на фронт.

Мне удалось увековечить его память. Укреплена Памятная дощечка на памятнике матери в Джурине, укреплена дощечка на Стене памяти в Ашдоде, Увековечена его память в электронной Книге Памяти Александра Заславского, отправлены материалы на увековечивания памяти на 1канал российского телевидения. Прощай папа!

Каждый год 15 января, мы зажигаем поминальную свечу в память о его безвременно загубленной душе.

## МАТЬ

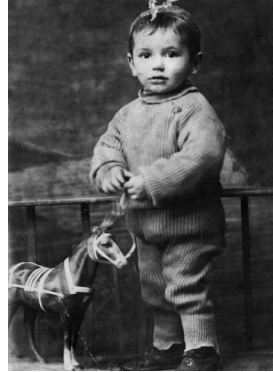
Мать моя, Роза, как и отец – из большой трудовой семьи. Ее отец и мой дед, Янкель, был плотником и чинил крыши. Незадолго до моего рождения он упал во время работы с крыши и скончался на месте. Меня назвали в его честь..



Мама

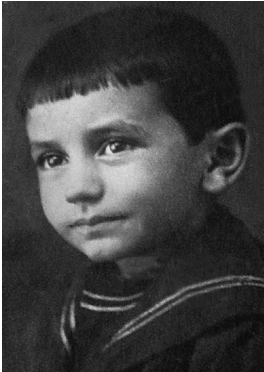
Мама была красивой, умной и подвижной – первая комсомолка в местечке, атеистка, авторитет у молодежи. А молодые ребята вокруг нее вздыхали с надеждой. Поначалу дружила с неким Штаркманом, но сердце свое отдала Абраму. Вместе они смотрелись хорошо – красивая пара. Поселились после свадьбы на квартире. Жили дружно. Вскоре и я появился. Вскоре мы переехали в Брацлав. Этот период я помню слабо, а рассказать о том времени некому. И все-таки, отдельные воспоминания всплывают в па-

мяти.. Например, помню, как катался на трехколесном велосипеде, который был в то время редкостью, или, как плескался во дворе в резиновом бассейне, размером с детскую ванночку. Вся эта идиллия была нарушена началом финской войны. Отца забрали на фронт, а мы уехали из Брацлава в Джурин. Мама собиралась рожать братика Леню, и ничто не предвещало грядущей трагедии.



Мне 1,5 г.

После благополучных родов мать слегла с пневмонией. Постоянный страх за жизнь отца, ослабленный организм после родов, отсутствие лекарственных средств и слабость медицины – все это привело к тому, что пневмония перешла в чахотку, а это было уже смертельно. Лежала мама в отдельной комнате, за ней ухаживала тетя Этл, с которой они были очень близки, и даже называли друг друга сестрами. Меня к ней подводили только до порога, дальше она не разрешала, боясь меня заразить. Один из таких приходов мне запомнился навсегда. Она сидела на кровати, а тетя Этл расчесывала и заплетала ей в косы ее красивые длинные волосы.



Мне 4 г.

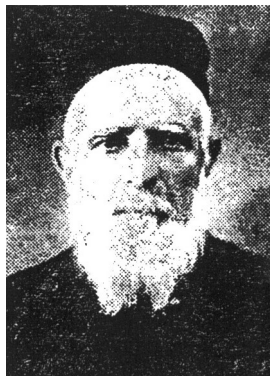
Мама было в то время 28 лет, и она очень хотела жить. Между тем, она таяла на глазах, с каждым днем, понимая, что умирает. Как-то она стала рассказывать тете Этл сон, якобы Всевышний прислал ей мягкую подушку, а ей ребеночка (у тети Этл не было детей). Прошло немного времени и все забыли об этом. И лишь после ее смерти стал ясен смысл этого сна. Она беспокоилась о судьбе родившегося ребенка.

Однажды она попросила пригласить жившего по со-



седству ребэ. В доме началась суматоха и все домашние стали совещаться между собой: как так, она ведь была атеисткой, никогда не ходила в синагогу, и вдруг на тебе – пригласите ей раввина! Посовещавшись, решили пойти к ребэ, не зная, как он воспримет это приглашение.

Раввин Каральник, он же шойхет, был грамотным, умным и интеллигентным человеком. Выписывал и читал всю переодику, живо интересовался современной жизнью, молодежью. О нем ходили легенды. К нему за советом обращались не только иудеи, но и православные, обращались и молодые, и старые. Рассказывают поучительную историю. Как-то пришел к нему мужчина за советом – жена не соглашалась на развод. Пришедший винил жену во всех грехах и лил на нее ушаты грязи. Ребэ выслушал его внимательно до конца и спросил:



Раввин Каральник

- У тебя все?

- Да, все, - ответил мужчина,

- Ну, тогда ты свободен и можешь идти, - сказал ребэ.

- А как же совет?

- Если она еще твоя жена, то ты не вправе лить на нее грязь, а если она уже не твоя жена, то тем более, на чужую женщину лить грязь нельзя! Ты не мужчина! Иди! Совета тебе не будет!

Едва раввин услышал переданную ему просьбу матери, он тут же собрался и пришел. Мать попросила оставить их одних. Она сказала ему:

- Ребэ, Вы знаете, что я в Б-га не верила, не ходила в синагогу, не молилась. Сейчас болезнь приковала меня к постели. Явите свою силу! Либо сделайте так, чтобы я встала с постели, либо прекратите мои мучения, чтобы я умерла!

- Дочь моя, дай мне твою руку!

Он взял ее руку, стал читать молитву, и она скончалась. Он вышел и всем собравшимся сказал:

- Не кричите, не шумите! Она отлучилась!

В доме поднялся переполох, крик, плач. Мне было 5 лет, и я не мог понять, что произошло. Меня увели в другую комнату, нашли какие-то игрушки, отвлекли меня от происходящего. Как маму хоронили, не помню. Помнится какая-то суета и после похорон, поиск памятника и его установка. Памятник был сделан из гранита, большое дерево с обрубленными ветвями. На старом кладбище это был единственный в своем роде. Памятник сохранился до наших дней.

О диалоге мамы с раввином я узнал, когда мне исполнилось 14 лет от самого раввина. Рассказывая, он приговаривал: «Ты даже не представляешь себе, какая у тебя была мама!» Сегодня, по прошествии стольких лет, уже, будучи далеко не молодым, немало повидавшем на своем веку человеком, я не перестаю удивляться причудливым изгибам судьбы и нашему еврейскому миропониманию, мироощущению что ли. Атеистка, комсомолка, способствовавшая в какой-то мере разрушению патриархально – религиозного уклада своей общины, шедшая в кильватере политики новой власти большевиков, разрушителей норм «старой морали», крушивших с одинаковым энтузиазмом и церкви, и мечети, и синагоги, моя мать на пороге Вечности словно просила прощения у Творца за содеянное, хотя, в сущности, не успела перед Ним провиниться, вернулась к Нему, к корням, к себе и своему народу. Прощай, мама!

Вскоре мы с отцом переехали в Брацлав, где он продолжил работу. Готовила и стирала нам тетя Бейла – очень добрая, уже немолодая, одинокая женщина.

А затем в нашем доме появилась «новая мама». Тоже Роза. Отношения с ней сложились натянутые, несмотря на хорошее ко мне отношение. Я не смог сразу воспринять ее как

маму. Папа это заметил и спросил меня: «Как она к тебе относится?» «Хорошо!» - ответил я. «А почему ты не говоришь ей мама?» «Не могу!» - ответил я, и разговор на этом закончился. И в дальнейшем я очень хорошо к ней относился, она, фактически спасла меня, много сделала для меня и после войны, но вот мамой я так и не смог ее назвать. Сегодня я чувствую перед нею большую вину и каюсь! Ее давно нет с нами, но она всей своей жизнью заслужила это святое слово МАМА! Прости меня мама, эти слова запоздалого покаяния за свою детскую жестокость я говорю здесь, на страницах своей исповеди. Мы ведь сами-то не святые, мы просто – живые люди...



Вторая мама Роза

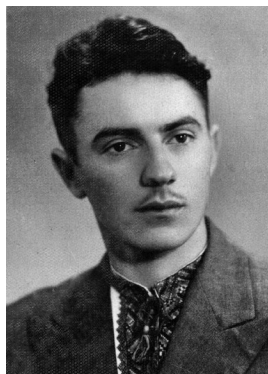
Моего братишку Леню усыновила тетя Этл, вспомнив мамин сон, ему дала фамилию и отчество своего мужа и он



Последний день рождения. 1941 г.

стал Бурд Леонид Яковлевич. Для Лени это была тайна, и в семье на ее разглашение был наложен строжайший запрет. Росли мы вместе как двоюродные и до 14 лет Леня не знал, что мы с ним родные.

С приходом новой мамы мне начинают уделять больше внимания. Отец стал постоянно заниматься со мной. Я научился писать печатными буквами: папа, мама, баба и т. д. Очень велико было мое желание пойти в школу, а мне 6 лет. И вот в мае 1941 года, отец привел меня к директору школы на проверку. Проверив мои знания и способности, директор школы обещал, в виде исключения принять меня в 1 класс с 1 сентября. А пока по просьбе бабушки меня на лето отвезли в Джурин.



Брат Леня

## ВОЙНА

Когда взрослые суетились и паниковали, часто повторяя слово «война», то для нас, шестилетних, оно ничего не говорило. Но когда первые бомбы упали на местечко и появились первые разрушенные дома, пролилась, первая кровь и появились первые жертвы, мы очень быстро поняли, что значит война. Мы быстро повзрослели. Наш детский мир сразу разделился на две части: первая – довоенная, а вторая—настоящая тяжкая, голодная, страшная и ненавистная.

Вскоре меня увезли в Брацлав. Там тоже была какая-то невыносимая, непонятная суета. Кто-то куда-то уезжал, кто-то оставался. Так как папа считался в семье авторитетом, к нему приехали за советом младший брат Данил и племянник Ефим. Ефим только окончил десятилетку, а дядя Данил, будучи моложе его на год, уже работал на заводе. Вопрос у них был один – что делать в создавшейся ситуации? В армию их

еще не брали. Папа внимательно выслушал их (разговор велся в моем присутствии) и сказал:

- Вы газеты читаете? Радио слушаете? Немцы ничего не оставляют на своем пути, особенно евреев, поэтому ваш путь дальше лежит только на Восток!

- Тогда мы вернемся в Джурин, соберем вещи и уедем – сказали они.

- Нет в Джурин я вас больше не пушу, - ответил отец. Я дам вам немного денег, сколько у меня есть, и вы немедленно отсюда отправляетесь на восток. Это спасло их!

По рассказам матери, немцы захватили Брацлав в июле. До сих пор удивляюсь тому, что детская моя память сохранила и воспроизводит сегодня то один эпизод, то другой. У нас возле дома был погреб, дверь которого выходила на улицу. Брацлав поначалу подвергся артобстрелу, и почему-то считалось, что в погребе можно найти убежище. Поэтому наши соседи прятались у нас в погребе. На ступеньках у двери постоянно сидел юноша Наум Ройтман. Забегая вперед, скажу, что он выживет, станет парикмахером, обзаведется семьей и поселится в Джурине. Он смотрел в щель и информировал нас, что происходит на улице. Мне запомнился его комсомольский значок на лацкане, что было предметом зависти у нас, пацанов. День клонился к вечеру, когда мы услышали рев моторов и возглас впередсмотрящего:

- Они уже здесь!

Мы бросились к щели и увидели множество мотоциклов и сытые надменные морды немецких солдат в касках и пилотках. Но это продолжалось недолго, так как они рассыпались по местечку, ведя стрельбу из автоматов по окнам домов, и кричали: «Алле – раус!» (Выходите все!) Мы, конечно, вмиг отпрянули от двери, и, дождавшись темноты, разбежались по домам. Дома началось уничтожение компрометирующих документов, вещей и т. д. В огонь полетели почетные грамоты отца с портретами Ленина – Сталина, книги, благодарности.

Но больше всего мне тяжело было сжигать мой костюм, незадолго до войны мне сшили военный костюм: галифе и гимнастерку с «крылышками», Он был предметом зависти всех мальчишек, потому, что в игре я уже был экипирован как командир. Мои доводы и просьбы оставить его были неубедительны и напрасны, и мой костюм полетел в огонь.

## ГЕТТО

Спустя несколько дней в местечке определили несколько улиц, обнесли их колючей проволокой, и гетто было готово. Всех евреев тотчас же согнали туда, была страшная скученность. Нас приютила какая-то семья, выделив нам койку на двоих. Голод, болезни, нищета, Мне все было непонятно – почему мы ушли из своего дома, почему нельзя было выходить за колючую проволоку на другую улицу и почему не всегда есть еда. Я часто просил у матери: «Дай мені хліба з чимось» Вскоре немцы ушли, охрану гетто – «этого важного стратегического объекта» поручили румынам и местным полицаям. Вот когда начался для нас настоящий кошмар, а для них – прекрасная, веселая жизнь. Чтобы выменять что-нибудь из вещей на съестное у местных крестьян, приходивших к проволоке не столько для оказания помощи, сколько для того, чтобы заполучить остатки еврейского добра, надо было полицаям дать какую-нибудь мзду, а ночью полицаи устраивали знатные пьянки и прогулки по гетто со стрельбой по окнам с песнями. Свою звериную жестокость они продемонстрировали в ночь на 7ноября – после очередной пьянки устроили «праздничный салют» по окнам. Мама разбудила меня и уложила на пол – так было безопасней. Еле дожили до утра. Наутро по гетто моментально разнесся слух, что стекольник погиб, наш сосед. Мы побежали к его дому. Мы хорошо знали этот дом. Там был тайный подпол – «секрет». Наши взрослые родители, друзья считали, что на время в нем можно скрыться от убийц. Когда по гетто разносился слух, что завтра нас

будут расстреливать, то мы бежали туда прятаться. Нам рассказали его дети подробности прошедшей ночи. Веранда (у стекольщика) была остекленная. Услышав стрельбу, он зажег свечу и решил выяснить, что происходит. На веранде он стал для полицейав отличной мишенью – пуля размозжила ему голову. Это была не единственная жертва той страшной ночи.

А слухи о расстреле евреев все нарастали и ширились. Оказалось, что небезосновательно. Однажды утром (помню, уже выпал снег), после бессонной ночи, мы увидели, что гетто окружено румынами и полицией. Нас всех с вещами стали выгонять из домов на площадь, а тех, кто не мог самостоятельно передвигаться, убивали прямо на месте. На площади стояли несколько конных саней и несколько охранников на лошадях. Когда всех выгнали из домов, была дана команда: вещи и детей – на сани, остальные пешком, и колонна тронулась. Шли мы долго, Как потом выяснилось, гнали нас 40 км в печально известную Печеру, лагерь, позже получивший название «Мертвая петля». Подробности этого перехода стерлись в памяти, но кое-что, все же, помню. Мама была беременна, ей трудно было идти, Она подошла и села на сани возле меня, Тут же подъехал конный полицей и стеганул ее плеткой по спине, да так, что она тут же слетела со своего места. К счастью удержалась на ногах. То и дело слышались выстрелы – конвоиры добивали упавших. Среди них оказалась бабушка Бейла (по моим понятиям она была в свои 50 лет старой) близкий друг нашей семьи, добрая, умная, красивая. Она поскользнулась и упала, захотела встать и вновь упала. В это время подъехал конвоир и расстрелял ее в упор. Я не помню и не видел, чтобы трупы подбирали.

### ПЕЧЕРА - МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ

Так мы попали за каменный забор. Сведущие люди сказали, что это бывший санаторий. В это время там уже бродили сотни детей, голодных и завшивленных, чесоточных,

которых пригнали раньше, они у нас «свежих» выпрашивали что-нибудь пожевать. Мы с мамой разместились где-то под лестницей. Знакомство с местностью состоялось гораздо позже – летом.

Место действительно живописное, лесистое, на берегу Южного Буга. Не зря его облюбовал граф Потоцкий для одного из своих имений. Сохранилась купальня графа. Каменная лестница вела прямо в воду, в воде достаточно большая площадка была забетонирована. Напротив лестницы, в 30 метрах – большая скала, размером с двухэтажный дом. После революции здесь разместили военный санаторий, а немцы нашли ему другое применение – загнали туда 10 тысяч евреев в расчете на их полное вымирание. Самое большое количество людей всегда толпились у лестницы. Тут можно было постирать, вымыться, и здесь же брали воду для питья. Охраняли лагерь полицаи, среди которых были и звери в полном смысле слова, и те, кто шел на контакт во имя личной выгоды. Разрешали товарный обмен, за мзду, вещи, украшения на продукты: хлеб, муку, картофель, которые приносили местные жители. Иным, не похожим внешне на евреев смельчакам, полицаи разрешали выход из лагеря, они ходили по окружающим селам, меняли вещи на продукты, поддерживая тем самым оставшихся в лагере членов семьи. Это был, пожалуй, единственный источник, позволявший выжить, особенно, в первое время, зимой 1941 – 1942 годов, когда люди умирали сотнями. Поначалу трупы складывали в сарай, затем «похоронная команда» из мужчин грузила трупы в сани, впрягались в эти сани и, под охраной, вывозила за пределы лагеря. Одежда умерших была их добычей. Однажды я видел, как грузили трупы, и один из них «переломился» пополам, не промерз до конца, так его и бросили в сани; в другой раз в руке трупа оказался зажатый в руке замшелый сухарь. Кто-то кинулся к трупу и стал «добывать» этот трофей. Такое не забывается! Весной и летом 1942 года стало чуть легче: появилась трава, листья, молодые побе-



ги, косточки прошлогодних ягод.

Вскоре я заболел чесоткой. Все тело буквально покрылось волдырями, они рвали мое тело на части, пальцы рук гнили. Мать каким-то образом сумела выменять что-то на баночку серной мази, и это стало моим спасением.

В моей памяти остался один жуткий эпизод, свидетелем которого я стал. Летом к забору местные крестьяне принесли ведро вишен. Какой-то юноша выменял его на что-то. Он едва успел приподняться и взять ведро, которое ему передали через забор. Тут же прогремел выстрел. Полицай Сметанский, зверь, убил его наповал. Зрелище было страшное: парень, раскинув руки, словно птица крылья, падает на землю, ведро с вишнями на эту же сторону, вишни, словно капли крови вокруг. Но голод оказался сильнее страха смерти от пули, и некоторые, из наблюдавших эту картину, бросились подбирать вишни! Кто-то тем временем сбегал за матерью убитого (как выяснилось, единственного сына), та прибежав, и поняв, что произошло, стала плакать, а затем смеяться. Взрослые сказали, что она сошла с ума.

## ДОРОГА В ДЖУРИН

Сейчас мне придется сделать небольшое отступление. Как я уже упомянул ранее в Джурине у меня оставались бабушка с дедушкой, много тетя (дяди все воевали), двоюродные братья и сестры и родной брат Леня. Джурин находился в 45 км от Печеры. Джурин попал в румынскую зону оккупации, и к счастью, там не расстреливали. Туда были депортированы около 3,5 тысяч евреев из Бессарабии, Буковины, Румынии. Не могу объяснить почему, но отношение дружбы и взаимопомощи между евреями и украинцами в Джурине, сложившиеся с давних времен, выдержали испытания этим тяжелым временем, Эти отношения не идут, ни в какое сравнение с тем, что происходило в том же Брацлаве, и в Печере, где

полицаи из местных жителей издевались и убивали евреев. Даже те, кто пошел служить в полицию, лояльно относились к евреям. Несомненно, и этот фактор тоже помог джуринянам выжить. Известен такой случай. Когда румыны заняли Джурин и другие окрестные местечки, то местные украинцы-негодяи быстро успели сделать свое черное дело. Расстреляли всех евреев в селе Боровка. Им этого показалось мало. И они решили «прогуляться» по соседям и поделиться своим «погромным» опытом. Они стали скликать на площадь всех украинцев, призывая их к немедленной расправе над евреями. Два сапожника-украинца Зеленюк и Свинобой, выросшие в местечке и говорившие на идиш, сразу же поняли, чем это все может закончиться, и побежали за старостой Мельником, начальником полиции Березовским и попом. Те быстро собрались, и, прибыв на площадь, приказали не прошеным гостям немедленно убраться вон, и те вынуждены были подчиниться. Это спасло местечко от гибели. За всю войну в Джурине не расстреляли ни одного человека. Правда, большая скученность, антисанитария, полуголодное существование, отсутствие медикаментов, увы, делало свое черное дело. Ежедневно люди умирали десятками, особенно переселенцы. Те, кого некуда было поселить, разместили в синагоге. Все у кого был кусок хлеба, делились с ними. Бабушка через день отправляла туда ведро супа, а в пятницу – одну выпечку хлеба – 16 кг. Относили туда тетя Молка и Рая

В Джурине разместилась жандармерия во главе с румынским претором (комендантом). Фронт ушел на восток, и Джурин оказался в глубоком румынском тылу. Претор быстро «освоился» - нашел себе «интересных» девушек нестрогих правил из местного населения и они стали регулярно устраивать «вечера отдыха». Фавориткой его стала некая Анна (не называю фамилию по известным мотивам). Чтобы выглядеть хорошо, она нуждалась в нарядах. Она нашла еврейскую девушку, искусную портниху из Румынии Фаину. Фаина жила

с родителями ( Перец и Сурка) и с братьями Айни и Йосел на квартире у моей бабушки. Анна приезжала на бричке, забира-ла Фаину к себе на несколько дней, та обшивала ее с ног до го-ловы за небольшое вознаграждение, в основном продуктами, а затем привозила ее обратно. Вот Фаина и поведала бабушке, что часто на вечерах у Анны бывает немецкий офицер, кото-рый спас от смерти целую еврейскую семью.

А дело было так. В местечке Немиров Винницкой об-ласти немцы расстреливали евреев. В то время там находился этот офицер. И, согласно легенде, он из под - расстрела увел девушку и ее семью. Затем завез их в Джурин. Более подро-бно читайте во 2 части моей повести в очерках «Список Аре-ма» и «Новые факты, продолжение». Бабушка стала просить Фаину попросить этого офицера спасти нас. Фаина владела свободно немецким и румынским языками. Она попросила его, и он велел ей написать нашу фамилию. И вот однажды летом нас стал активно разыскивать полицай. Мы, естествен-но напугались и спрятались. Он очень тщательно продолжал поиск. Наши соседи определили, что он ищет на что-то хоро-шее, и мы показались. Он дал нам какое-то время на сборы и ждал нас у ворот. Полицай нам сказал, что подъехал к лагерю немецкий офицер, вручил ему записку с нашей фамилией, ве-лел найти и привести в указанное место. Но полицай не про-водил нас, а только сказал, как туда пойти. Конечно, мы туда не попали. А как вернуться в лагерь? Того полицая уже нет. Куда идти? Вскоре нас обнаружили и гнали через весь лагерь. Но мы остались живы! Через некоторое время история повто-рилась. В этот раз полицай довел нас до указанного места и велел лечь в кювет. Офицер проехал, но к нему в машину под-сели еще офицеры и он не смог нас взять. Эти подробности он поведал Фаине и сказал, что все равно он нас спасет! На сей раз в лагерь мы добрались без происшествий. Но наши родственники не успокоились. В лагере нас разыскал какой-то парень и сказал, что через сутки будет выводить из лагеря

свою маму и сестру в Джурин. Наши родственники просили его (за плату) нас тоже привести. Мы не знали, радоваться или огорчаться, но понимали, что надо уходить, а точнее бежать из этого ада – еще одну такую зиму мы не выдержим!

Вышли в ночь. Наш опытный провожатый хорошо знал дорогу до Джурина, не раз пробираясь туда и обратно. Реку пришлось переходить вброд – мост охраняли немцы, и утром мы уже были далеко от лагеря. Вскоре добрались до Шпикова, что в 25 км от Джурина. Представьте себе пятерых с ужасным внешним видом. Август, а я в зимнем пальто, под которым ничего нет, все истлело, в зимней шапке-ушанке и в грязных фетровых валенках. Примерно так были одеты и все остальные. Когда в Шпикове мы перешли мостик, мать сказала провожатому, что дальше идти центральной улицей опасно. Мы обращаем на себя внимание своим внешним видом, и она предложила идти стороной огородами, но он отказался, с целью сократить расстояние. Тогда мать сказала, что дальше она дорогу знает, поэтому мы пойдем одни, что же касается оплаты, то он получит все сполна. Его амбиция сыграла, с ними жестокою шутку. Едва мы с мамой, отделившись от них, прошли 100 метров, и увидели, что к ним подъехал румынский патруль на бричке и стал их гнать обратно в Печеру. Мы с матерью успели затаиться – нас они не заметили. Затем огородами продолжили путь дальше. Мне очень трудно было идти, и мать изредка брала меня на спину.

Я уже писал, что до войны в Джурине был сахарный завод. Заводскую трубу было видно километров за 5, и все возвращающиеся домой, завидев ее, считали себя уже дома. Мы шли вдоль трассы Москва – Кишинев, обсаженной многовековыми липами. Рассказывали, что эти липы посадил, чуть ли не сам екатерининский фаворит Григорий Потемкин, когда ждал государыню, готовящуюся посетить свои новые владения. Многие из этих лип в два – три обхвата сохранились и до наших дней. Когда они цветут, вокруг распространяется пья-

нящий аромат. Это излюбленное место пчеловодов, они сюда переселяются на это время. Дорога между ними вся в тени, и ты едешь или идешь как будто бы в туннеле. Райское место! Кроме того, липы высажены в четыре ряда: расстояние между двумя рядами для конного экипажа. словно дорога для одностороннего движения, а между двумя парами деревьев расстояние составляет 24 метра – стандарт современной трассы. Кто так умно проектировал? Еще одна загадка!

Мать рассуждала вслух, и получалось, что она как будто бы советовалась со мной.

- Вот и труба видна, значит, мы уже дома, - обрадовалась она, - сейчас сядем под липу, чтобы нас не было видно с дороги, отдохнем немного и пойдем дальше. Я во всем с ней соглашался. Меня интересовал лишь один вопрос – далеко ли еще до дома? Но радость наша была преждевременной. Недалеке, в поле, мотыжила какая-то женщина. Она быстро сообразила, кто мы такие, а через поле шел румынский жандарм. Нам было видно, как она ему что-то говорит и показывает в нашу сторону. Он тут же направился к нам. Убегать было бессмысленно: во-первых, мы обессилили, во-вторых, он был вооружен, и ему ничего не стоило расстрелять нас. Он стал гнать нас обратно в Рахны, где был пересыльный пункт. Мы стали плакать и просить его отпустить нас, но он не стал нас слушать, но увидев в руке матери 5 марок, отпустил нас. Мать снова вслух рассуждает, что мы сейчас свернем с дороги, кустами доберемся до речушки и приблизимся к дому. Спустившись к речке, мы услышали румынскую речь и залегли. Решили дождаться темноты. Но сквозь кусты мы разглядели гражданских людей и среди них наших родственников. Мы стали кричать и звать их, они нас заметили, но вначале не узнали, а затем очень обрадовались встрече и понесли домой. Меня несла на руках наша приятельница Броня Кесельман, идти уже не было сил, я был истощен до предела. Радости бабушки не было конца. Она взяла меня под свою опеку, кор-

мила меня каждый час по маленькой порции, здесь был хлеб, помидоры, картошка. Я только не мог понять, почему мне не дают поесть досыта и я спрашивал у бабушки, почему она такая жадная. А дело в том, что здесь уже были случаи, когда голодные, наевшись досыта, погибали от заворота кишок. Только через неделю мне дали поесть досыта!

Вот так нам удалось вырваться из лагеря смерти! О таких лагерях Евгений Евтушенко очень точно сказал:

*...Наш концлагерь птицы облетают,  
Стороною облака плывут,  
Крысы в нем и то не обитают,  
Ну а люди пробуют – живут...*

Одна из бывших узников Печерского концлагеря, Светлана Коган, вспоминает о том, как стала «подопытным кроликом», жертвой медицинских экспериментов доктора Белецкого, прививавшего узникам брюшной тиф. Она чудом выжила. По данным автора статьи в московской «Международной Еврейской газеты» Ларисы Токарь (июнь 1996год), С. Коган с мужем (бывшем партизаном) проживала в Канаде и больше всего боялась одного – забвения того страшного времени и погибших евреев. Поэтому все послевоенное время она вместе с мужем Григорием, отдавала делу увековечения мест массовых расстрелов, устраивала лекции и экскурсии по местам еврейской скорби – ЧТОБЫ ПОМНИЛИ!

В 1988 году, благодаря колоссальным усилиям супругов, на стене замка графа Потоцкого была установлена мемориальная доска, на ней было написано о том, что происходило за стенами замка в годы нацистской оккупации. Всего несколько строк о безвинно замученных и погибших. Надпись стыдливо умалчивает о том, что в лагере убивали только евреев. В противном случае власти не разрешали вешать вот эту самую доску.

Завершая лагерную эпопею, хочу рассказать о людях, помогавших нам выжить в лагере. Снами в лагере была сестра матери, тетя Маня. Молодая, красивая, грамотная и очень порядочная девушка. Ее заметил и влюбился юноша Гриша Эльман.

«А семнадцать лет – они и в гетто, что ни говори, семнадцать лет!» (Евг. Евтушенко.)

Он находился там вместе со своими старыми родителями, тетей, братом и сестрой. Внешне он абсолютно не был похож на еврея. Это позволило ему сблизиться с полициями, и они за мзду, разумеется, выпускали его из лагеря. В окрестных деревнях он выменивал вещи на продукты и приносил в лагерь. Кое-что доставалось и его любимой, а значит, и нам. Это Гриша принял участие в моем спасении от чесотки, достав серную мазь. Провожая нас из лагеря, он просил сообщить ему, расстреливают ли евреев в Джурине, и можно ли там найти место, чтобы поселиться. Что вскоре и сделали. Гриша привел всю семью в Джурин. В доме у бабушки сделали хупу. И хотя лейках был из кукурузной муки, но семья получилась крепкой и здоровой, и свои чувства они пронесли через всю жизнь. Это очень дорогие для меня люди. Их уже давно нет с нами, но я, сколько буду жить – буду помнить их. Да будет благословенна их память!



Сестра Розы с дочкой Гетей

## ДЖУРИНСКИЙ РАЙ

В Джурине были свои трудности, которые, конечно, не идут ни в какое сравнение с концлагерем. Немцы, часто проезжавшие по трассе, все время рвались в местечко поиздеваться над евреями. Но находились ангелы – хранители в лице священника местной церкви, старосты и даже некото-

рых полицаев, которые все делали, чтобы спасти местечко. На перекрестке, при въезд в местечко, красовался большой щит с предостерегающей надписью: «ТИФУС!», чем удавалось отпугивать немцев. К сожалению, я не помню фамилий этих людей, но отчетливо помню тот факт, что после нашего освобождения их привлекли за связь с оккупантами. Это вызвало большое неудовольствие в местечке. Тут же были собраны подписи оставшихся в живых с просьбой отпустить этих людей, но начальник МГБ был неумолим. Более того он пригрозил разобратся и сходаками. После суда и 25-летнего пребывания в советских лагерях из них никто не выжил. Хотелось бы, чтобы таких людей хотя бы посмертно, но реабилитировали, они себя кровью не запятнали.

Да, в Джурине было гетто, но по сравнению с Брацлавом, не говоря уже о Печере, это был просто рай! Не было колючей проволоки, все оставались в своих домах, где и ранее проживали, конечно, были ограничения в передвижении – запрет выходить за пределы речки. Кроме малочисленной румынской жандармерии, была еще и полиция из местных украинцев, а также еврейский комитет самоуправления, юденрат, возглавляемый М. Розенраухом, заместителем был М. Кац. Они оставили о себе недобрую память. Наверное, об этом стоит рассказать поподробнее.

Еврейский комитет самоуправления был организован, в основном, из депортированных евреев, свободно говоривших на румынском и немецком языках. При нем была еврейская полиция из 20 человек. Положительным фактором было то, что они всегда могли договориться с румынами, но постоянно вжимали поборы – деньги, вещи и драгоценности. Никто не знал, какая часть отдавалась румынам, а какая оседала у них. Более того, они жестоко относились к коренным жителям, давших им кров. Поэтому сразу же после освобождения они постарались удрать из местечка, опасаясь расправы. Но следует отметить, что среди переселенцев было немало та-



лантливых, умных, грамотных и порядочных людей, которые положительно влияли на все население местечка, принимали активное участие в облегчении жизни людей – врачей, средний медперсонал, инженеры и техники.

Полиции, как я уже отмечал, вели себя лояльно, старались не вредить евреям. В связи с этим вспоминается такой случай. Какому-то румыну понадобился диван. Он взял себе украинского полицая и пришли к моей тете реквизируют диван, якобы для нужд армии. Тетя, набравшись храбрости, возьми и скажи полицая, благо румын по-украински не понимал:

- Вот придут наши, этот черт чужой в свою Румынию сбежит, а ты ведь останешься, что людям скажешь! Тот тут же «застеснялся» и объяснил румыну, что в диване есть клопы, и его не стоит трогать. С тем и ушли.

Жорж Березовский был осужден на 25 лет за связь с оккупантами и в 70 году вернулся в Джурин. На мой вопрос, не стыдно ли ему людям в глаза смотреть. Он мне ответил: «Представь себе, что не стыдно, я ведь за всю войну не обидел ни одного еврея, а за то, что я, таким образом, зарабатывал кусок хлеба – я отсидел срок!»

Жизнь была нелегкой, но шла своим чередом. Каждый старался что-то делать, чтобы заработать что-нибудь и выжить. Один варил мыло, а другой конфеты, кто-то пек хлеб. Некий Беркович, например, организовал концертную бригаду, которая выступала у кого-то дома – оплата была «натуральной»: хлеб, мука, картошка. Местные крестьяне имели рынок сбыта для своих продуктов.

Мы, дети были предоставлены сами себе – в школу не ходили, хотя в Джурине она работала. Местная учительница, советский орденосец довоенной поры, сказала детям, пришедшим в школу.

- Все жида должны быть вне школы! Никому до нас не было дела. Но мы не отчаивались. Сами придумывали игры:

«щурки – палки», «жмурки», «штандер» с тряпичным мячом и т. д. Это летом, а зимой: санки, самодельные лыжи и самодельные коньки – деревянные, подкованные проволокой, которые привязывались к ноге веревкой. Главное мы были сыты и за это благодарны нашим родителям, которые порой отрывали от себя кусок, чтобы нас накормить.

Разместились мы следующим образом. Дедушка, бабушка, тетя Молка, я, Миша, Фаня и Вова жили в дедушкином доме. Тетя Хона с Раей и Полей у себя, Тетя Этл с Леней тоже у себя. Утром все собирались вместе. Под руководством бабушки пекли хлеб для продажи, это был единственный доход семьи. Причем, участие каждого было определено. Дедушка обеспечивал дрова, Рая таскало воду (это около километра), тети Молка и Хона месили тесто, а бабушка работала у жаркой печи, на загрузке и выемке. Все делалось тихо, слаженно, качественно и профессионально.

...С нами у бабушки жила и семья папиного старшего брата - Мойши. Жена – Туба и три дочери: Зина, Соня и Люся. У старшей Зины было два ребенка: Шурику было 3 года, а Виле – год. С довоенных времен семьи дружили с украинцами. В один из дней к Зине пришла подруга и сообщила, что ходят слухи, что евреев вскоре расстреляют. Она предложила отдать ей Вилю. Она его спасет, а если все останутся в живых, она его принесет. На что ей Зина ответила: «Я тебе очень благодарна, что ты рискуешь и готова помочь мне. Но Вилю я тебе не дам. Что будет с нами – будет и с ним!»

Если тетя Молка надеялась дожидаться дядю Лейзера с фронта, то у тети Хоны такой надежды не было – репрессированные не возвращались. С молодых лет она осталась вдовой и всю свою жизнь посвятила детям: Ефиму, Рае и Поле – мужественный поступок тысяч еврейских женщин.

Я влился в детский коллектив, как только окреп. А в семье детей было много – Гельфоры Фаня, Миша, Вова; Фикмсан Поля; Хельмеры Циля, Миля; Рипа Шура, Виля, Сеня.

Кроме того, был и двухлетний родной братик Ленья.

Так уж получилось, что мама не сладила с родственниками, ушла к своим родственникам, а затем, после войны переехала в Брацлав. Однако каждое лето приезжала за мной и забирала меня в Брацлав на каникулы. Тетя Маня, дядя Гриша и их дети, Геня и Клара окружали меня заботой, теплом и вниманием. Я отдыхал, старался чем-нибудь помочь им по хозяйству. Дядя Гриша приучил меня к утренним (в 6 утра) купаниям в Южном Бугу. Было здорово! Возможно, это и помогло мне здесь в Израиле купаться круглый год. «Рекорд» был – 11 градусов воздух, 17 градусов вода! Мама все ждала весточки от отца. Увы! Как теперь мы узнали, ее не могло быть. Спустя 10 лет после войны она вышла замуж за Леню Петербургского и родила сына Сашу. Я поддерживал с ней связь. В 1994 году ее не стало. Да будет благословенна память о ней!

Я остался с бабушкой и дедушкой в этой большой и дружной семье. Были и у нас, несмотря на тяжелый быт небольшие радости, драчки между детьми, мелкие огорчения, но мы всегда защищали друг друга. Наши родители нам постоянно внушали, что все это зыбко и призрачно, может оборваться в любую минуту. До нас доходили слухи, что в окружающих местечках расстреляли всех евреев. Мы, дети, стали понимать озабоченность старших и слушались их беспрекословно, их слово было приказом. И напряжение, нервозность усиливались после самых различных происшествий.

Односельчанин наш, Михаил Радецкий, был связан с партизанами. Как-то он заглянул к своей семье. И надо же такому случиться, что румынский конный патруль, совершавший объезд обычно по утрам и вечерам из одного конца местечка в другой, свернул на улицу, где находился дом Радецкого, и он был там. То ли это была случайность, то ли кто-то выдал партизана, но ему пришлось спасаться бегством. Выскочив на улицу, он начал отстреливаться и в перестрелке убил одного из жандармов. Румыны, очевидно, не ожидавшие

такого сопротивления, и были в замешательстве. А он, воспользовавшись этой обстановкой, перепрыгнул через тын и скрылся в каменном карьере. Румыны подъехали к штольне, постреляли для виду, но войти вовнутрь побоялись. А в местечке началась паника – поползли слухи, что румыны начнут в отместку расстреливать евреев. Немцы – так точно бы всех расстреляли. Но все, слава Б-гу, обошлось. Весной 1943 года в небе появился самолет. Румыны по звуку определили, что это советский, и стали палить в него из винтовок. Летчик развернулся, снизился и сыпанул на место, откуда в него стреляли, бомбами. Началась паника. На улице была грязь, и румыны от страха падали прямо в лужи. А мы потихоньку радовались – это была как бы первая радостная весточка, хотя до освобождения Джурина оставался еще год. Год тревог и неопределенности, неожиданностей и страха.

Недалеко от Джурина разбился немецкий транспортный самолет, и немцы целую неделю, вывозили останки погибших. А мы дрожали! Этот постоянный страх держал всех в напряжении все годы оккупации.

И наконец, этот долгожданный день настал – 19 марта 1944 года! Я хорошо запомнил этот день, не саму дату, 19 марта, а то, как все это происходило. Накануне вечером прошел слух, что завтра нас освободят. Мы не знали, что делать – радоваться или переживать по двум причинам. За неделю до этого немецкое командование решило организовать линию обороны в местечке, используя гористую местность и тот факт, что из верхней точки местечка (район ветлечебницы) хорошо просматривалась трасса Москва – Кишинев. Через местечко проследовала немецкая артиллерийская часть. Мы, мальчишки, успели незаметно кое-что разглядеть (немцам было не до нас). Орудия установили вдали от местечка. А подразделение разместилось в местечке. У нас в доме поселились три немца. Один из них говорил немного по-русски. Про другого мы узнали, что он член нацистской партии. Это были уже не немцы

образца 1941 года. Они были жалкими, подавленными и четко представляли себе перспективу. Днем они уходили рыть окопы, а вечером приходили ночевать. В угол ставили автоматы, гранаты, что представляло для нас, мальчишек, интерес. Один из немцев взял на руки мою сестру и, прослезившись, сказал, что у него в Германии осталась жена и двое детей, вряд ли он их еще увидит, подарил сестре бусы, которые «заготовил» для своих дочерей. Он предупредил нас быть осторожным с тем рыжем немцем, который, издыхая, люто ненавидел евреев. Они ушли утром 18 марта, объяснив, что офицер покинул их, обещал вернуться с танками. Но они недалеко ушли: 20 марта их, уже пленных, пригнали в местечко и поместили в конюшню. Мой брат Миша прибежал радостный и сообщил: «Мама, я видел, как вели пленных и среди них был тот «хороший немец»». Он схватил кусок хлеба и побежал передать этому немцу.

Вторая причина, сдерживавшую нашу радость – это боязнь провокации. Были случаи, когда в других местечках распускались слухи об освобождении, и когда начиналось ликование, прибегали румыны и полицаи, и начиналась расправа. Однако у нас все прошло нормально. Ночь была спокойной. Тем не менее, утром евреи стали «вылезать» из своих жилищ, осторожно оглядываясь и прислушиваясь. День был хмурым, облачным, снега уже не было, но было холодно. Люди стали собираться на «пяточке» - в центре местечка, ожидая чуда. И вот появились наши освободители! Это была группа из 10 – 12 человек, плохо одетых (во что попало: от фуфаек до немецких шинелей), грязных, измученных – партизаны близлежащего отряда и одна полуслепая лошадь. Мы сначала опешили. Особенно хорошо это было видно на лицах румынских евреев. Они не могли понять, от кого бежала до зубов вооруженная немецкая армия. И только когда через пару дней по дороге на Кишинев пошли регулярные части Красной Армии, сомнения и вопросы не возникали.

А местечко ликовало! Все поздравляли друг друга, обнимались, целовались, радовались счастливому освобождению, со слезами на глазах благодарили освободителей. Не обошлось и без курьезов. Партизаны поймали итальянца (мы их различали по шинелям - они были светлее немецких) и вели его в свой символический штаб. Прибежавшая бабушка, не разобравшись, кто есть кто, бросилась на шею пленного и стала его благодарить. И тогда партизан ей говорит:

- Бабушка, это ведь немец!

- Да?! И тогда, размахнувшись, она отвесила ему крепкую оплеуху. Дальнейшую расправу остановил партизан, объяснив, что это уже военнопленный, и устраивать самосуд нельзя.

Многим захотелось выйти за пределы местечка, чего раньше сделать было невозможно, и они ринулись (в том числе и я) через мост. Но этот порыв быстро затормозился. В небе появились 28 самолетов, многие не стали обращать внимание на этот факт и говорили: - Чего вы остановились, чего испугались, это ведь наши самолеты! Но интуиция и небогатый опыт подсказывали нам, что нужно вернуться назад. И не зря! Я успел добежать до высокой стены, залег под стеной и смотрел. Самолеты, развернувшись над местечком, выстроились в ряд и стали пикировать на заводскую трубу, действовавшего до войны сахарного завода. Я четко видел, как у первого самолета раскрылось «брюхо» и что-то стало вываливаться, кувыркаясь (это красивое зрелище я наблюдал до момента касания бомбы с землей), а затем мощный грохот, столб пыли и дыма. Я уткнулся лицом в землю и весь дрожал от страха. Самолеты отбомбились и улетели, так и не попав в трубу. Во время бомбежки погиб один человек. Позже мы узнали, что нас бомбили по ошибке, вместо действующего Дербчинского завода, в 12км от нас, которого немцы не успели взорвать при поспешном отступлении.

Через несколько дней началось передвижение войск –

готовилась Яско – Кишиневская операция. Это было грандиозное зрелище! Ни у кого не возникало вопросов, от кого бежала немецкая армия. Мы дневали и ночевали у трассы. С гордостью наблюдали за передвижением войск. Походным строем шла пехота, с грохотом проходили танки и артиллерия, величественно двигались «Катюши», закрытые брезентом. Остановок и привалов не было. Войска шли днем и ночью. У нас не было что дарить солдатам, но мы махали руками и кричали «ура» каждому подразделению. У одной из «Катюш» что-то сломалось. Они заехали во двор у дороги и стали ремонтировать. Кто-то из наших взрослых «унюхал», что командир «Катюши» еврей, а так как наступил «Песах», то его пригласили к седеру. Он рассказал нам о своем боевом пути, благодарил за приглашение, сказал, что оно скрасило его боевые будни. К сожалению, память не сохранила ни имени, ни фамилии этого офицера.

До окончательной победы оставалось чуть больше года!

А в местечке стала налаживаться жизнь. Каждый день почта приносила то радостные весточки, а то грустные, их читали все вместе. Стали возвращаться раненые. Все местечко потряс такой случай. В Джурине жила семья Герман. Дочь Роза до войны вышла замуж за Артема Свинобая. Это всегда шокировало местечковых, Но чувство молодых было глубоким и искренним, и они не обращали внимания на мнение окружающих. Жили они в любви и согласии, родили троих детей. В 1941 году Артем ушел на фронт и никаких вестей от него долго – долго не было. Наконец – то пришло письмо без обратного адреса. В нем он описал некоторые подробности последнего боя. Его танк подорвался на mine и экипаж с большим трудом спас своего командира. Но лицо его и тело было сильно изуродованы. Поэтому он не хочет быть для нее обузой и просит не ждать и не искать его. Но нужно было знать Розу – красавицу и энергичного человека, да еще горячо любившего

своего мужа! Через Облвоенкомат она нашла адрес госпиталя, где находился Артем, привезла его домой и выходила! Он начал работать, и они зажили счастливо. Позже он признался своей дочери Тамиле, что если бы он в госпитале увидел свое отражение, то покончил бы с собой. Этот случай потряс все местечко! Их уже давно нет с нами – светлая им память, но их любовь и жизнь стали примером взаимоотношений между людьми для многих поколений!

Полного спокойствия в местечке еще долго не было. Джурин находится в 40 км от станции Жмеринка и в 30 км от станции Вапнярка. Это узловые станции. Там всегда скапливались эшелоны с армейскими подразделениями и боевой техникой, Немцы постоянно бомбили эти станции. А зарево пожара было видно в местечке. Но гораздо хуже было другое испытание. В темные, пасмурные ночи немцы на парашютах спускали осветительные ракеты. Иногда, в зависимости от направления ветра, они начинали их запускать над местечком. Представьте себе такой кошмар: ночь и вдруг становится светло, как днем, над тобой гудят самолеты, но их не видно и ты не знаешь куда бежать. Первоначально мы очень пугались и убегали из домов в поле, пережидали там этот ужас. Затем привыкли и оставались дома. Все это продолжалось довольно долго.

Постепенно фронт уходил все дальше и дальше, и становилось спокойнее. Но каждый день напоминал, что идет война. Мы с большим волнением и вниманием слушали сводки с фронтов, которые нам сообщал Левитан (у нас появилось радио), а затем передавали их содержание соседям.

И вот наступил этот радостный, долгожданный День! Утром Левитан объявил о капитуляции Германии и об окончании войны. Мы все припали к репродуктору и старались запомнить каждое слово, но в ушах звучало главное: ПОБЕДА! ПОБЕДА! ПОБЕДА!

Затем я побежал к соседям поделиться радостной ве-



стью. День был солнечный, теплый, уже расцвела сирень, которая придавала этому Дню особую радость и красоту. Запомнился такой эпизод. У соседей напротив был небольшой каменный сарайчик, где они хранили топливо. Но так как он не был привязан к дому, то мы считали, что во время обстрелов, бомбежки в нем безопаснее и всю войну он служил нам убежищем. Выбежав 9 мая на крыльцо, я в радости и не заметил, что сарайчика нет, он просто развалился, как будто тоже ждал этого дня и счел свой долг выполненным.

А местечко ликовало! Все поздравляли друг друга. Мы уже были школьниками. В школе прошла торжественная линейка – какие уроки?! Победа!

Вскоре стали возвращаться победители. Мы снова «окупили» трассу. У дороги остановился полковой оркестр. Особо торжественно и величаво прошагала кавалерия. Пехота возвращалась на машинах. Мы бросали им цветы и провожали восторженными возгласами, а солдаты бросали нам конфеты, карандаши, ручки, шоколад.

## ТОГДА СЧИТАТЬ МЫ СТАЛИ РАНЫ

Оглядываясь назад и еще раз, мысленно переживая прошедший кошмар, я с тревогой за своих детей и внуков думаю, неужто евреям придется еще раз пережить подобное?!

Итак, женщины, дети, дед Шимон были в Джурине всю войну. Часть мишпахи оказалась в Пензе благодаря Йосифу Розенбергу, офицеру железнодорожных войск. Там жили тетя Блюма Розенберг (папина сестра) с сыном Леней, а вскоре родился Сеня, тетя Ида Хельмер, жена папиного брата с сыновьями Мишей и Наумом. Позже к ним присоединились Фима Фиксман, мой двоюродный брат,



Йосеф Розенберг

и Данил Хельмер, самый младший из мишпахи папин брат. Спустя еще немного времени и к ним присоединились дядя Мойше, самый старший папин брат и дядя Янкель Бурд, муж папиной сестры. Долго им не дали быть вместе: дядю Мойше



Дядя Беря

и Янкеля призвали в армию. А молодые пошли работать: Данил – на мясокомбинат, а Ефим – кочегаром на железную дорогу. Он ездил на ветке Пенза – Кузнецк. Так угодно было судьбе, что через 28 лет я поселюсь в Кузнецке и буду часто ездить по этому маршруту. В декабре 1941 года Ефим добровольно поступил в военное артиллерийское училище и через полгода уже воевал офицером на фронте. А Данила призвали в армию в 1944 году. Остались дома только женщины и дети.

За время войны наша мишпаха понесла большие потери. Тетю Соню, папину сестру, беременную, немцы расстреляли в Вороновице Винницкой области. Дядя Йосиф и папа не вернулись с войны. Тетя Блюма, казалось, выжила в этом аду. Но вернувшись в Винницу, не имела где поселиться – ее квартиру заняли местные жители. Жить ей пришлось в коридоре, где вскоре она простудилась и умерла в мае 1945 года. Дядю Берла Хельмера привезла в Джурин медсестра с серьезными ранениями ног. Он не мог самостоятельно передвигаться. Лишь благодаря заботам жены – тети Мотл, детей Яши, Цили и Мили он вскоре встал на ноги, они зажили счастливо и вскоре у них появился сын Гришенька. Для одной семьи это были большие потери! Позже демобилизовался трижды раненый офицер – артиллерист Ефим Фиксман. Сын репрессированного, а затем реабилитированного отца, которого обвинили в контрабанде, его – конюха колхоза. Но никак не могли установить предмет контрабанды. Так он исчез, как лагерная пыль. Более того, его старшеклас-

ника, активиста отказались принять в комсомол. Он написал письмо самому товарищу Сталину, и получил ответ, что сын за отца не отвечает. Против этой индальгенции никто устоять не смог и его приняли в комсомол! Тетя сохраняла это письмо до прихода немцев, а затем сожгла.

Возвратившись в Джурин, он вначале возглавил отделение Госстраха, затем был избран председателем сельского совета, директором промкомбината. Всюду его выручали природный еврейский ум и смекалка, помноженные на самообразование, что позволяло ему выводить предприятия в передовые. Вскоре его избрали председателем, когда-то гремевшего на всю страну, колхоза «Третий выришальный» Крыжопольского района, а затем захиревшего и сдавшего свои позиции. За два года колхоз вышел вновь в передовые. В 1967 году к 50-летию Советской власти райком партии представил его к «Золотой Звезде». Но автомобильная авария, нелепый несчастный случай и все полетело вверх тормашками. Он тяжело болел и рано ушел от нас. Да будет благословенна его память! Вы спросите, почему я уделяю ему столько места на страницах своей повести? Я постоянно следил за его успехами, радовался и гордился им, и он изредка посвящал меня, пацана, в свои планы, показывал достигнутые результаты, и это положительно влияло на мое миропонимание, и, конечно, на мое еврейское самосознание. Память о нем живет в нашей семье, его помнят все, кто общался с ним, кого он хвалил и даже ругал. Вот такой он был человек!

Началась мирная жизнь: вернулись домой дядя Янкель и дядя Лейзер и все зажили своей жизнью.

Я остался сиротой и стал жить с бабушкой и дедушкой – моими новыми родителями. После смерти тети Блюмы с нами жили ее дети Леня и Сеня, так как их отец Йосиф Розенберг находился в войсках в Германии.

Дедушке было свыше 70 лет, но он потихоньку что-то делал, и это «что-то» давало возможность хоть как-то про-



Двоюродный брат  
Миша

жить, а когда его не стало 13 августа 1949 года, мы с бабушкой осиротели – остались без кормильца, без всяких средств существования. С помощью Ефима, правда, удалось добиться пенсий, мне и бабушке за отца и сына. Но это не спасало, и бабушка вынуждена была сдать комнату квартирантам. У нас поселился Григорий Малай с женой и малым Давидкой. Вскоре между нами возникли дружественные отношения. С таким доходом мы продолжали жить.

Так как тетя Молка вела хозяйство вместе с бабушкой, то ей в придачу достался и я. У нее было трое своих детей и довольно скромные материальные возможности, и, тем не менее, она делала для меня все, как и для своих детей, и, как я понимаю сейчас, иной раз и больше. Перепутались у нас в семье понятия «родной» и «двоюродный». Тетя Молка скромная, без амбиций и притязаний, великотруженница и великомученица тянула терпеливо этот воз. Дядя Лейзер был ей под стать – немногословный трудоголик, выходец из бедной многодетной семьи. Поженились они по большой любви и пронесли это чувство до могильной плиты. Миша был старше меня, но с третьего класса мы сидели за одной партой, вместе готовили уроки и ходили на подработки, чтобы принести в дом копейку, тайно покуривали «как взрослые», а в юношеском возрасте ухаживали за девченками. С Мишей мы расстались после 10 класса – он ушел в Черновцы, поступил в железнодорожное училище. Окончив училище, он был направлен на станцию Крыжополь дорожным мастером. Там он женился на Соне, родили они четверых детей и оттуда эмигрировали в Германию. Мой же путь был несколько иным. Работа в школе, армия, Кузнецк и Израиль. Миша ушел в иной мир! Прощай мой брат, друг и товарищ!

Аналогичные отношения сложились между моим родным братом Леней и Вовой. А с Фаней все мы общались меньше – она была младше нас, а с малышкой какой толк?

Судьба Вовы и его супруги Ирины сложилась трагично, они рано ушли из жизни, не насладившись счастливой жизнью единственной дочери Рады и ее детей и их внуков. Вечная им память!

Не совсем гладко сложилась судьба у Фани. Вышла замуж по любви за красавца Фиму, чудесного парня, классного специалиста. Жили счастливо, пока не подкралась к нему болезнь. А потом его на смерть сбила машина. Остался сын Миша – копия отца. Спустя несколько лет Фаня вышла замуж за Гришу. Они репатриировались в Израиль, получили социальное жилье (хостель) и им бы жить да жить, но судьба распорядилась по-другому: сначала ушла Фаня, а затем Гриша. Да будет благословенна их память. А в Израиле у Миши с Аннушкой растут три сына – богатыря, ее внуки: счастья им и удачи!



Двоюродный брат Вова

Мне уже 14 лет – хочется и в кино, и мороженого, Вот и приходится искать выход из сложившегося положения, зарабатывать на «карманные» расходы. «Голь на выдумки хитра». Я научился писать плакатным пером, В Доме культуры мне давали афиши – безымянки, я заполнял их, брал с собой в школу, и там вывешивал. За это я получал право бесплатного посещения киносеансов в неограниченном количестве. Обучаясь в 7 классе, стал заниматься репетиторством, занимаясь с отстающими младшими школьниками, это давало некоторый заработок. Не задумываясь, что судьба мне уготовила - стать педагогом в дальнейшей жизни.

## ШКОЛА, ИЛИ НА ПОДСТУПАХ К ПРОФЕССИИ

После освобождения Джурина начались занятия в школе, и об этом, наверное, следует рассказать подробнее. В августе 1944 года мы, все еврейские дети, пошли в школу: и кому было 7 лет, и кому было 12. Педагогам необходимо было распределить нас по классам. Нам устроили условный экзамен. Из нашей семьи было трое: Миша Гельфор, 12 лет, его определили во 2-й класс; Полю Фиксман – она прочла какой-то стишок, определили во 2-й класс; а меня, умевшего писать только печатными буквами и тут же доказавшего это, определили в 1-й класс. Для семьи это было «экономически невыгодно, так как необходимо было два комплекта учебников. Поэтому после моего окончания на «отлично» первого класса тетя Молка принимает решение – все лето я должен ходить к учительнице заниматься по программе второго класса за дополнительную плату. Затем сдать экзамен за второй класс и идти прямо в третий со всеми. Мне уже было 10 лет.

И вот 1 сентября я уже третьеклассник. Но «недолго музыка играла». Читать – писать было проще, а вот математика... Во втором классе изучаются основы арифметики: таблица умножения, деление столбиком и т.д. Я же прошел все это галопом, а фактически не усвоил, практики никакой, и «поплыл». Результаты по математике были плачевными, а текстовые задачи были для меня, вообще, недоступными. Я даже не читал их и не брался решать. Все это длилось довольно долго, вплоть до шестого класса. Я научился списывать, и, казалось, успокоился, но судьбе было угодно распорядиться по-другому. Шестой класс оказался «переломным»!

Во-первых, это сразу три математических предмета: арифметика, алгебра и геометрия.

А во-вторых, мне просто повезло, что на моем пути встретилась учительница математики, настоящий педагог и просто замечательный человек – Бузя Мироновна Бромберг, кстати, по образованию ... учительница иностранного языка.

Эти два обстоятельства повлияли на мою дальнейшую судьбу!

Арифметика, как и ранее, меня просто пугала, и, казалось мне недоступна, алгебра еще так себе, хотя я и донимал учительницу вопросами типа «чему равна сумма  $a+b$ ?» но геометрия с ее последовательностью, логичностью изложения, четкостью определений и формулировок, подкупала и заставляла задумываться. Я стал все больше и глубже вникать в содержание предмета, поднимать руку на уроках, но ко мне относились с недоверием. Даже после того как я повторил у доски, только что доказанную теорему, учительница сочла это моей «домашней заготовкой». Но интерес к предмету рос не по дням, а по часам. Учительница стала обращать на меня внимание. Это была революция в моем сознании. Более того, я стал внимательно вчитываться в условия заданий и у меня стало, получаться и по арифметике и по алгебре. Те, у кого я еще недавно сдувал, стали списывать у меня. Для меня это был стимул и толчок, связавший всю мою дальнейшую жизнь с математикой

Так уж сложилась моя профессиональная судьба, что то самое лучшее, что старалась мне передать, Бузя Мироновна, впоследствии, спустя много лет, передал ее племяннику, Виктору Кутафьеву, и небезуспешно. Это один из моих любимых учеников. У него острый логический ум, природная смекалка. Виктор выбрал для себя медицину, а математика для него тот инструмент, которым он пользуется и для установления диагноза, и для выбора метода лечения в каждом конкретном случае.

Когда передо мной стал вопрос о выборе факультета, то не было никаких сомнений – физмат! И после всего этого – 47 лет трудового стажа учителя математики. Даже будучи завучем 28 лет, я не расставался с математикой: два класса у меня всегда были (с5 по 11) плюс факультативы. Воспитал учащихся, влюбленных в математику. Связавших с ней свою

судьбу, применяющих ее в других отраслях. Среди моих питомцев – инженеры, врачи, агрономы, офицеры и т.д. В своей работе я всегда помнил свой горький опыт и никогда не терял надежду, если попадались дети с плохим знанием предмета. Винил себя – может для этого ребенка я не тот учитель, кто может помочь ему в его незавидном положении. И всем коллегам твердил: «Будьте внимательны к детям! Не торопитесь выносить скороспелые выводы об их способностях! Будьте терпеливы и настойчивы!»

Я выбился в лучшие ученики, повзрослел, на меня стали обращать внимание учителя. Была у меня заветная мечта – вступить в комсомол. Вскоре после вступления меня избрали секретарем первичной комсомольской организации нашей семилетки. Нас было немного. Платили взносы за год вперед, были исполнительны, сажали деревья, оборудовали стадион, собирали металлолом и макулатуру. Мы были в числе лучших комсомольских организаций района.

Однажды, после уроков, мы взяли лопаты, грабли и всем классом пошли расчищать беговые дорожки на стадионе. Когда я возвращался домой, наш сосед ребэ Каральник остановил меня:

- Янкеле, ингале, скажи-ка мне, сколько вам заплатили за эту работу?

- Нисколько, ребэ Каральник, мы ее делаем бесплатно, более того, с желанием и с удовольствием! - с гордостью ответил я.

- Но что же ты сказал ребятам, что они тебя послушали и, вообще, какой там у вас порядок, в вашей организации?

Все интересовало этого человека – и жизнь, и нравы, и досуг молодежи, подумал я тогда. Теперь же мне видится несколько по-иному. Уже здесь, в Израиле, я понял – наверное, ребэ задавал себе вопрос – что же произошло и что он, ребэ Каральник, упустил в своей великой миссии, что молодежь, «идн», пошла не за ним, а за безбожниками: коммунистами



и комсомольцами?! Успокойтесь, милейший ребэ Гершл Каральник! Время все расставило по своим местам! Пришло время запоздалого прозрения для всех, в том числе и для нашего народа, для моего народа, отлученного безбожной властью от своих национально – религиозных корней. Да, мы светские люди, но постепенно и мы, и наше поколение моего сына, и внука, вернутся не только в дом свой, но и к самим себе, и будет у них авторитетом такой глубоко нравственный человек, как Вы. ребэ Гершл, а не какой-то комсомольский безбожник!

А досуг у нас, молодежи, был, как и все – скудный. Поначалу – кино два раза в неделю. Как могли, старались разнообразить нашу жизнь. Появился патефон (раньше танцы были под гребенку), и мы стали организовывать танцы на дому. Почти все переростки, появляется интерес к противоположному полу: играем в «бутылочку», «фантики» и т.д. Летом – подработка в колхозе. Чтение книг непременно и летом и зимой. Конечно, сельская библиотека недостаточно удовлетворяла наши интересы. И не было у нас лоцмана в книжном мире, и мы от этого много потеряли. Зимой, как в детстве, катались на самодельных коньках и лыжах. Из трех коньков сооружались особые санки – «истребитель». Спускались от ветлечебницы до колодца по вечерам на большой скорости, так что дух захватывало. Такой истребитель был у Абраши Клейнермана, который катал на нем, стоявших в очереди, девчат, а мы тихо ему завидовали. Но при всем при этом мы не забывали нашу главную задачу – учиться!

### **БОЛЬШОЕ ИМ СПАСИБО ЗА ЭТО!**

После окончания семилетки родители устроили нам шикарный, по тем временам, выпускной вечер. Мы прощались со школой, со своими товарищами с учителями. Мы благодарили своих учителей. С любовью я теплотой я называю имена своих учителей: первую учительницу Екатерину Александровну Казанчук, Бузю Мироновну Бромберг, Аделю

Давыдовну Резник, Фроима Мойсеевича Штивельмана, Фаину Ульяновну Шейвехман. Кто бы мог полумать, что пройдет девять лет, и я приду в свою родную школу, но уже как учитель математики, и они, вчерашние мои учителя станут моими коллегами!

В Джурине, как в райцентре, было две школы – семилетка и средняя, и мы, окончив семилетку, потянулись в среднюю. Но так как в районе имелось только две средних школы, то в Джурин потянулись дети из близлежащих деревень. Всего набралось 85 человек, а по плану можно было открыть только один класс. Руководство школы приняло решение – посадить за парты всех детей, а через две недели провести контрольные работы по языкам и математике, а несправившихся – отсеять. Обучение в средней школе в то время было платным – 150 рублей в год, поэтому утверждение о бесплатном школьном образовании в СССР не совсем соответствует действительности.

После каждой контрольной нас оставалось все меньше и меньше и дошло до 40 учащихся. Это помогло РОНО, и открыли один класс. С другой стороны, представьте себе трагедию детей, которые не смогли из-за этого не только получить среднее образование, но на работу их никто не брал. Не смог продолжить обучение и мальчишка из села Голынченец Андрей Пустовит. Отец погиб на фронте, воспитывала одна мать. Не долго думая, она увезла его в Одесскую духовную семинарию, и его, естественно, тут же приняли и стали обучать его, обеспечив всем необходимым: общежитие, одежда, питание. Мать была на седьмом небе! Но что тут началось! Андрей был комсомольцем. Когда сведения дошли до Москвы, то корреспондент «Комсомольской правды» вылетел сразу в Джурин, минуя Киев и Винницу. Руководящие партийные и комсомольские работники получили соответствующие взыскания. А Андрей успешно окончил семинарию и получил приход в деревне. Духовные пастыри, слуги Б-жьи

оказались нравственнее властей, не дав пропасть сыну погибшего солдата.

Но 10-ый класс окончили всего 26 человек, в том числе 12 еврейских детей. Класс был сильным, сплоченным, тянувшийся к точным наукам. Ребята достаточно серьезно готовились к получению среднетехнического и высшего образования.

Обучаясь, мы как-то не задумывались о национальном вопросе и жили дружно. Жизнь была насыщенной, мы много читали и выросли. Начинали задумываться о светлом будущем. Но «лакмусовой бумажкой» стало «Дело врачей», способствовавшее появлению трещины в наших отношениях. В основном, все осуждали, не акцентируя на национальной принадлежности. Да как можно было относиться к этому делу по другому – ведь были изложены вопиющие факты (МГБ «потрудились на славу»). Лишь одна подруга, имя которой даже не хочется называть, щадя ее потомство. Она не скрывала своего восхищения мужеством агента МГБ Тимошук, раскрывшей «заговор врагов народа», строила из себя патриотку. Спустя немного времени, когда все это рухнуло, ей было стыдно смотреть нам в глаза. Но ведь все это надо было нам пережить, и это было!

В школе существовал драмкружок. Выступали мы не только на районной сцене, но выезжали в близлежащие села со своими спектаклями. Мерзли и недосыпали, но нам было интересно. Руководила нами Ася Исааковна Бендит – учительница украинского языка и литературы.

Активно занимались и спортом. Мне посчастливилось попасть на областную спартакиаду школьников. Я выступал в забеге на 400 метро. Ни рекордсменом, ни чемпионом я не стал, медали не получил, но диплом участника приятно тешил мое юношеское самолюбие и яркие впечатления от встреч с интересными людьми и закалка – все это осталось со мной на всю жизнь

Ко времени окончания школы у нас выделились два претендента на медаль: Петя Врублевский и автор этих строк. Но в последний момент директор школы, под давлением состоятельного родителя, стал настаивать на третьей претендентке. Но наши педагоги -- Ася Исааковна Бендит и Любовь Ильинична Перельман, рискуя своим служебным положением, продемонстрировали принципиальность, наотрез отказались выполнить указание директора. Я восхищаюсь их мужественным поступком! И тогда директор принял беспрецедентное решение – никого не представлять к награждению (большое ему «спасибо» за это). Вот так мы и остались без медалей.

Школьные годы, база полученных знаний, взаимоотношения между учителями и учениками – все это помогло мне в дальнейшей жизни. И сегодня, на склоне лет, я хочу низко поклониться своим любимым учителям, особенно Бузе Мироновне Бромберг, давшей толчок моим математическим задаткам и Евгению Федоровичу Мистюку, развившему их и научившему меня пополнять свои знания.

### «УЧИТЬСЯ И УЧИ!»

Аттестат зрелости на руках. А что дальше? Юношеские мечты о юридическом или политехническом институте оказались для меня, увы, несбыточными. Жизнь заставила приземлиться. Умные люди подсказали, что следователь, хоть и профессия нужная, хорошая и интересная, не для «инвалида пятой группы». А политехнического института в Виннице нет. Дальше ее было ехать не на что. Оставался лишь пединститут в Виннице.

Да и жилья, во время сдачи экзаменов мне не понадобилось. Тетя Ида, приютила меня на веранде. Тетя – это жена папиного брата, не вернувшегося с войны. Она воспитывала двух сыновей и престарелую мать..

Экзамены сдавал спокойно и хорошо. Из четырех сдан-

ных – три пятерки и одна четверка. Оставалась еще химия и физика. И вот тут я впервые столкнулся с антисемитизмом. На экзамене по химии меня старается срезать преподаватель. Делает это грубо и неприкрыто, заставляя меня взять второй билет (где это видно на вступительных). Но ему и этого мало, и он сам выбирает мне третью задачу. Но мои знания свежи и прочны, и он растерялся и не знал, как поступить в присутствии, ставших свидетелями еще троих абитуриентов. Он даже побоялся в экзаменационный лист, лежавший перед ним, поставить мне двойку. Правда, он сказал, что я имею право обжаловать его решение. Я, по своей наивности, обрадовался такому предложению, решив, что справедливость восторжествует и ректор исправит допущенную ошибку. Ректор Ткаченко был ярым антисемитом, но об этом я узнал гораздо позже. Он очень любезно выслушал меня и посоветовал идти к преподавателю на переэкзаменовку. Я обрадовался, но преждевременно, он спросил меня, где записка ректора на переэкзаменовку. А ректор мне сказал, что он не имеет права приказывать преподавателям. Так я несколько раз бегал туда и обратно. Наконец, я понял, что это всего лишь грязная игра. Против моей фамилии стояла «галочка», я был изначально обречен, и это была инициатива даже не конкретного преподавателя, а нечто большее – государственная политика. На дворе стояли 50-е ! Дело было сделано!

Представляете, в каком я был подавленном состоянии. Ведь со стороны это выглядело как нонсенс – кандидат на медаль проваливает вступительные экзамены в вуз. Не всякому же объяснишь, истинную причину и не все поймут. Расстроенный, вернулся в Джурин. Целыми днями сидел дома, не показываясь на улицу. Стыдно было людям в глаза смотреть, хотя вины моей в том провале никакой не было, а вся вина ложится на государство, в котором наряду с тоталитарной коммунистической идеологией господствовала юдофобия. Таким, собственно и был наш Советский Союз.

Но свет, все - таки, оказался не без добрых людей, готовых бескорыстно оказать помощь.

И вот такими ангелами – хранителями, людьми совести и чести, чуждыми заразы по имени антисемитизм, для меня стали двое – мой бывший учитель математики Евгений Федорович Мистюк и завРОНО Константин Георгиевич Марченко.

Марченко попал в Джурин после окончания Одесского университета и был назначен директором семилетки. Вскоре он становится заведующим РОНО, а затем – председателем райисполкома. Грамотный, умный, интеллигентный человек, интернационалист в полном смысле этого слова. В нем сочетались качества отличного педагога и администратора – хозяйственника. О нем по району ходили легенды. Как-то заехал в один дальний сельсовет. Но прежде, чем поехать на ферму, он налил себе из графина воды и выпил залпом. А вместо воды в графине был «первач»! Он сделал вид, что не заметил, хотя внутри был пожар. Пока пил, рассказывал он после, успел продумать свои действия. Признать, что там самогон -- значит, немедленно гнать председателя с работы и из партии взащей за пьянку на рабочем месте (тогда с этим было очень строго). А председатель был хороший работник, да и ставить в этой глухомани на эту должность некого. Значит, надо было выбирать наименьшее зло...

Марченко был в свое время, тоже подвергнут «партизбиениям» -- скрыл при вступлении в партию свое происхождение, будучи сыном священника. Кто-то узнал об этом, «стукнул» и он лишь чудом остался в партии, отделавшись строгим взысканием. Наверное, поэтому я считаю поповского сына своим «крестным отцом», благословившим меня на путь нелегкий, но почетный, в профессию учителя...

Зная мое незавидное материальное положение, он пригласил меня в РОНО и предложил мне пойти учителем математики в село Голынченцы (8км от Джурина). Я, было засо-

мневался, выйдет ли, получится ли у меня. Он посмотрел мне в глаза и тихо, но ясно сказал, и я запомнил его взгляд и голос этот на всю жизнь:

Учись и учи!...

Тут же он вызвал инспектора по кадрам и приказал оформить меня задним числом, чтобы я смог получить немного денег.

Вот так я стал учителем математики Голынченецкой средней школы. Думаю, что сегодняшним русскоязычным учителям Израиля было бы интересно прочесть об опыте их галутного коллеги.

Первый год трудовой деятельности дался мне ох как нелегко! Два пятых класса по 45 учащихся в каждом. За время урока я не успевал даже всех оглядеть. Старался не кричать, относиться по-доброму. Но главная моя ошибка – попытка «упредить» нарушителя дисциплины – видя его намерения, я делал ему замечание, а это в корне неправильно! Учитель должен все видеть, но не все замечать! Отсутствие опыта привело к тому, дисциплина стала просто ужасной. И уроки арифметики стали считать «уроками свободы»: кто-то рисовал, кто-то пел, а кто-то мог выйти из класса. Мои опытные коллеги Григорий Кузьмич Кибя и Юрий Филиппович Савчук старались помочь мне, учили анализировать уроки, ошибки, когда и кто спровоцировал нарушение дисциплины, чтобы не допускать это впредь. Порой виноватым в этом был я! Но время было упущено. В школе было известно, что у меня на уроках можно и пошуметь. У меня начал вырабатываться страх перед уроком, мне было стыдно перед коллегами, и я готов был таскать камни, копать землю, но только не идти на урок!

После первого года работы стало легче. На уроках улучшилась дисциплина, но это еще был не тот результат, которого мне хотелось.

Я успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом – заочником физмата. Но все было нарушено призы-

вом в армию. Никакие доводы и просьбы РОНО об отсрочки (некому было найти на замену) не помогли. Военком был неумолим!

Хочется добавить, мы с братом Леней - первые во всей нашей мишпахе, получившие высшее образование, что до сих пор вызывает недоумение родных. Почему? По-видимому, «виновата здесь генетика – наши родители передали нам тягу к знаниям.

### «ДАН ПРИКАЗ ЕМУ НА СЕВЕР»

Вот так, в октябре 1954 года я и оказался в саперных войсках, подчиненных командованию Северного флота, на Кольском полуострове. Первое время мне было нелегко – ночные тревоги, многокилометровые кроссы с полной выкладкой на лыжах и без, в снежные заносы и в пургу, когда двигаться почти невозможно, штурм сопок, вершины которых находились достаточно высоко, почти в облаках, нехватка 15% кис-



Североморск. 1955 г.

лорода в воздухе, смена времен года и суток, полярное лето и зима, полярный день, отсутствие ночи и наоборот. Но вскоре мы привыкли и достойно справлялись со всеми тяготами и лишениями солдатской жизни. Кормили нас и одедали хорошо по флотской норме. А культ – массовую работу мы организовывали сами: спортивные соревнования, художественную самодеятельность, лотереи, экскурсии по новому краю.

Мы очень быстро привыкли к «отсутствию» ночи в июне-июле. Солнце почти не заходит, чуть спрячется за сопку и опять выглянет с другой стороны, но в это время царит ночная тишина. В такие часы хорошо было ходить на сопку за брусникой, голубикой, пополняя наш рацион витаминами. Под ногами мох прогибается, шагаешь



как по ковру. А с октября – ночь, хотя и не такая темная, как на юге. В пределах двух часов рассветет, и опять ночь. В морозные ночи мне довелось наблюдать северное сияние, Это неповторимое зрелище – на глазах за мгновение меняются его формы, цвет и размер. Сильных морозов, в отличие от средней полосы России, здесь не бывает, но холодный морской ветер пронизывает тело до костей, несмотря на теплое обмундирование.

Послужной список мой невелик: писарь – каптенармус, рядовой, младший сержант, сержант, командир взвода, комсорг роты.

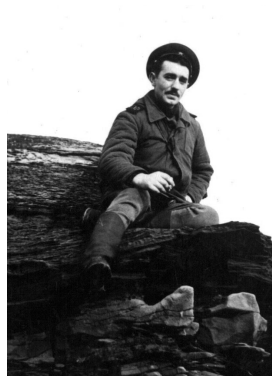
В марте 1956 года, за отличное несение службы, я получил краткосрочный отпуск (10 суток без дороги) и выехал в Джурин. Активно провел время отпуска, повидался с друзьями, познакомился с будущей женой, Валюшей

В 1955 году Кольский полуостров посетил Министр Обороны Маршал Жуков. Конечно, в первую очередь его интересовал остров Кильдин, «Гранитный крейсер».

Остров Кильдин находится в Баренцовом море, в 1,5 км от берега Кольского полуострова. Длина около 18 км, а ширина до 7 км. Остров фантастически красивый уголок северной природы. Остров отделен от Кольского полуострова длинным и узким Кольским проливом. На острове есть озеро Могиль-



Остров Кильдин. 1956 г.



Кильди

ное, оно отделяется от пролива невысокой перемычкой в 60 – 70 метров. По своим размерам оно невелико, около 500 метров в длину. Но это озеро уникальное. Его уникальность в том, что в течении тысячелетий в нем установилось равновесие в балансе морских и речных вод, что дает возможность существования морских и пресноводных организмов.

Кильдин является фактически ключом от Кольского залива, а значит, и от базы Северного флота. В связи с появлением нового вооружения, руководство страны приняло решение перевооружить остров. И потекли грузы стройматериалов, техники, вооружения, рабочей силы на остров. Меня назначают командиром взвода и командируют на остров. В нерабочее время мы имели возможность знакомиться с достопримечательностями острова.

Один мой приятель как-то произнес расхожую фразу о том, что армия, конечно, хорошая школа для мужчин, но лучше проходить заочно. Я не могу с этим согласиться. Миллионы мужчин, прошедших эту школу, возмужали, закалились, узнали цену мужской дружбы, повзрослели. Миллионы впечатлений, причем самых полярных, со знаками «плюс» и «минус», не спору. Кто не ныл, кто прислушивался к советам товарищей и кому как повезло. Мне, считаю, повезло и с сослуживцами и с командирами. Правда, ротный был у меня (старший лейтенант Алямкин), одна грубость и безграмотность. Человек недалекий, в армии случайный, дело свое открыто ненавидевший. Он свою неудовлетворенность, помноженную на скандалы в семейной жизни, переносил на окружающих, на подчиненных. Но он был один такой. А ведь были другие офицеры, которых я вспоминаю с чувством глубокой благодарности и уважения: Михаил Алексеевич Жолобов (Батя), Николай Иванович Шутов, Тизяев, Гольшин, Старшинский, Копчиков и другие. Кое-кто из них успел понюхать пороху в годы войны. Это были настоящие отцы – командиры, видевшие в нас, солдатах, прежде всего людей, своих младших братьев



На взорванном корабле. 1956 г.

и сыновей, относившихся к нам по-человечески, и я благодарен им за науку и просто за человеческое общение. Никогда не слышал в части и намека на свое происхождение – наша часть была интернациональной: русские, украинцы, немцы, эстонцы, латыши и евреи.

После посещения Северного Флота Министром Обороны Маршалом Жуковым нам сократили срок службы на год в связи с тяжелыми климатическими условиями, вместо трех лет – два года, и этот его приказ был для нас настоящим подарком и праздником. И в ноябре 1956 года я уже вернулся домой.

## ДОМА

Снова дома! Все необходимо начинать с нуля. В институте тут же восстановился и успешно сдал зимнюю сессию по итогам 1956-1957 учебного года. Но вот с работой было гораздо труднее, чем я мог себе представить. В самом Джурино место учителя математики не было. Поэтому я тут же согласился поехать на работу в школу села Лопатинцы, что в 18 км от Джурина. Школа маленькая, по одному классу, всего 150 учащихся. В этой школе учительствовал классик украинской литературы Михаил Коцюбинский, в 1893-1895 годах. Здесь он написал свои повести «Ялынка», «Харытя» и другие. Об этом свидетельствует мемориальная доска на стене школы.

Больше всего меня страшил вопрос не преподавание самого предмета, а дисциплины. Я дал себе слово, что если

дела пойдут, как прежде – уйду с этой работы. Учитель – не моя профессия! Я тщательно готовился к урокам, продумывал каждое свое слово, тон, жест, каждый шаг в классе, особенно в первый период, когда ученики «экзаменуют» учителя, пытаюсь понять, «что можно, и что нельзя» у этого учителя. Но дела пошли удивительно хорошо. Я нашел с детьми общий язык, взаимопонимание, стал ощущать свою востребованность, нужность. Появился мощный стимул к самосовершенствованию. Работа стала приносить мне удовлетворение.

Да и коллектив, в который я попал, отнесся ко мне по-дружески. Всего 15 человек во главе с директором Иваном Ивановичем Егоровым, прекрасным педагогом и человеком, местным уроженцем из села Круги, что в 3 км от Лопатинец. Приходилось бывать в этом селе. Небольшие аккуратные домики- избы, чистые дворики, много цветов возле каждого домика. Дети всегда, в отличие от местных, аккуратно одеты, как правило, двуязычны.

Сами же Круги – чисто русское село, основанное еще до революции выходцами из тогдашней Владимирской губернии (включавшей территории современной Ивановской области), спасавшиеся от голода. Поселились несколько семей, срубили избы, церквушку, оборудовали погост. А со временем и начальную школу. В 5-й класс дети приходили в Лопатенцы.

Поселился я у пожилой женщины. Не писанное между нами соглашение выполнял – колол дрова, таскал воду из колодца, за то поутру находил чистые портянки и носки. Вскоре хозяйка предложила, найти себе невесту, обзавестись семьей, поселиться у нее с последующим получением ее дома в наследство. Но у меня были свои планы!

Поработав полгода, я попытался перебраться в Джурин, тем более что там, по моим сведениям, появилась вакансия в райкоме комсомола – заведующий учетом кадров (чисто техническая). Я считал себя в комсомоле далеко не новичком и пошел к первому секретарю райкома комсомола Соколюку,

который был сюда назначен недавно и меня, естественно не знал. Но очевидно, моя внешность подсказала ему кто я. Отказать мне открыто он побоялся, и между нами состоялся вот такой примечательный диалог:

- Здесь у нас очень маленький оклад, - сказал он мне.

- Меня это устраивает, - спокойно ответил я.

- Мне нужен человек, хотя бы со средним образованием.

- Я окончил первый курс института.

- Мне нужен человек, имеющий двухгодичный опыт комсомольской работы в качестве секретаря первичной организации.

- А у меня аж целых четыре года! Два года в школе и два года в армии

- Ну, пойми! Я не могу тебя взять, потому, что ты еврей! – выдавил он, наконец, из себя.

Я выскочил из кабинета. Все стало на свои места. Он «раскололся»! плюнул мне в душу. В висках стучало: Потому, что ты еврей! По-то-му, что ты еврей! За что? Я, выросший на усиленно декларируемых в стране, но лишь на словах, традициях пролетарского интернационализма, вновь, как и ранее сильно переживал, считая, что это личная выдумка Соколюка, но потолкавшись в кабинетах секретарей, партийных шешек различных рангов, я стал постепенно прозревать и понял, что это государственная политика. На дворе стоял 1957 год – очередной виток государственного антисемитизма, проходивший под лозунгом партии и правительства: «ЗА чистоту партийных рядов!» Это была политика «сверху», а «внизу», для вида, за слово «жид» наказывали.

И вновь не обошлось без моего ангела – хранителя Константина Марченко, в ту пору уже председателя райисполкома. По его распоряжению меня перевели в село Сапижанка, в 5 км от Джурина. Туда я уже добирался на велосипеде. Проблем с дисциплиной у меня уже не было, сказался



Один из выпусков в Лжурине.

полученный опыт. Проработал я там в этой школе с очень дружным коллективе три года, которые не прошли для меня даром – я накопил опыт общения с учениками, обогатил свою практику новыми методическими разработками. Там я впервые почувствовал настоящий интерес к профессии. Особенно теплые отношения сложились у меня с директором школы (моим бывшим учителем физкультуры) Валерьяном Лямпрехтом, Анной Резник и другими. С Анютой мы поддерживаем дружественные отношения и по сей день. Она вскоре переехала в Москву и я, бывая там, останавливался у нее, жившей с семьей своей племянницы Светы. Муж Светы Марк и двое милых детей Аннушка и Митя. Изредка навещался ее племянник Геннадий Юсим, а также ее сестра Аделя (моя бывшая учительница украинского языка) с мужем Алексеем. Нам всем было интересно общаться. Они рассказывали о столичных новостях, которые не попадали на страницы прессы, в

том числе, например, некоторые подробности вокруг Олимпийских игр 80 – года, о творческой жизни и деятельности Театра на Таганке и т.д.

И вот с таким «багажом», не без трудностей, я оказался в Джурине, в семилетней школе. Встретился со своими бывшими учителями, как равный с равными. Мы были коллеги!

Здесь я проработал 10 лет. И эти годы тоже были для меня полны открытий – я заново, как бы «открыл» для себя физику, ее привлекательность как предмета для мальчишек, которые тянулись к технике, к конструированию. Они считали, сколько уроков физики я пропустил по болезни, «забывая» об уроках математики. Я старался на каждом уроке свое объяснение подкреплять наглядностью. Но так, как в, то время, заводской наглядности было мало, то приходилось придумывать и конструировать свои приборы. Да и сам я «заболел» конструированием. Мне удалось с помощью учащихся и их родителей оборудовать физкабинет. На это ушло два года. Самым большим достижением стало дистанционное управление оборудованием кабинета: фильмоскопом, экраном, затемнением, озвучиванием и т. д. Для этого мы использовали буквально все, что попадалось: моторчики от детских игрушек, патефоны, накладные кольца протекторов автомобильных шин и т. д. Это была не пустая игра, не самоцель, а возможность для учителя эффективно использовать время урока. Иной раз, вместо пространного объяснения, достаточно продемонстрировать два-три кадра диафильма, но если на подготовку демонстрации уходит 8-10 минут драгоценного времени урока, то весь смысл использования ТСО потерян, как и темп проводимого урока!

Радиокружок, в котором мы работали с учениками над радиоуправляемыми моделями – это же просто находка, как форма работы с «трудными», «проблемными» ребятами! Сколько из них раскрывались в таких кружках, в домах детского технического творчества! Мы засиживались допоздна,

но всем было интересно.

В школе образовалась группа учителей – единомышленников. Чета Блаватников Наум и Валентина, Неля Козанчук, Семен Байдер, Анна Архиповна Яковенко, Фроим Мойсеевич Штивельман и другие. К нам потянулась молодежь. Надолго осталось в памяти общение с друзьями Семеном и Фаней Байдер, Борисом и Зиной Фингеровыми, Исааком Гребенчуком, Людмилой и Виталием Смалюх. Кроме того появились любимые ученики: Белла Буняк, Наташа Смалюх, Соня Коверман, Володя Шнайдер, Витя Кутафьв и другие. Хочется вспомнить и соседей. Семья Якова Марковича Фурмана, его жену Маню и их детей Алика и Шуру. Сам Яков – сын бедного сапожника, благодаря способностям и кропотливому труду получил образование, достиг поста начальника дорожного управления. Увы, он рано ушел из жизни. Да будет благословенна его память!



Белла Буняк у нас в гостях.

Буняки Яша с Раей и их дети Белла, Сема и Фима, испытывавшие немало боли и пережившие немало цурес за свои убеждения и преданность еврейским традициям. Когда Раиса Исааковна – учительница начальной школы, подвергла сына бритмиле (обрезанию), то тут же была уволена с работы. Только после многочисленных ходатайств ее оставили в школьной библиотеке. Глава семейства не брезговал никакой работой, чтобы содержать свою семью. Вскоре он вывез их в Америку, где они прочно встали на ноги. Старшее поколение уже ушло в мир иной, а с детьми я поддерживаю связь до сих пор.



Дружеские отношения связали меня с семьей Рабовецких, Леней и Тамилей Барштейн. Ефимом Дорманом и другими.

Всем нам пришлось разделить большое горе, которое постигло наших друзей Семена и Фаню Байдеров. Их, восемнадцатилетнего сына Гришу, укусил энцефалитный клещ. И где? На Украине! Что само по себе встречается довольно редко. Гриша – красивый, порядочный, умный юноша, выпускник средней школы, готовился поступать в ВУЗ. Все было сделано для спасения Гриши. На санитарном самолете его перевезли в Винницу. Лучшие специалисты боролись за его жизнь. Но, увы...

Мне выпала печальная обязанность привезти тело из Винницы. Поэтому пришлось встретиться с лечащим врачом, которая дважды выводила его из клинической смерти. На мой вопрос, не поздно ли была оказана помощь, она ответила отрицательно и объяснила, что из тысячи пострадавших от этого клеща выживает один, и то становится неполноценным. И еще она сказала мне, что врач не умирает с каждым больным, а помолчав, добавила: «Но с Гришей Я умерла!»

## ПРОЩАЙ, ДЖУРИН!



Раиса Рыжановская  
1953 г.

В 60-е годы Хрущев стал проводить свои, печально известные административно – хозяйственные реформы, Одной из первых жертв его опытов стал Джуринский район, которого объединили с Шаргородским. Это привело к безработице и оттоку молодежи из родных мест. Количество учащихся в школах стало катастрофически сокращаться. Я понял, что никакой перспективы с работой у меня нет. Люди имущие переезжали в Винницу, где с работой не было

проблем, покупали жилье и трудоустраивались. У меня такой возможности не было. На чудо рассчитывать не приходилось. Репетиторство осуждалось и запрещалось. Надо было искать выход, чтобы прокормить семью, детей.

Его Величество Случай, Везение. Не важно. Попадаю в город Кузнецк Пензенской области, где жила двоюродная сестра моей жены Валентины – Раиса Самуиловна Рыжановская с матерью и сыном Владиком, студентом Одесского технологического института.

Вдова Героя Советского Союза, сама ветеран войны, Раиса Самуиловна работала преподавателем медучилища и заведующей военно-медицинским складом, пользовалась в городе заслуженным авторитетом. Ее уже нет с нами. Вечная ей память!

Муж ее, Николай Тростинский - был командиром полка. Его полк переправился в числе первых через Западную Двину в 1944 году, захватил плацдарм и удерживал до подхода главных сил. Смертельно раненного комполка переправили в г. Капсукас (Мариямполь) в госпиталь, размещенный в школе, где он и скончался. Офицеров хоронили тут же, на территории школы. 72 могилы, среди них - 4 Героя Советского Союза, кроме того, среди погибших и похороненных здесь офицеров - 6 евреев. Это - единственное военное кладбище, оформленное еще до окончания войны. Посредине скульптурная группа из гранита, у каждой могилы - гранитная пирамида, бордюр, цветы. Обрамление кладбища - цепь с артиллерийскими снарядами, а на входе - две небольшие пушки. Я там был в 1975 году, на 30-летию Победы. Могилы были тогда просто в идеальном порядке. Но и там пришлось проглотить плевок. Секретарь горкома, выступавший на митинге, перечислил погибших по национальному составу - сколько русских и украинцев, 4 казаха, 3 узбека, 2 чеченца (офицеры!-Я.Х.), 1 таджик, и ни слова о том, что здесь лежат 6 евреев! Разве это не кощунство?! Кощунство!..

Там же, на кладбище произошел весьма «симптоматичный» «разговор в толпе».

Женщина-литовка, словно в шутку, с улыбкой спросила меня:

- У кого самый глубокой склероз?..
- Конечно, у стариков,- ответил я без тени сомнения.
- Н-нет. У русских! Они пришли сюда и забыли, что им следует уйти!..



У собора Святой Анны в Вильнюсе.

Никто не разваливал Союз. Прибалты всю жизнь мечтали жить самостоятельно, и раньше других добились ее. Под дулом автомата - дружба невозможна...

И еще вот о чем бы хотелось рассказать. Так как у нас было немного свободного времени, то мы попросили показать нам какую-нибудь достопримечательность. В Вильнюсе есть собор святой Анны - великолепное здание из красного кирпича, свидетельство высокого мастерства простых каменщиков. Точечные башенки издали кажутся

деревянными. Говорят, что Наполеон не скрывал своего восхищения, видя собор, и даже выразил готовность перенести его в Париж, чтобы воздвигнуть в центре столицы. Легенда гласит следующее: жили некогда два брата. Один - с двумя детьми, с сыном и дочерью, другой - бездетный. И решили они детей поделить между собой. Жизнь разбросала семьи. Вскоре брат случайно встретил сестру, и, ничего не подозревая, влюбился и женился на ней. Когда это дошло до матери детей, которую звали Анна, она поняла, что за грех совершили они с

мужем - детей делить нельзя! Чтобы искупить грех, она продает все и строит собор, выставив лишь одно условие - быть похороненной у входа, чтобы все прихожане вытирали об нее ноги! Так и поступили. Спустя годы, однажды в грозу надгробная плита треснула. Священнослужители истолковали это как искупление грехов Анной и сочли необходимым ее перезахоронить, а на соборе закрепить мемориальную доску, ей посвященную. Не правда ли, красивая легенда?..

В Кузнецке я познакомился с директором школы №2, Яковым Михайловичем Банновым, не предполагая, что свяжу с ней, со школой, свою дальнейшую судьбу на целых 30 лет. Он заметил вскользь, что есть свободная вакансия учителя математики и...пригласил меня на работу. Шефом школы было СМУ, и строители выделяли, с каждого сданного в эксплуатацию жилого дома, по квартире для нужд подшефных и вопрос с жильем для семьи решался в «рабочем порядке». Поначалу выделялось место в семейном общежитии, а затем и отдельная квартира.

Вот так с 1 сентября 1969 года я, учитель с 17-летним стажем, начал работать в Кузнецкой школе номер два. 1500 учащихся, 52 класса, 80-90 педагогов, 4-5 параллельных класса. У учителя было 2-3 (профессионалы сразу же поймут, о чем речь – Я.Х.) подготовки, и это способствовало высокому качеству преподавания. Директор, побывав на уроках, не поверил, что я преподавал математику на «радянской мове» - переход на русский язык (идиш остался на уровне разговорного) для меня не составил никакого труда. Спустя два года я стал замдиректора по учебно-воспитательной работе. В Кузнецке все факторы способствовали расцвету моей педагогической деятельности, если в Джурине я становился учителем, набирал и пополнял свой учительский багаж, то здесь я творчески рос, имея, что отдавать, смог полностью самореализоваться в работе, этим по праву горжусь и, не скрою, счастлив...

Кузнецк - второй по значению город Пензенской обла-

сти. Население 100 тысяч. Три радиозавода, обувная и швейные фабрики, кожзавод, ряд мелких производств. Есть где проявить себя человеку почти любой профессии. 14 средних школ, школа - интернат, вспомогательная школа и несколько начальных на окраине города. Армия работников просвещения, таким образом, была многочисленной, творческой и известной за пределами не только города, но и области.

Время реформ в системе образования (даже в тоталитарном СССР понимали необходимость идти в ногу со временем, поэтому выпускники советских школ и вузов обладают не самой низкой в мире подготовкой!) тоже, в немалой степени, способствовало тому, что учитель смог творить не только на конкретном, отдельно взятом уроке, но и претворять в жизнь свои перспективные планы.

Мне была предоставлена полная свобода. Так и появилась моя статья в журнале «Математика в школе» (№1-1973) «Использование перфокарт на самостоятельных работах». Затем появилась «программированная» тетрадь для самостоятельного безмашинного обучения. Учителю оставалось лишь проверить степень и глубину усвоенного материала. Спустя некоторое время была осуществлена идея тематической оценки знаний учащихся, зачетная система, подготавливавшая их, таким образом, к вузу. Все эти новшества публиковались после многократной проверки на практике

### **ТВОРИ, ВЫДУМЫВАЙ, ПРОБУЙ!**

Работа педагога - это постоянное совершенствование, творчество. Будучи завучем большого коллектива, мне удалось осуществить давнишнюю мечту, связанную с дифференцированным, индивидуальным подходом к обучению. Многолетние наблюдения подсказывали мне, что никак нельзя обучать всех детей одинаково, так как это не только неэффективно, но просто антигуманно. Каждый человек не хочет выглядеть хуже другого в коллективе, где учится, работает, и

если ученик чувствует, что его ответ хуже, чем у сидящего за партой рядом, то вряд ли он поднимет руку, проявит инициативу, готовый ответить на вопрос учителя. А если такое длится годами - ученик комплексует, боится, нервничает, не желая быть хуже других, то получаем в итоге глухонемого и безынициативного в жизни человека. Можно ли с этим мириться?..

Опыт и поиск в течение предшествующей практики подсказали - классы следует комплектовать с приблизительно одинаковым уровнем знаний, и в этом случае будет комфортно всем без исключения - учителю, которого не вынуждают тянуть за уши отстающего, когда остальные томятся от безделья, и ученикам, которые находятся на примерно одинаковом уровне подготовки к восприятию учебного материала. В этом случае, прежде всего, дети будут чувствовать себя комфортно.

Программа должна выполняться всеми, но глубина усвоения в любом обычном классе будет разная - кому-то достаточно знания ее формулировки для полного понимания, для другого же - нужно уметь ее доказать.

Если уровень обучения будет зависеть от самого учителя, то он сможет «маневрировать» - «поднимать» или «опускать» планку, то есть, уровень, в зависимости от конкретных обстоятельств.

Встал вопрос - когда следует проводить такую уровневую дифференциацию учащихся и комплектацию по классам? Условия дошкольного воспитания - тоже различны, кто дома, кто в детсадах. Поэтому решено было в течение трех первых лет обучать всех вместе, а по окончанию третьего класса, как известно, у каждого выявляются определенные способности. Тем более что после третьего класса дети переходят на долгое систематическое обучение к учителям-предметникам. Это ведь определенный стресс. Вот и самое время разделить детей, поменять учителей и коллектив, учитывая факторы возрастной психологии - в младшем возрасте смена коллектива

переносится легче, чем в старших классах.

Забегая вперед, скажу, что мы планировали разрешить переход отдельных учащихся из одного уровня в другой, в зависимости от их знаний, вплоть до 9 класса в случае необходимости, то есть, в прямой зависимости от конкретных результатов обучения, их улучшения или ухудшения.

После большой подготовки в коллективе единомышленников, работы с учебно-методической литературой, контактов с родителями, согласования с вышестоящими инстанциями, мы разделили, выражаясь вузовским языком, «поток» третьеклашек на 4 параллельных класса и начали эксперимент. Уже через три года, когда наши «первенцы» были в седьмом, мы начали пожинать первые плоды, и, не дожидаясь окончательных результатов, продолжили свою работу, которая нашла поддержку у городской общественности и у коллег - многие школы последовали нашему примеру. Я был счастлив тем, что моя многолетняя мечта была осуществлена.

Надо сказать, что в городе было действительно немало творческих людей, с которыми меня за 30 лет постоянно сталкивала жизнь - педагоги, инженеры и врачи. У многих



Один из выпусков в Кузнецке.

я с удовольствием учился, постоянно пополнял свои знания, опыт, расширяя свой кругозор.

Директор школы №2 Яков Банное...Яков Михайлович был в полном смысле этого слова гуманистом, настоящим педагогом, несмотря на то, что был он выпускником совпартшколы и не имел педагогического образования. Глубокие знания по педагогике и психологии получены им в результате самообразования, и они помогли ему стать лидером среди городских школьных администраторов. Неудивительно, что имея во главе школы директора - Личность, мы могли Свободно экспериментировать. Собранный им под одной крышей коллектив творчески мыслящих людей позволил школе называться лабораторией передового опыта. Его, надо сказать, побаивались за справедливую критику некоторые кабинетные «просвещенцы», партocrats, что было, смело, порою даже рискованно. Когда он попросил разрешения перебраться в Пензу, его сразу отпустили, но, ни единым словом не поблагодарили за многолетнюю безупречную службу - все было в духе той бездушной советской Системы, в которой человек во всем его многообразии, личность никого не интересовали...

## О ЛЮДЯХ И ВСТРЕЧАХ

Не имею права не вспомнить о тех, кто был все эти долгие годы со мной рядом, «в одном строю», о своих коллегах, положительно влиявших на формирование моего опыта - завуч В. А. Подольская; математик, заслуженная учительница РСФСР Л. А.Березкина; «литератор», или, как раньше говорили, словесник Н.А. Савченко; физик, заслуженный учитель РСФСР Н.И.Федоров; заслуженная учительница О.И.Морозова; завуч Л.И. Матвеева; математик Л.И.Петрова; завгороно Т.Б.Кремнева...Все они помогали мне растить молодых педагогов. В школе выросли А.И.Кураева, Л.М.Коршунова, З.Н.Исянова, Н.А.Полушкина, Л.Е. Буянина.

От ежедневного общения с таким коллективом и таким



директором я получал моральное удовлетворение. За время моей трудовой деятельности у меня было 11 директоров, но лучше всего мне работалось с Я.Банновым. Наше общение продолжалось и после его переезда в Пензу.

Судьба сводила меня с умными, интересными людьми.

Все кузнечане, о которых я веду рассказ, были настоящими интернационалистами, остро реагировавшие на антисемитские выходки, и мне отрадно, что далеко не все в России разделяют юдофобские взгляды туповатых солдафонов типа Макашевых, дорвавшихся до власти фашиствующих кондратенковых и иже с ними.

Анатолий Алексеевич Степанов. Бывший заведующий городским отделом народного образования. Этого интеллигентного человека и настоящего педагога понимали далеко не все. Партийным бонзам не нравилось, что он мог, открыто говорить о нуждах народного образования. И его вскоре тихо «ушли».

Управляющий трестом «Кузнецкстрой» Валентин Иванович Елфимов и его жена Галина, его заместитель Шушпанов Евгений Михайлович с супругой Людмилой Васильевной, Черкуновы Татьяна с Володей - все эти люди были рядом с нами и оставили о себе самые лучшие впечатления. Мы, уже, будучи в Израиле, до сих пор поддерживаем дружеские отношения и переписку с Людмилой Васильевной Шушпановой.

Петр Степанович Дунаев. Ветеран войны, бывший штурман стратегической авиации, редактор газеты. Энциклопедически образован, начитан, знаток истории, литературы, коллекционер и знаток холодного оружия, минералов, интереснейший собеседник. В течение многих лет он вел дневник, и это позволяет ему до сих пор печатать воспоминания о встречах с интересными людьми. По его инициативе в город приехал администратор Маяковского, автор книги «Маяковский шагает по стране» Павел Ильич Лавут, который встречался с учащимися и учителями. Я посещал все его публичные вы-

ступления, помогал ему демонстрировать фильм «Барышня и хулиган» с Маяковским в главной роли - в то время, надо сказать, никто и не знал о существовании такого фильма! И была у него еще уникальная пластинка с голосом поэта. Благодаря Дунаеву мы со Степановым посетили Лавута «на дому», то есть, в гостинице и свободно общались за чашкой чая и «чая с тремя звездочками» более четырех часов.

Маяковский увековечил этого человека в своей поэме «В.И.Ленин»:

*Рассказывал мне старый еврей*

*Павел Ильи Лавут:*

*- Я выхожу на балкон, а*

*А они все бегут и бегут!..*

Это - о белогвардейцах, разумеется...

Общаясь в тесном кругу с Павлом Ильичем, мы впервые услышали о том, что одной из причин гибели Маяковского была не столько неразделенная любовь, сколько внутренняя политическая обстановка в стране в конце 20-х - начала 30-х, атмосфера страха и готовящихся репрессий, апогеем которых, как известно, стал 1937 год. То, что уже известно сейчас, тогда, лет тридцать назад, было открытием - оказывается, поэт был болезненно брезглив. Попав в Ростов, где в результате какого-то теракта водопровод соединился с канализацией, он отказался от первых блюд, пил минеральную воду и ванну наполнял...минеральной бутылочной водой!..Узнали мы и о роли в его судьбе семейства Брик, сестер Яковлевых, родители которых, кстати, жили в Пензе, и т.д.

Не менее интересны были встречи и с А. Солженицыным после его возвращения в 1998 году, артистами Спартаком Мишулиным, Владимиром Конкиным, местными поэтами.

В Кузнецке жило немало и еврейских семей. Приятельские отношения сложились у нас с полковником в отставке, летчиком, участником военно-воздушного парада в Тушине, настоящим советским патриотом в лучшем смысле этого

слова, Лазарем Иосифовичем Кривцом, его супругой Любой и дочерью Леной. Уже в Израиле мы познакомились с его сыном Игорем и его супругой Ириной, прекрасными молодыми людьми. Лазарь Иосифович был остроумнейший человек, с тонким, чисто еврейским юмором, неподражаемый рассказчик анекдотов. Увы, он рано ушел из жизни, да будет благословенна его память. А дочь его Елена стала, в некотором роде, моей крестницей, как педагог математики. Стала педагогом высшей категории, дипломанткой Фонда Сороса...

Полковник в отставке, бывший директор швейной фабрики Ханан Ильич Сандлер и его супруга Эсфирь Абрамовна. Он долгое время возглавлял коллектив в 3000 человек и снискал себе заслуженный авторитет и признание. Наши встречи с ним были взаимно интересны...

Все вместе - творческая работа, взаимопонимание между членами педагогического коллектива, общение с интересными, творческими людьми, прочный домашний тыл - все это наполнило этот период моей жизни содержанием, и я не скрываю, что был в эти годы очень счастлив - за годы упорного труда ко мне пришли заслуженное (без ложной скромности!) признание и авторитет среди коллег-педагогов и родителей, друзей и учеников. В эти годы я был последовательно удостоен званий «учитель-методист», а затем «отличника просвещения РСФСР» и - народного образования СССР...

Без трудностей на нашем жизненном пути не обходилось, но мы вместе их преодолевали. С нами жила мама Валентины (моя теща) Раиса Иосифовна с ее сестрой Брониславой. Сестры не расставались друг с другом всю жизнь. Для меня и для наших детей они стали родными. Мама Рая – умная, красивая, мужественная и гордая женщина с золотыми руками швеи и потрясающими кулинарными способностями. Во время войны она была связана с партизанским отрядом Соколова, действовавшим на Киевщине. Оставшись одна в молодом возрасте, она посвятила всю оставшуюся жизнь де-

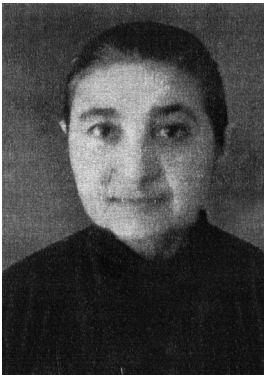
тям. Под стать ей была и тетя Броня. В семье к ним относились с уважением и любовью до их последнего часа. Да будет благословенна их память!

Большой потерей в те годы была смерть брата жены Анатолия. Командир полка, дослужившийся до полковника, умница, добродушный по характеру человек, весельчак и балагур, руководитель духового оркестра. Он не смог спокойно взирать на те безобразия, на тот бардак, который творился в армии, как и, впрочем, во всей стране в эпоху застоя. Сердце не выдержало, и он рано ушел от нас. Светлая ему память! Память о нем увековечил мой сын Саша и внука назвал Анатолием. Анатолий приехал в Израиль по программе НААЛЕ, получил багрут, отслужил в израильской армии, стал и работает программистом, совершенствуется, женился. Юля работает дизайнером в типографии, ей работа нравится.



Теща Рая

В летнее время выезжали на отдых, в основном, в Одессу. Отдых у моря, солнце, фрукты. Там нам удавалось пополнить наш интеллектуальный запас, Мы ходили по музеям, по-



Сестра тещи,  
Бронислава



Брат Валентины, Анатолий

сещали концерты и другие мероприятия, старались попасть на встречи с интересными людьми. Разве забудешь, например, сольный концерт Муслима Магомаева или прекрасные спектакли Одесского музыкального театра.

Вот о чем вспоминаешь на склоне лет. И, знаете ли, не могу сегодня согласиться с некоторыми скептиками, вечно недовольными, что не куда было сходить, не на что было смотреть. Все, уверен, прежде всего, зависит от человека, от его тяги к знаниям, от желания приобщиться к культурным ценностям. Мы, хоть и «родом из местечка», но в жизни, как могли, старались приобщаться к культуре и детям с внуками по наследству эту тягу, уверен, передали. Однажды летом, во время отдыха в Одессе, мы совершили морскую прогулку на теплоходе «Адмирал Нахимов». Я с пятилетним сыном Сашей «облазили» почти весь теплоход. Это ведь целый город – 1600 пассажиров, два бассейна, волейбольная и баскетбольная площадки, прогулочные палубы, рестораны и кинозалы, ларьки и киоски: «Сувениры», «Союзпечать» и т. д. Незабываемое зрелище! Могли ли мы полагать, что вскоре судно – целый город погибнет, пойдет ко дну за считанные 7 минут! Тогда правду о гибели судна власти тщательно скрывали, теперь мы знаем, что оно было непригодно к эксплуатации. Но нехватало процентов к плану по пассажироперевозкам., а выполнили план по «смертности». На этом плавучем гробу погибло 423 человека. В мирное время!

Но годы берут свое, и я это постепенно почувствовал. А раз так, то нашел в себе мужество, памятуя слова Эренбурга о том, что человек должен уходить вовремя, принял мудрое решение - уйти на заслуженный отдых, уступая дорогу «молодому, незнакомому племени» своих коллег, в том числе и тем, кого когда-то выучил сам. Ведь, согласитесь, приятно слышать слова сожаления о своем уходе, нежели вздох облегчения: «слава Б-гу, избавились!..». Не скрою, мне было жаль, очень жаль и больно!.. Но это ведь должно было бы произой-



Проводы в Кузнецке

ти рано или поздно. Нельзя было уподобляться в свое время вцепившимся во власть кремлевским старцам, ставшим символом застоя, тормозом развития, как и весь тогдашний социально-экономический и политический строй. Я сделал свой выбор...

### ИЗРАИЛЬ...

...И вот мы в Израиле. На новом месте я, привыкший всю жизнь трудиться, остро почувствовал свою невостребованность. Причины две - далеко не юношеский возраст и незнание иврита, овладеваю которым и по сей день. Поначалу это угнетало и давило, но со временем я нашел выход, посильную работу.

Статус у меня - социальный работник. Но это громко сказано. На иврите «метапель» или «метапелет» (если речь идет о женщине) означает «нянька», сиделка, человек, который ухаживает за больными, престарелыми людьми - очень распространенный вид деятельности для репатриантов критического, предпенсионного даже раннепенсионного возраста. Вот и я общаюсь по работе и помогаю людям лет на 10-15

меня постарше меня самого, у которых побольше болячек, с инвалидами, которые не в состоянии сами себя обслужить - вывозить их на прогулку, готовить еду, ходить за продуктами, и т.д. Приходится нелегко - у каждого из них свой характер. Но в основном, люди это доброжелательные, мудрые, образованные. Эта работа приносит мне не столько материальное, сколько моральное удовлетворение. Одним из моих подопечных был выходец из Швейцарии Меерович Израэль. Он мечтал попасть в Израиль, чтобы здесь молиться. Но, к сожалению, из Швейцарии сюда попасть было невозможно. Он нанимается матросом на судно, идущее в Испанию, а уже оттуда добирается в Израиль. Здесь находит работу, женится, и рождаются у него 10 детей. Это был очень умный, грамотный человек и все это он приобрел самообразованием. Здесь он написал «Историю еврейского народа за 1000 лет». Звездное небо он читал, как книжку. В мои обязанности входило помочь ему вымыться, прогуляться, сыграть пару партий в шахматы, обменяться новостями. Ему судьба приготовила тяжелое испытание. Вследствие диабета он лишился обеих ног, но не лишился тяги к жизни. Он становится на протезы и ежедневно преодолевает 32 ступеньки лестницы, садится в инвалидную коляску и едет в синагогу молиться. Нам было интересно общаться, а общались мы на идиш. Я ему много рассказывал о Маресьеве. Я восхищаюсь мужеством этого человека. Да будет благословенно его имя!

Отдыхая в Одессе, всегда «белой завистью» завидовал, живущим у берега моря, одесситам - они-то имели возможность купаться, когда хотели, а точнее, когда позволяли метеоусловия. Поселившись в Ашдоде, на берегу моря, я на склоне лет реализую эту возможность - круглый год я ежедневно в утренние часы провожу на великолепном средиземноморском пляже Ашдода. Купаться доводилось мне в Баренцовом и Балтийском, в Черном, Красном и Мертвом морях. Средиземное море у меня уже шестое по счету. Эти купания да плюс еще



Валентина

и гимнастика позволяют мне укреплять здоровье.

Не стою в стороне и от общественной деятельности. Нет, не в одиночку, разумеется, а в «команде» бывших узников гетто и концлагерей. Мы громко заявляем сегодня о себе - мы еще живы, мы - здесь и нуждаемся в государственной помощи. А нас не хотят признавать - дело в том, что существует пресловутый закон, по которому льготы распространяются на бывших узников, но лишь на тех, кто прибыл в Израиль до середины 50-х годов, никто ведь не предполагал, что падет «железный занавес», и сюда хлынет такая масса «недобитков», «детей войны», кому в те страшные годы было, как и мне, от года до десяти. Идет в настоящее время борьба между нами и заскорузлой израильской бюрократической машиной за предоставление нам официального статуса узника гетто и концлагерей. Существует, как известно, Международная Декларация о статусе узника, но власти наши упорно отпираются и игнорируют принятие такого Закона в стране - и где? В Еврейском Государстве!..

В свободное от работы время составил и, если можно так выразиться, «вывел в графике» генеалогическое древо семьи Хельмеров, обобщил, систематизировал материалы, собранные в течение 10 лет, на что раньше просто физически не хватало времени. Целых семь поколений! Многие утеряно безвозвратно - «носители информации» ушли в мир иной, и уже просто не у кого спросить, но некоторые сведения дополняются и по сей день. Хочется верить, что в моей



Жена Валентина



семье найдется продолжатель моего дела.

Во всех моих начинаниях у меня есть верная помощница - моя жена, Валюшка. Первый слушатель и читатель, первый критик и редактор.

О нашем знакомстве и совместной жизни она рассказала в своем стихотворении, приуроченном к 60-летию в 1995 году. Не взыщи строго, читатель, за ее простые и бесхитростные стихи. Она - не поэтесса. Просто женщина. Мать. Бабушка. Разве этого мало?..

Ты помнишь, как мы встретились с тобой,  
 На танцах в нашем клубе заводском?  
 Ты в отпуск прибыл с Северного флота  
 Усатым, стройным и красивым моряком.

Весь вечер мы кружили в вальсе нежном,  
 А через три свиданья - снова в часть.  
 Уехал ты в Североморск далекий,  
 И так на год разлука началась.

Но видно есть судьба,  
 И нас она соединила,  
 На жизнь совместную, на долгие года!

Пусть не было торжеств,  
 Ни свадьбы пышной,  
 Ни нарядов белых,  
 Никто нам «горько» не кричал.

Остались позади сиротство  
 И концлагерное детство,  
 И юность без опеки пап и мам.

Наш маленький очаг

Мы создавали сами,  
Диплом мы с первым сыном  
Сашей защищали.

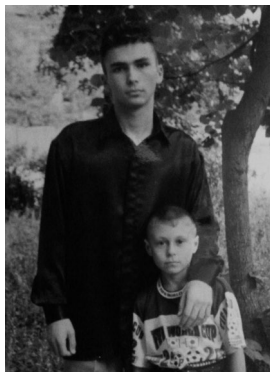
Лишь через восемь лет  
Аленку ждали,  
А родился Олег –  
Второй наш, милый, добрый сын,  
И дом стал царствием мужчин.

Забот прибавилось:  
Расти, стирай, учи, корми -  
Все на моих плечах!  
А у тебя работа  
С темна и дотемна,  
И до седьмого пота!  
И так - почти все сорок лет!

А дети выросли и внуки появились...  
И вот сегодня юбилей!  
Так будь же с нами долго-долго,  
Мой добрый муж,  
Наш преданный отец!  
Любимый нежный дед и «дийка»!  
И будь здоров!..

### **Твое семейство Хельмеров**

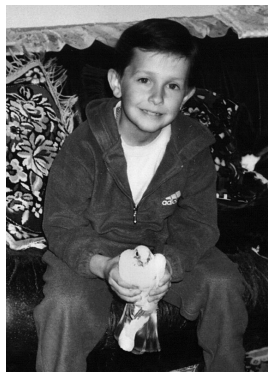
До репатриации по уровню достатка мы по праву относили себя к так называемому среднему классу. Квартира - машина - дача. Летом по ягоды, зимой на лыжах, на коньках, при нашем раскладе можно было сформировать футбольно-хоккейную команду со мной во главе, как с играющим тренером. Дискомфорт ощущался в том, что вся мишпаха была разбросана - Лёня с семьей в Украине, мы в России, а хотелось более



Внуки Анатолий и  
Данила



Второй внук Данила



Третий внук Миша

тесного и частого общения, и когда появилась возможность соединиться, мы реализовали эту мечту.

Таким образом, одной из причин выезда в Израиль было желание быть поближе к родным. Правда, в некоторых случаях нас ожидало разочарование.

Семья, мишпаха...Ячейка общества, крепкий тыл, и т.д. За долгие годы значение этого слова в жизни человека, очевидно, меняется, все зависит от образа жизни. Дети растут вместе с родителями, трудятся вместе с ними, на своем, опыте убеждаются, как нелегко достается хлеб насущный. Авторитет родителей безупречен. Чем больше семья, тем прочнее стояла она на ногах - все помогали всем. Но со временем произошел слом этих как бы «патриархальных» не в худшем смысле этого слова устоев. Родители стали уходить на производство вне дома, дети не могли наблюдать их труд, и случалось так, что на вопрос о роде занятий своих отца-матери ученик шестого- седьмого класса отвечал либо общими словами, мол, на заводе, а чем конкретно - «Не знаю!..» Да и дети, стремясь к самостоятельности, нередко старались уйти от родительской опеки. Разрушились большие патриархальные, связанные кровными узами семьи, на смену им пришли маленькие самостоятельные, не отличавшиеся ни уважением,



Семья дяди Данила

ни доброжелательным отношением к старшим. Родственные связи в третьем поколении слабеют и почти сходят на нет. И это, к прискорбию, наблюдается и в нашей мишпахе.

Если внимательно взглянуть на представленную мной схему, то из второго поколения Хельмеров, в живых оставался, на то время, только дядя Данил, самый младший в этом поколении. Мы, все его родственники, хотели, чтобы именно он принял на себя обязанность патриарха, что называется, «аксакала рода». Но он, последний представитель второго поколения, оказался далек от всего этого. Вечный труженик, трудоголик, далекий от эмоциональных переживаний, да еще с задатками интриганства, Данил не находил времени пополнять свой интеллектуальный уровень, да и вообще, ему было просто не до нас, не до сохранения семейных традиций и каких-то там моральных принципов. Не лучшим образом влияли на него и его



Семья брата Лени



Мы в Израиле

близкие, боясь, что надо будет с кем-то чем-то поделиться, кому-то помочь в трудный час. Свою ветвь (детей и внуков) он оторвал от нас на долгие годы, если не навсегда, и пусть это будет на его совести, а также тех, кто всего этого так долго добивался... Пока писалась эта повесть, его, последнего представителя нашего рода во втором поколении, не стало. Ушел, как и жил - тихо и спокойно, никому не надоедал в свои 77 лет. Б-г ему судья. Да будет благословенно имя его! Мы же не радуемся от постоянного общения с братом Лёней, постоянно приходим друг другу

на помощь - я говорю и о двоюродных братьях и сестрах. Это Фаня и Гриша, Поля, Йосеф и Мордехай, Люба и Инга, Миша и Нина, Сима и Илюша, их дети и внуки. Постоянно в контакте с Наумом и Полей, Цилей и Бо-



Семья дяди Берла

рей, с Гришей и Асей, с Милей и Борей, Мишей и Соней. Не успели нарадоваться друг с другом, как ушли в мир иной: Фаня и Гриша, Миша Хельмер и Миша Гельфор, добрейшая душа Симочка, Циля Бурман, Леня Розенберг.

Жизнь не обходится без потерь - нет с нами двоюродного брата Яши Хельмера, доброго, душевного человека. Память хранят о нем не только Роза, Лиля, Лёня и его внуки, но и вся семья. Нет уже жизнерадостной четы Гельфоров - Володи и Ирины. Все свои лучшие черты они передали своей дочери Раде и внукам. Ушли в мир иной двоюродная сестра Рая, красавица и труженица, ее муж, молчун и такой же трудяга, Лева, но их заветы помнят дети - Илюша, Миша, Таня, Люба, Семен и внуки. Нет уже и Буняков - Раи с Яшей, они ушли один за другим, словно не могли существовать друг без друга...Лазарь Кривц. Ханан Сандлер... Ушли из жизни очень близкие мне люди- дядя Гриша и тетя Маня Эльманы, Фаня Авербух...

Да будет благословлена их память!..

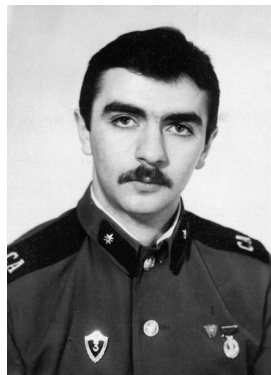
Помощь в абсорбции необходима каждому, и я рад, что



Встреча одноклассников в Нетании 2000 г.

нам ее оказали Лёня, Сима, Илюша, Гриша, Фаня, Яночка, Броня Кессельман.

В Израиле оказалось много моих как соучеников, так и учеников и просто земляков. Среди них Соня и Женя Коверман, Нелля и Алик Любинкер, Адик Вешлер, Лёня и Алла Спектор, Галя Бризман, Миша Байдер, Абраша и Женя Каганские, Женя Каганская (из Димоны), Люба Цирюльник, Алла и Марик Розенцвит, Гриша Койфман, Лейзер и Сима Розенцвит, Борис и Сара Котляр, сестры Таня и Зоя и их мать, Миля Куперман. Еще один пример беззаветной любви матери - оставшись одна, она отдала все, чтобы поставить их



Младший сын Олег

на ноги... Бывшие соседи Кривошеи Сима, Аксельрод Света, Лиза Каганская и много других уж простите, кого, не назвал.

В мае 2000-го мы собрались в Нетании, 18 человек - одноклассников и их семьи. Трогательная встреча. Сема Штаркман, Изя Сказинецкий, Лёня и Тамила Барштейны, Каля Сойфер, Мая Чачко, Анюта Рудяк с Яшей, Поля Фиксман, Хануся Трактирщик, Соня Найзберг, Гриша Койфман. С Абрашей Клейнерманом, Борисом Черепашинским, Юзей Токарем, живущими в США, мы перезваниваемся...



Старший сын Саша

Неужели 48 лет прошло после окончания школы?.. Поседели, польсели, у многих по букету болячек, но память-то великая вещь! Она сохраняет все самое лучшее, что у нас было - будни и скудные послевоенные вечеринки, совместные прогулки, и, самое главное, нашу дружбу, пронесенную через годы и расстояния. Помянули и рано ушедших

друзей - Дону Сказинецкую, Хану Байдер, Колю Хашко...

В День Независимости собрались в Ашдоде односельчане. 154 человека съехались со всей страны - бывшие джуринцы!.. Казалось, весь Джурин появился. Трогательная встреча у нас была с Анной Яковлевной Аксельрод, старейшей нашей учительницей математики, через ее руки прошло не одно поколение моих односельчан. Она словно просталась с нами со всеми. 5 июля ее не стало!..



Памятник Вале

Как хочется, чтобы наши встречи стали традиционными. Олег, младший сын, репатрировался вместе с нами, поработал 3 года, затем у него не заладилось с женой, они разошлись, сейчас он живет в России...

Но, очевидно, я еще не все испил. И получаю два удара судьбы: в 2009 году умирает моя любимая жена Валюшка (5 лет мы боролись за ее жизнь), а в 2011 году скорострительно умирает мой старший сын Саша.

Попробовал замкнуться, одиночество заедало. На своем пути я встретил тоже одинокого человека – Женичку Котляр - Бондаренко. Два одиночества соединились. Нам вдвоем интересно, стараемся помогать друг другу. Нашли взаимопонимание. Она стала редактировать мою «Повесть». Я вошел в ее судьбу, в ее семью. Это дружная, трудовая семья: дочь Светлана, зять Саша и милые, прекрасные внуки: Юлия и Яночка, сын Коля и сноха Таня. В семье сложились многолетние традиции отмечать вместе Дни рождения членов семьи, отмечать праздники и другие, важные для семьи события. Вместе выезжать на отдых на Мертвое море, Эйлат и другие места. Я же стал отдавать себя общественной работе. Вместе с другими бывшими узниками гетто и концлагерей собрали 262 воспоминания и с помощью спонсоров издали книгу: «Колокола





Мы с Женей 2014 г.

памяти», мне выпала честь быть редактором - составителем этой книги. Сейчас, вблизи от всего этого трудно оценить ее значение, но через время эта книга станет документом свидетельских показаний, выживших в Холокосте. Редактировал буклет к 5 - тию амуты. В декабре 2012 года, как член редакционной коллегии, принимал участие в выпуске сборника «Взрослое детство войны», первая часть, а в июне 2013 года вышла вторая часть сборника. Все это стало возможным тогда, когда на моем пути я встретил единомышленников, таких как я, опаленных пламенем войны, выживших оптимистов, готовых отдать свою энергию, время для общественной работы. Это семейная пара Грипсов Леонид и Белла. Порядочные, обязательные, энергичные люди, это Курган Инна, выжившая чудом в гетто, это Филипп Балановский грамотный, порядочный, обязательный человек, прошедший ад Бершадского гетто. Недавно потерял жену милейшую Эллочку, но не словившийся. Вот каких друзей я приобрел. Мы учредили амуту (общество) «Надежда» бывших узников гетто и концлагерей и оказываем помощь пожилым членам нашей организации. Мы



Женя с семьей



Мы с Женей, Колей и Таней

еще «повоюем»!

Редакционная коллегия сборника, перед выходом сборника, собрала вместе авторов воспоминаний, учащихся разных возрастов. Некоторые авторы рассказали присутствующим о пережитом, о том далеком, о том, как они дальше строили свою жизнь. Учащиеся рассказали о том, какое впечатление произвели на них рассказы героев воспоминаний. А некоторые сделали рисунки – иллюстрации к рассказам. Оба сборника иллюстрированы рисунками детей.

Кроме того, меня всегда интересовала судьба людей, которые прошли через ад Холокоста, выжили, обзавелись семьями и продолжили свой род! У меня получился интересный цикл: «Чудом выжившие», это рассказы о мужественных людях, которые добрались до партизанских отрядов и стали не только на защиту Родины, но и мстить за смерть близких людей, которых немцы расстреливали у них на глазах. Таких очерков у меня получилось четыре и героев тоже четыре. Это Арик Верницкий, которого мать толкнула локтем, опередив выстрел на мгновение. Это был самый молодой «сын дивизии», который прошел все дороги, дошел до Берлина и на Рейхстаге нацарапал: «Мама, мы отомстили!» Это Ефим Шапиро, который уже стоял на табуретке с петлей на шее, Чудом остался жив и повоевал в партизанском отряде. К сожалению их уже снами нет. Вечная им память! Это Семен Палес и Евгения Гузик, которые спаслись от расстрела, добрались

до партизан и боролись с врагом. Я познакомился с женщиной – легендой Раисой Городницкой, которая в партизанском отряде отказалась от хозяйственных работ, Освоила все виды стрелкового оружия и принимала активное участие в боевых операциях партизанского отряда. Имеет много боевых наград. Очень близко я прочувствовал воспоминания Светланы Цысарь о своих родителях. О том глубоком чувстве любви, которое пришло к ним в самые тяжелые годы их жизни. Мама передала ей все детали их спасения, и Светлана донесла их до наших дней. И не зря этот очерк я назвал: «Эстафетная палочка». Мне очень дорог очерк о немецком полковнике Вили Ареме – «Праведнике Мира». Я познакомился в Яд – Вашеме с личным делом Арема, был у Почетной Доски, где записано его имя. Вечная ему память! Более подробно об этом человеке читайте во 2 части этой «Повести». Очень мне дороги исследования о том, сколько живет память человека на земле. Мы, группа джуринян поддерживаем наших земляков, которые взвалили на себя тяжелую обязанность смотрителей кладбища -- Виктор Борисович Кутафьев и Исаак Михайлович Гребенчук. И еще хочется поблагодарить тех людей, которые помогают мне донести эти мои воспоминания общественности это редактор газеты «Секрет» Владимир Плетинский (сколько ценных советов было мне дано) и редактор сайта «Всеизраильская Ассоциация уцелевших в гетто и концлагерях» Анатолий Казарновский. Я безмерно благодарен этим людям!

Позади большая жизнь. Далекое не все было в ней легко и гладко. Но я ни о чем не жалею, ибо жил интересно, с огоньком, всего добивался сам. Мне везло на людей - хороших и честных, готовых на бескорыстную помощь. Попадались и негодяи - откровенные и скрытые, но, к счастью, их было гораздо меньше.

Я, наверное, неисправимый оптимист - верю, что хороших и честных людей, все же больше, и, благодаря им, я, еврейский мальчик, сирота, чудом выживший в гетто и концла-

гере, потерявший отца, ставшего жертвой тоталитарного сталинского режима, многого добился в жизни...

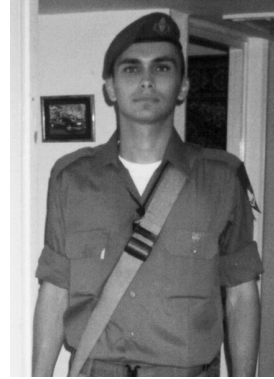
Жизнь продолжается. Банальная истина, скажете? Возможно. Но это именно так.

Недавно, для встречи с бывшими узниками приехал пастор Баварии и Саксонии. Он попросил прощения у нас за те злодеяния, которые совершили фашисты. По образному выражению журналиста М. Трабиновича, мы ответили:

Простить? Да! Забыть? Нет!

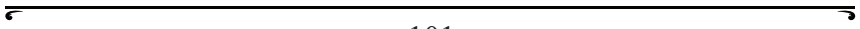
Мы присутствовали на празднике принятия присяги моим внуком в ЦАХАЛе. И таких, как он, десятки тысяч - внуки тех, кто вышел живым из гетто и концлагерей Второй мировой войны, прошел ее фронтовыми дорогами. Они, воины израильской армии, не допустят повторения кошмара нового Холокоста.

Я в это твердо верю...



Старший внук в израильской армии







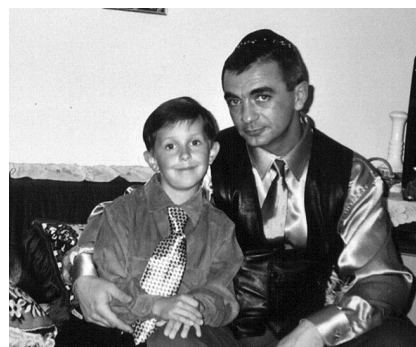
Мы с Вале́й



Семья Лили Капустиных в Канаде



Семья Лени и Зины Розенбергов



Сын Олег с внуком Мишей



Гриша и Ася



Всегда и везде вместе



Сын Олег с Наташей



Семья Миши Гельфора



Семья тети Этл



Семья тети Мольки





# Очерки и исследования



## Чудом выжившие.

### Часть 1.

Минск! Минское гетто... Это было место большой еврейской трагедии. Но каким-то чудом кто-то выжил, спасся и донес до нас, рассказал о тех ужасах, которые творили изверги над неповинными людьми. Один из них – член амуты «Надежда» в город Ашдод Шапиро Ефим Григорьевич. Он родился в Минске в 1926 году, в рабочей семье. До 1937 года закончил 4 класса в еврейской школе, затем учился в русской школе до 1941 года.

Ефим вспоминает, что задолго до оккупации Минска, город был переполнен немецкими шпионами и диверсантами: один продавал селедку и таким образом общался с населением, другой – в форме офицера Красной Армии интересовался размещением военных объектов. Их, конечно, вылавливали, но этого было недостаточно. 25 июня, когда стало известно, что республиканское и городское руководство, включая первого секретаря ЦК ВКП(б) Пономаренко, бежало из Минска, началась паника и массовое бегство населения. Но уже 27 июня Минск был окружен, и бегство из города оказалось невозможным. А 28 июня в Минск вошли немцы. В городе оказалось 55 тысяч евреев. 7 июля был опубликован приказ военного коменданта, который гласил, что каждый еврей в возрасте от 10 лет и старше обязан носить белую повязку на правом рукаве или прикрепить на одежду желтую заплату диаметром 10 см. А 13 июля вышел второй приказ о создании Юденрата (органа самоуправления). При Юденрате была создана еврейская полиция, которая насчитывала 200 человек. Юденрату было приказано провести регистрацию еврейского населения. Были введены принудительные работы и сформированы рабочие бригады.

**Латка - клеймо для евреев в гетто.**

20 июля был опубликован приказ о создании гетто.

Оно было расположено в центральной части города и включало 40 улиц и 273 жилых зданий. Гетто было отключено от городского водопровода и не снабжалось электроэнергией. Оно было обнесено колючей проволокой и имело два выхода, которые охранялись белорусскими и еврейскими полицейскими. Первоначально в гетто находились около 55 тысяч евреев, а затем количество стало увеличиваться за счет тех, кто не успел эвакуироваться. Кроме того, немцы ввезли в Минское гетто около 25 тысяч евреев из Рейха (из Германии и из аннексированных территорий). Таким образом, через Минское гетто прошли 100 – 105 тысяч евреев, из которых погибло около 50 тысяч.

На еврейское население нацисты несколько раз накладывали контрибуцию. Первая такая акция была наложена еще до создания гетто. Для ее обеспечения немцы арестовали 300 заложников. В этот раз они собрали: 2млн рублей, 200кг серебра и 10кг золота. Второй раз немцы потребовали 300 тысяч рублей, как компенсацию за переселение в гетто. А в сентябре они потребовали сдать 11 кг золота и 1млн рублей. Но этого им показалось мало, и они потребовали сдать все: деньги, ценные бумаги, телефоны, радиоаппаратуру, мебель, одежду, белье. В 1941-1943 гг. немцы широко использовали труд евреев. Каждое утро тысячи людей собирались у Юденрата и их развозили на работу вне гетто. Работы были разные: от конторской службы и ремесленной работы до уборки улиц, погрузки- разгрузки вагонов.

В августе в гетто была проведена серия облав, которые заканчивались расстрелами, погибло около 5 тысяч. А 7 ноября прошла большая кровавая акция по уничтожения евреев. Пятнадцатилетний Фимка – пончик (так почему- то его называли в партизанском отряде) рассказывает, что его отец, как специалист, работал вне гетто. Их каждый день водили туда на работу. Накануне, вечером 6 ноября, рабочие не вернулись в гетто. Начальник колонны знал, что готовится погром и

оставил их ночевать на рабочем месте.

Мама, две сестры и я – вспоминает Фима – ушли к родственникам, на другую улицу. Мы считали, что во-первых, будем все вместе в трудную минуту, а во-вторых, там двор закрывался железными воротам, как будто – бы для немцев это была преграда. Мы сидели одетыми, вслушиваясь в каждый шорох. Я и не заметил, как уснул. Сквозь сон услышал выстрелы. Мы выбежали на улицу, и мама меня полусонного успела втолкнуть в мусорный ящик, который находился между сараями, и накрыла крышкой. Лежу, прижавшись к стенке ящика. Фашисты уже во дворе кричат и стреляют. Вдруг, сзади, за спиной отодвигается доска и чьи-то руки втащили меня в «малину». Она была устроена под полом между сараями. Там находилось около 20 человек. Уже слышно было, как в сарай вошли немцы и стреляли по стенам и в потолок. Мы замерли и лежали весь день и всю ночь.

«Малины» – это тайные места в доме, которые строили, чтобы спрятаться и спастись. Строили двойные стены, подвалы, замысловатые шкафы.

Далее Ефим вспоминает, что 8 ноября, когда все стихло, он попросился выйти в «разведку». Он хотел узнать о судьбе матери и сестер. Ему разрешили, но поучали, как вести себя, если поймут, опасались, чтобы не выдал. Он поднялся на второй этаж, где они жили, и его охватил страх: в квартире никого не оказалось, все перевернуто, поломано, подушки разорваны, все в перьях. Это означало, что всех увезли убивать. В отчаянии он выбежал во двор и попал в руки полиция. Полицией стал допытываться, откуда он появился. Он объяснил ему, что пришел с другой улицы, где погрома не было. Он хлестнул его дубинкой и велел сказать всем, кто прятался, чтобы вышли и шли в Юденрат. Когда полицией ушел он незаметно снова залез в «малину» и сообщил все новости.

Позже стало известно, что немцы приготовили страшную провокацию. Всех евреев, которых они вывезли из гетто,

построили в колонны, раздали лозунги, транспаранты, красные флаги, призывающие к борьбе с немецкими оккупантами, имитируя ноябрьскую демонстрацию, по пути все снимали кинокамерами. На площади колонну встретили пулеметным огнем, а затем добивали живых. В тот день было убито 12 тысяч евреев. Затем Ефим дождался отца, все рассказал ему, они обнялись, помянули родных. С тех пор отец брал его с собой на работу, и они не разлучались.

Ефим Григорьевич, задумавшись, вспоминает, как в дальнейшем сложилась его судьба. Несколько раз его жизнь висела на волоске, но какая-сила спасала его.

Папа меня в гетто больше не оставлял, а брал меня с собой на работу. Я, конечно, не работал, а ходил по зоне. Но как-то в один из дней убежало двое военнопленных, которые тоже там работали. Помощник шефа, я его хорошо запомнил - высокий, рыжий, неприятный, меня обвинил, якобы я помог им убежать. Он решает меня повесить. Под конвоем двух немцев, повели меня на казнь к воротам. В зоне работал еще один еврей, а его сын, увидев, что меня под конвоем вели казнить, побежал и предупредил моего отца. Отец побежал к шефу и стал просить его, чтобы он спас меня. Шеф с отцом пошли к воротам. Я уже стоял на табуретке, но петлю закинуть на шею солдаты не успели. Шеф отправил солдат, а своего помощника подозвал и стал ему что-то говорить. Отец мне сказал, чтобы я бежал в гетто. Я спрыгнул с табуретки и убежал. Вечером, придя с работы, отец сказал, что мы больше на заводе работать не будем, а будем работать в гараже военно-воздушных сил. Там меня отец от себя не отпускал, и я работал вместе с ним. Мы делали на кухне плиту, и нам понадобился железный уголок. Нашли уголок, но он был большой. В гараже работал немец, мы попросили его отрезать нам нужный размер. Он сказал, что ему некогда и предложил нам самим отрезать автогенном. Отец стал резать, а я держал уголок. В это время искра попала в бензин, и загорелся гараж. Нас сразу

схватили и завели в кабинет к эсесовцу, обвинив в поджоге гаража. И вдруг открывается дверь и входит тот немец, который находился в гараже. Он сказал офицеру, что мы не виноваты, что он сам резал уголок, а старик держал – нас отпустили. Через некоторое время этот немец (я не запомнил его имени) к нам подошел и тихонько шепнул отцу, что нужно уходить к партизанам.

Итак, в мае 1943 года, ранним утром, около 30 человек, осторожно раздвинув колючую проволоку, вылезли и двинулись вперед. За вторым кирпичным заводом, возле глиняных карьеров они остановились, в ожидании проводника. Его почему-то не оказалось. Они рискнули пойти дальше без проводника. Передвигаться решили по два человека.

Далее Ефим вспоминает:

Немного не дойдя до ближайшей деревни, натолкнулись на немцев. На окрик «Хальт» мой напарник остановился, а я побежал. Эта задержка стоила ему жизни, он был убит наповал. А я успел забежать в сарай и спрятаться в соломе. Затем я подполз к самой стенке и в щели увидел, как немцы подбежали к нему, ткнули сапогом, убедившись, что он мертв, побежали за ними. Что было дальше не знаю: лежал ни жив, ни мертв.

Когда все стихло, в сарай зашел хозяин с ведром. Увидев меня, сел рядом, спросил кто я. и я ему признался, что сбежал из гетто, иду в направлении Старого Села, дороги не знаю. Он сказал, что занесет ведро и проводит меня. Передвигаться придется следующим образом: я иду за ним на таком



Ефим Григорьевич с женой Геней

расстоянии, чтобы видеть его голову. Я пошел за ним, боясь потеряться и не наткнуться на немцев. Навстречу мне шли две девочки, которых я знал по гетто – это они должны были нас встретить, удивились, почему я один. Я все им рассказал и показал на мужчину, который ведет меня. Они на песке нарисовали мой дальнейший маршрут и предупредили меня, что если он поведет меня по этой схеме, то идти за ним, а если он изменит маршрут, то передвигаться самостоятельно. Привел меня этот добрый человек в деревню Птичь, а дальше за этой деревней будет Старое Село. Тут уже можно не бояться – это уже Партизанский край. Через 4 дня я попал в 106 отряд Зорина. Там меня обучали владеть боевым оружием.

Вскоре Красная Армия освободила Белоруссию, Ефима призвали в армию.

Службу начал в Литве. После освобождения Минска он наблюдал, как работают военнопленные немцы. Остановилась машина и шофер машины был тем немецким офицером, который их спас. Он оказался бельгийцем. Женился на русской девушке и они вместе ушли в партизанский отряд. Там он еще успел повоевать, о чем свидетельствовала партизанская награда. Они вспомнили былое, тепло попрощались. Он очень сожалел, что отец Ефима не дожил до этого времени.

Ефим Григорьевич поселился в поселке Грушевский. Работал строителем. Женился, со своей женой Геней живет в мире и согласии 62 года. Вырастили двух детей, 8 внуков и двух правнуков. Живет в Израиле. Вся эта большая семья пошла от одного выжившего ребенка. А какой пласт людей талантливых потеряла нация, потерял мир. Но, очевидно, что у части человечества очень короткая память. Они призывают все забыть, потому, что такого не было.



## Чудом выжившие.

### Часть 2.

Еще один узник Минского гетто — Семен Мойсеевич Палес. Родился Семен Мойсеевич 24 марта 1935 года в Минске. О себе не любит много рассказывать. Вот как он вспоминает довоенное детство.

До 3 лет мама никому не доверяла мое воспитание — сама воспитывала дома. А после 3 лет я пошел в детсад. К счастью детсад находился через дорогу. Я открою калитку, посмотрю, нет ли машин и быстро перебегаю дорогу. Там мне было хорошо и весело, я забывал обо всем.

Это были счастливые довоенные 6 лет. А потом в Минск пришел кошмар. Минск, один из первых городов попал под бомбовой удар. В Белоруссии ожидали прибытия вагонов с зерном, но из этих вагонов высадились отборные войска, головорезы. Они сразу же открыли огонь из пулеметов и автоматов, и эта внезапность, дала им возможность практически занять весь город. Немцы тут же стали устанавливать свои порядки. Начали создавать территорию для гетто. Для этого они стали выселять русских, татар, белорусов с Юбилейной площади, с



Семен Мойсеевич в  
наши дни

улиц Танковой, Республиканской, с переулков. Эту территорию обнесли колючей проволокой, сделали два охраняемых выхода и загнали туда всех евреев. Люди стали строить «малины», чтобы спастись во время облав. Часть продуктов можно было обменять у проволоки на вещи, но вскоре это стало затруднительно. Часто немцы организовывали облавы: ловили на улице всех подряд и грузили в машины (газовые камеры), а затем сжигали трупы. Это место называлось Тростянец. Облавы, погромы всегда

начинались внезапно: завывала сирена, немцы спускали собак, специально обученных, и начинали стрелять по всем, кто был на улице, затем заходили в дома, и тех, кто не успевал спрятаться, убивали или садили в машину и отвозили в Тростянец. Семен вспоминает:

Самый страшный погром произошел 7 ноября. Людей живых сбрасывали в яму, а затем добивали из пулеметов и автоматов. Их засыпали живыми. Эту акцию выполняли немцы и местные полиция. Этот расстрел я видел своими глазами. Кроме того, немцы практиковали публичные казни: на человека вешали табличку с надписью: «За связь с партизанами. Такая участь ждет каждого, кто будет помогать партизанам». Когда я услышал утром 7 ноября, что начался погром, то побежал к тете на другую улицу, помочь спрятать детей. У нее под (низ) печи поднимался, и там была «малина». Когда мы спрятали детей, я стал возвращаться домой, но уже не смог добраться. Спрятался в каком-то доме под лестницей и там просидел весь день и ночь. Затем я добрался до дому, чем очень обрадовал мать, она считала меня погибшим.

В апреле 1943 года старшие принимают решение — уйти к партизанам. Собралось около 50 — 60 человек. Построились в колонну, и мнимые полицейские вели их, якобы на работу. Так они добрались до леса. Там их должен был встретить проводник. Но, как выяснилось позже, он был убит, а в лесу была засада. Когда они приблизились к лесу, по ним был открыт огонь, и они стали разбегаться. Они потеряли друг друга. Семен свалился в воронку от бомбы. Далее он вспоминает:

В воронке я просидел весь день и всю ночь. Утром стало тихо. Почти целый день я потратил, чтобы выбраться из ямы. Только к вечеру мне это удалось. Я был голодный, выбился из сил, но понимал — надо идти. Вскоре я услышал собачий лай — значит, люди здесь живут. И я пошел в этом направлении. Вдруг я увидел крестьянскую хату и огонек в

окне. Отчаявшись, усталый – пошел на огонек. Добравшись до окна, я заглянул в щель и, о, чудо — там я увидел нашего соседа и еще одного мужчину. Я постучал в окно, меня узнали, начались расспросы. Затем меня отмыли, накормили. Утром мы ушли в партизанский отряд имени Пархоменко, где я пробыл до 1944 года.

Отряд имени Пархоменко – это был боевой отряд, который выполнял самые сложные, ответственные задания Центра партизанского движения. В этом отряде Семен был пастушонком. В его хозяйстве было 5 коров и 5 лошадей. Лошади использовались для разведывательной работы. Они всегда должны были быть готовы к операции. Все взрослые полюбили послушного, трудолюбивого пастушонка. Возвращаясь с операции, они всегда приносили гостинец: то конфетку, то кусочек сахара. Немцы принимали различные меры, чтобы покончить с партизанами, которые не давали им покоя: они нападали на немецкие гарнизоны, пускали под откос поезд и т. д. Отряд имени Пархоменко был блокирован немцами, и пришлось двое суток просидеть в болоте. В апреле 1944 года, группа подрывников из другого отряда, возвращалась с задания и сделала привал в отряде Пархоменко. Семен вспоминает:

В этой группе оказался и мой отец. Радость была неопишима! Все приходили и поздравляли нас. Через несколько часов группа тронулась в путь и меня отпустили вместе с отцом. Вскоре мы добрались до отряда Зорина. Отряд Зорина (№106) был особенным. Он состоял из двух частей: первая часть, которая выполняла боевые задачи, и вторая – семейный лагерь, который ремонтировал оружие и шил одежду и обувь для всех отрядов, готовил материалы для са-



Памятник отряду «106»

нитарных частей. В состав этого лагеря входили спасшиеся из гетто и военнопленные.

Далее Семен вспоминает:

Вотряде меня стали обучать читать, писать. Я был в отряде Зорина до освобождения Минска. После освобождения Минска я пошел в школу и какую радость испытал, когда моей учительницей в школе оказалась моя первая учительница из отряда. После войны Семен окончил среднюю школу, два курса строительного техникума, поступил в Минский Политехнический институт, а затем после второго курса перевелся в Московский Строительный институт и без отрыва от производства его закончил. В 1959 году женился. Жена Рая – фармацевт. Они вырастили двух детей, а теперь нянчат двух внуков.

Эта большая дружная семья живет сейчас в Израиле. Вспоминают родных и друзей, которые не дожили до этих дней (светлая им память). Семен Мойсеевич рассказывает своим и чужим детям о том, как им удалось спастись и выжить.

## Чудом выжившие.

### Часть 3.

И еще об одном бывшем узнике с похожей судьбой хочется рассказать. К сожалению, он рано ушел в другой мир — светлая ему память!

Когда началась война, еврейскому мальчику Арону Верницкому исполнилось 5 лет. Были у него, как и у других детей, папа, мама, сестра. Папа Давид Аронович - инженер, мама Сара Абрамовна – учительница. 21 июня вся семья праздновала день рождения Арончика (Арика) - это был последний праздник счастливого и беззаботного детства.

А через день Минск пылал. Сгорел дом, где жила семья и им пришлось переселиться к родственникам. Отца забрали на фронт, а он с мамой и старшей сестрой оказались в оккупа-



Арик Верницкий 1945 г.

ции. Вскоре было создано гетто. С каждым днем жизнь становилась тревожнее, опаснее, голоднее. Мама и сестра пошли работать в столовую подсобными рабочими. В этой столовой работал немецкий повар, который помогал им продуктами. Более того, он уберег их от первых погромов. Однако, после Нового 1942 года этого повара перевели на другой участок, и когда 2 марта произошел второй массовый расстрел, то на это раз им не удалось избежать печальной участи.

Арик вспоминает:

Во время облавы мама услышала шаги, топот немецких сапог во дворе дома. Мама и сестра понимали, что это уже пришли за нами. В мою куртку мама зашила медальон с моими данными. Вместе с другими евреями, нас согнали в колонну и повели. Куда нас гнали, никто не знал, но никто не питал иллюзий. Я спрашивал у мамы, куда нас ведут. А она, украдкой вытирая слезы, прижимала меня к себе и говорила, что все будет хорошо, чтобы я не боялся и помнил о медальоне. Когда мы оказались у кромки рва, то выстрелы не заставили себя ждать. При первых же выстрелах, мама толкнула меня вниз, в ров. Я упал и потерял сознание, ударившись головой. Я не помню, сколько времени пролежал под трупами. Но когда пришел в сознание, то было уже темно, я начал плакать и это услышала пожилая женщина. Она искала кого-то среди мертвых тел. Она вытащила меня из-под трупов. Привела к себе, накормила и спрятала меня в сарае. Затем дала на дорогу хлеба, картошки и сказала, чтобы я уходил в лес, так как здесь хозяйничают немцы и полицаи, а это опасно и для нее и для меня. Так началась моя бродячая жизнь.

Шестилетний ребенок скитался, укрываясь в лесу, прячась в сараях, скирдах, курятниках, воровал картошку, кур,

находясь в постоянном страхе, избегая немцев, полицаев и селян. Не раз селяне, к которым он залазил в огород, сарай, ловили, били и прогоняли. Спустя некоторое время он встретил такого же сироту, русского мальчишку Мишу, ему было лет 12-13. Так они



Победа!

вместе, держась друг — друга скитались. Миша, на правах старшего, верховодил. Наступали холода, и выживать становилось все тяжелее. Обессиленные, голодные, завшивленные они бы, конечно, не пережили бы зиму. Далее Арик вспоминает:

Однажды, холодной декабрьской ночью 1943 года, нас обнаружили солдаты роты связи 75-ой Гвардейской стрелковой дивизии, которые брали сено для лошадей. Привели в часть, отмывали в котлах, одежду сожгли, постригли, накормили. Так началась новая жизнь. Мне и Мише «светила» отправка в тыл, в детский дом, но для меня это могло означать смерть, так как я был очень слаб и не смог бы постоять за себя при тогдашних, далеко не дружеских нравах в детдомах. Да и помывка в бане вместе с другими мальчишками ничего хорошего не сулила еврейскому мальчику. На мое счастье, мы с Мишей остались в части, в роте связи. И с января 1944 года мы стали воспитанниками дивизии. Нас обмундировали (решили из взрослой формы), окружили заботой и любовью.

Этим солдатам мальчишки напоминали своих детей, и они к ним относились как к родным сыновьям. А мальчишки, в свою очередь, старались помогать, чем могли: были посыльными, носили еду и чай в окопы, помогали восстанавливать связь, крутили бинты в медсанбате, чистили снаряды, работали на кухне. Арику повезло, что в дивизии служило много

офицеров еврейской национальности. Это начальник политотдела дивизии Борис Пакин, инструктор политотдела Борис Мильнер и другие. В перерывах между боями их учили читать и писать. Учебников и тетрадей не было. Учили по газетам, на газетах и писали. Война катилась на Запад. Пройдены Белоруссия, Прибалтика, Польша. В одном из боев на польской земле в январе 1945 года погиб Миша. Немецкий снаряд угодил в блиндаж, в котором находились солдаты и Миша, а Арик находился снаружи, и это спасло его, но был контужен и потерял на время слух и зрение. Арик вспоминает:

А потом была Германия, уличные жестокие бои в апреле. И долгожданная Победа! Знамя Победы над Рейхстагом и моя надпись: Мама, мы отомстили! Сделанная корявым детским почерком.

24 июня мне вместе со своими однополчанами удалось наблюдать Парад Победы на Красной Площади. А 20 июля 1945 года приказом по дивизии меня зачислили воспитанником музыкального взвода дивизии, одновременно я учился в дневной школе.

В 1949 году меня направили учиться в Воронежское военное музыкальное училище.

В 1953 году он закончил учебу, и его направляют в свою дивизию. А в 1956 году по состоянию здоровья его демобилизуют из армии и он поселяется в Крыму.

Вся его трудовая деятельность связана работой с детьми. Был отрядным вожатым в пионерском лагере «Артек», старшим вожатым районной школы Ленинского района, директором районного пионерского лагеря, директором семейного пансионата. Имеет боевые награды. Занесен в летопись 75-ой Гвардейской Бахмачской дивизии как сын дивизии. Всюду пользовался авторитетом и уважением коллег. По прибытию в Израиль принимал активное участие в обществе бывших несовершеннолетних узников гетто. Очень жаль, что Арик рано ушел из жизни (светлая память ему). Все кто с ним

общался, очень любили его и очень тепло о нем вспоминают.

Остались и живут в Ашдоде жена Валентина, сын Борис, дочь Лариса, внучка Виктория и новорожденный внук.

Судьба еврейских детей и подростков – самые трагические страницы Холокоста. Уничтожению подлежали все дети. Отсутствие молока, фруктов, других продуктов питания, медицинского обслуживания, холод и голод делали детскую смертность очень высокой.

Первый, зачастую самый сложный шаг к спасению делали они сами: бежали по дороге или с места казни, прятались во время акции, а затем интуитивно выбирали путь в безопасное место или к людям, которые готовы были их приютить, а затем спрятать. Они выжили, благодаря горячему желанию жить, стойкости, терпению, природной смекалке. Они выжили вопреки бредовым планам нацистов – полностью решить «еврейский вопрос». После войны, выжившие дети, вспоминали подробности, этих страшных событий и донесли их до наших дней. Дальнейшая жизнь их не сломала, не обозлила. Все чего-то добились в жизни, обзавелись семьями и продолжили еврейский род!

## Никогда не забуду!

### Часть 4

«Тот, кто спасает одну жизнь, подобен тому, кто спас целый мир»

Много лет прошло с той поры. Но в памяти спасшихся и выживших, до настоящего времени живы воспоминания тех грозных дней. Вот как вспоминает начало войны 14-летняя девочка:

«Я проснулась рано утром. Кругом стояла зловещая тишина. Меня в это утро никто не будил. У меня от этой тишины пробежал озноб по телу, мне показалось, что меня кто-то зовет. Я быстренько оделась и выбежала на улицу. В не-



скольких местах стояли одни женщины и о чем-то говорили. Мужчин не было (я потом узнала, что они все ушли в сельсовет). Подойдя ближе, увидела у всех расстроенные, угрюмые лица. Они поняли, что я ничего не знаю и тогда соседка мне сказала, что началась война. В этот день никто ничего не делал, только кормили скотину и встречали коров с пастбища. Вскоре вернулся отец – его не взяли в армию по возрасту, а брата забрали. Но день прошел относительно спокойно. На завтра село загудело. Через нас пошли беженцы: кто на лошадях, кто пешком. Два дня прошли быстро, а затем в село въехали немцы на мотоциклах, в черной форме со свастикой на рукаве. К нам в дом вошел немец и, направив пистолет на отца, кричал: «Большевик!». Отец ему ответил на немецком языке и он ушел. Мы были удивлены – откуда отец знает немецкий язык. Оказывается, что в 1-ю мировую войну он находился в плену в Германии и свободно говорил по-немецки..»

Евгения Гузик (Гантман) вместе с родными жила в селе Писюта Березинского района Минской области. В их семье было 8 человек. Это была трудовая еврейская семья, которая работала в колхозе. Кроме них, в этом селе проживало две еврейские семьи.

В конце лета 1941 года в деревне Богушевичи Березинского района было создано гетто, куда переселили евреев из окрестных сел (Селиба, Писюта и других) около 400 человек. Их разместили в здании школы, которое охраняли местные полицейские.

Уже с сентября 1941 года начались расстрелы. Расстреливали по группам: сначала самых старых, немощных, затем мужчин, в том числе и отца Евгении. Их отводили в лес и там выполняли эту кровавую акцию. После настала очередь всех остальных. Очень немногим удалось спастись. Позже в лесу спасшаяся Хая Шустерович рассказала, что с ней было четверо детей. Она осталась жива и вылезла из-под трупов, а дети погибли. Всего было убито 380 евреев. Некоторые убежали к



Евгения с сыновьями

партизанам. Уцелевших к тому времени узников угнали в Березино и казнили. Там экзекуция проходила в несколько приемов. 25 – 28 декабря 1941 года погибло 940 узников, 31 января – 1 февраля 1942 года – 962 узника, в июле 1942 года около 1000 человек. Некоторым евреям удалось спрятаться на чердаках, в подвалах, в «малинах». Они бежали из гетто и присоединились к партизанским отрядам.

Женя все время лелеяла мечту – убежать из гетто, но не смогла это сделать в Богушевичах, так как не знала дорогу домой. Во время расстрела к ней подошел полицай и велел спрятаться в указанной им комнате. Она попросила оставить и подружку Цильку. Так они уцелели. А вечером, оставшихся в живых, увезли в Березино. До Писюты было 20 км, но дорогу Женя хорошо знала. И она вместе с Цилькой убежали и успешно добрались домой. Днем они прятались в лесу, а ночью возвращались в село.

Цильку отказались приютить, и Женя проводила ее в лес. Они проходили по мостику через небольшую речку. Цилька стала просить Женю, чтобы та столкнула ее в речку. Она объяснила свое решение – не хочет доставить удовольствие полицая, который убил еще одну жиловку. Позже, уже в партизанском отряде, Цилька погибла.

Женю приютила семья Сушкевичей. Это была большая семья: мать и 8 детей. Она несколько дней жила у них, но понимала, что долго жить у них нельзя. К ней приходил брат и посоветовал Жене перейти на другую квартиру к Нине Кононовне Гайдук. Это была белорусская женщина с двумя детьми. Ей было 25 лет. Несмотря на все сложности, несмотря на большой риск, она приютила Женю. Это было в ноябре 1941 года. А брат Петя, как незаметно появлялся, так и неза-

метно исчезал.

А вот другой пример: заведующая мельницей, некая Б (она не называет ее фамилию, чтобы пощадить ее детей, внуков – они ведь не виноваты), числилась в друзьях семьи, детально обо всем расспросила Женю, где она прячется, а вечером прислала полицию. Далее Женя вспоминает: «Когда я поселилась у тети Нины (ее тогда звали Янина), то она мне отвела комнату и велела окно не закрывать. Когда полицейские стали стучать в дверь и требовать выдать жидовку, тетя Янина знаком показала мне бежать через окно, что я и сделала. Когда я выскочила из окна, то увидела вооруженного человека, который стоял, прижавшись к стене. Вначале я испугалась, но не закричала, а побежала и ждала выстрела. Но его не было. Как впоследствии выяснилось, в полиции служили несколько подпольщиков и это был один из них. Я добежала до лесопилки и спряталась в досках. Пряталась в лесу, иногда заходила в деревню. Вскоре брат забрал меня в землянку, которую построили наши соседи, бежавшие из гетто, и солдаты, вырвавшиеся из окружения. Там мы жили до апреля 1942 года».

В землянке жили 8 человек. В деревне прятался окруженец (лейтенант Красной Армии), они предложили ему стать их командиром. Землянка находилась в густом молодом ельнике, чуть выше роста взрослого человека. Он был достаточно густой, и чтобы пройти к землянке, нужно было раздвигать ветви. На ветках около землянки висело мясо, заготовленное для питания, что привлекло внимание «население леса» — волков. Они выли по ночам, что было очень страшно. Женя на ночь подперла дверь палкой и только после этого крепко уснула, да так, что возвратившиеся жильцы не смогли до нее достучаться и выставили дверь. Вскоре они переместились в семейный лагерь, который находился поблизости от бригады имени Щорса. Командиром был Дерман Н. Л., а комиссаром - Прусак Михаил Петрович (Пейсевич). Они настояли,

чтобы мы переселились в отряд, потому, что в лагере было очень опасно оставаться. Его постоянно осаждали немцы и полицаи. Бригада состояла из отрядов: «Победа», «им. Щорса», «им. Чапаева». В отряды засылали предателей, и они наводили немцев на расположение партизан. Но в городе образовалась подпольная группа, некоторые служили в полиции и им удавалось предупредить отряд о готовящейся акции против партизан. Многих предателей удавалось опознавать самим партизанам и с ними безжалостно расправлялись. Следует отметить, что среди немцев было много финнов, чехов, французов, которые во время боя переходили на сторону партизан.



Исаак и Евгения

В отряды вливалась и молодежь. Были и другие примеры, когда полицейские под видом партизан грабили крестьян, отбирали у них все. Их вылавливали и казнили. В отряде была строгая дисциплина, не допускающая случаев мародерства. Продукты, вещи отбирали у полицейских и немцев. Были и другие сложности. Всю войну не раздевались. Зимой почти не мылись – только руки и лицо, летом купались в речке или озере. Отряд выходил на боевые задания: взрывали вражеские эшелоны, уничтожали предателей, нападали на полицейские участки. Жене, с ее характерной еврейской внешностью, было приказано не выходить из леса. Ей нашли работу. Поначалу она помогала старшим женщинам готовить обед. Когда научилась это делать, стала готовить самостоятельно во взводе, в группе разведчиков, а с 1943 года и до освобождения готовила в штабе. Там ей помогали жены командиров потому, что в целях безопасности, туда никого не допускали. Далее Евгения

вспоминает:

«Освобождение мы встретили в Смолувичском районе и всем отрядом пошли в Минск. Там нас расформировали: кого забрали в армию, в том числе и брата Петю. А я рвалась домой, чтобы узнать, кто уцелел, выжил. Поселилась в Березино и там прожила до 1945 года, а затем переехала в Борисов, устроилась на работу, вышла замуж за Исаака Гузика. Родили двух сыновей, у нас 3 внука и одна внучка. Их успехи и достижения радуют меня, хочется жить.

В 2006 году ушел в мир иной мой самый близкий человек – Исаак, благословенна его память.

Я и моя семья могла и не состояться, не окажись на моем пути Янины Гайдук, моей спасительницы. Вечная ей память. Позже я все сделала, чтобы добиться для нее присвоения звания «Праведника Народов Мира». До конца своих дней не забуду ее светлый образ и все то, что она сделала для меня».

С большой любовью и благодарностью вспоминает Евгения свою спасительницу – Нину (Янину) Кононовну Гайдук (Гринберг). По разному относились люди к тому, что фашисты творили с евреями. Были те, кто тихо сожалел и боялся, что точно такая же участь постигнет каждого. Были те, кто предавал и выдавал. Но находились и те кто, рискуя собственной жизнью и жизнью своих близких, спасал евреев от смерти.

История сохранила имена людей, спасших тысячи евреев. Среди них такие, как король Дании Христиан X, приказавший вывести евреев на лодках в нейтральную Швецию; и шведский дипломат в Венгрии Рауль Валленберг, спасший тысячи евреев, снабдив их паспортами своей страны, а затем бесследно исчезнувший в застенках НКВД.

В условиях фашистской оккупации спасение даже одного еврея становилось подвигом, так как это могло стоить жизни как самому спасавшему, так и его семье.

Ярким примером героизма стала история спасения Евгении Гузик белорусской женщиной, матерью двух несовершеннолетних детей — Нины Гайдук (Гринберг), Именно к ней постучалась в ноябре 1941 года напуганная, голодная, замерзшая девочка и нашла там спасение.

Холокост, Катастрофа – за этими словами стоит беспрецедентное событие: убийство 6 млн. евреев во время Второй Мировой войны. Эта трагедия нанесла тяжелейший урон не только еврейскому народу - она травмировала человеческую цивилизацию, сотрясла основы человеческого разума. Холокост перевернул понимание человеческой природы, характера общества и современного государства. Остро встал вопрос об ответственности каждого человека, о долге каждого выступить против произвола и насилия.

«Сегодня мало говорить об ответственности Германии за то, что произошло. Сегодня нужно говорить об ответственности всех народов и каждого гражданина мира за будущее», - писал В. Гроссман, автор романа «Жизнь и судьба».

Именно поэтому так важно осознать ответственность каждого за все, что происходит на Земле.



## Список Арема.

Все дальше и дальше в глубину истории уходят победы и поражения, «чудеса» и удивления, события и происшествия Второй мировой войны. Но воспоминания живых свидетелей, их переживания не дают забыть о прошедшем. Мне хочется рассказать о случившемся много лет тому назад. В 2003 году в издательстве «Terra incognita» была напечатана моя «Повесть о пережитом», где я рассказал о пути легком-тяжелом, который прошел за жизнь, об интересных людях с кем встречался, общался, кто помог мне выжить в трудные годы, кто спас меня, кто помог мне стать человеком. Там в частности описан такой эпизод из моей жизни.

В местечке Джурин Винницкой области во время войны было еврейское гетто. Там не было колючей проволоки, но была условная граница (до мостика), за которую евреям нельзя было переступать. Кроме того, в Джурин были депортированы 3,5 тысяч евреев из Буковины, Румынии, Хотина. Местных евреев было 1,5 тысячи. Был создан совет гетто. Председателем совета был назначен М. Розенраух, заместителем М. Кац. В Джурине разместились румынская жандармерия во главе с претором.

Фронт ушел далеко на восток и Джурин оказался в глубоком румынском тылу. Претор быстро «освоился» - нашел себе «интересных» девушек нестрогих правил из местного украинского населения и стал устраивать регулярно вечера отдыха. Фавориткой претора стала некая А. Чтобы выглядеть хорошо ей нужны были наряды. Она нашла себе модистку, еврейскую девушку Фаину, беженку из Румынии. Фаина жила с родителями (Перец и Сурка) и двумя братьями (Айни и Йоси) на квартире у моих родственников. А. приезжала на бричке, забирала Фаину к себе на несколько дней и та ее обшивала «с ног до головы». Затем она рассчитывалась с ней продуктами и привозила ее обратно в гетто.



Вилли Арем

Фаина рассказала родственникам, что на этих вечеринках бывает немецкий офицер, который спас нескольких евреев от смерти и привез в Джурин.

А дело было так. В местечке Немиров немцы вначале расстреляли 2500 евреев, оставив только ремесленников и физически здоровых людей. Когда готовился следующий погром, этот офицер спас несколько человек и перевез их в Джурин (об этом я позже расскажу подробнее). Эту новость в местечке скрыть было невозможно. Об этом говорили полушепотом и благодарили Бога и офицера за такой поступок.

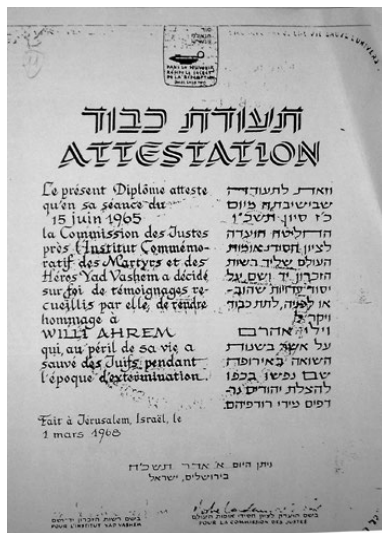
Родственники стали просить Фаину (она говорила по-немецки), чтобы она попросила офицера спасти меня с матерью из концлагеря Печора. Он велел ей записать нашу фамилию. И вот однажды в лагере нас стал разыскивать полицей из охраны. Естественно, мы спрятались. Но он так настойчиво искал (ведь ему задание дал немецкий офицер!). Наши знакомые посоветовали нам открыться - не стал бы он для плохого так тщательно нас искать. Когда он нас нашел, то рассказал, что в его дежурство к лагерю подъехал немецкий офицер, отдал ему бумажку с нашей фамилией и приказал найти нас и привести к определенному часу в определенное место. Быстро собравшись, мы вышли из лагеря, но полицей не стал нас провожать до указанного места и на словах рассказал, куда надо идти. Конечно, мы не попали в нужное место, и встреча не состоялась.

Мучительно было наше возвращение в лагерь, но об этом в другой раз. Спустя некоторое время все повторилось. Но в этот раз полицей довел нас до нужного места. К сожалению, офицер не смог нас увезти: в его машину сели еще другие офицеры. Правда, при встрече с Фаиной он объяснил ей



обстоятельства и пообещал, что все равно нас спасет.

Наши родственники не успокаивались и вскоре, за нами зашел парень (не еврейской внешности), который постоянно выводил людей из Печоры и мы не без приключений добрались до Джурина. Да, этому офицеру не удалось нас спасти, но сам поступок и его желание помочь все время будоражило мой мозг! Кто он? Немецкий коммунист? Подпольщик? Гуманист? Антифашист? НО наводить справки ни тогда, ни позже было невозможно и опасно.



Почетная грамота

\*\*\*

Прошло много лет. Я в Израиле. Мне случайно попадает на глаза статья Виктории Мартыновой в газете «Новости недели», 02.09.2004 г «Полковник из фирмы «Фикс». В ней рассказывается, как немецкий полковник спас подростка Владимира Анапольского в Немирове, долго опекал его и он выжил. Владимир встретил в Израиле еще одну спасенную женщину Дору Зальцман и от нее он узнал, что спасителя звали Вилли Арем и он признан «Праведником Мира».

Когда я познакомился с этой публикацией, у меня учащенно забилось сердце, я подумал, что это может быть тот офицер, который и меня собирался спасти. Я начал поиск. Тут же обратился в Яд Вашем с вопросом: «В личном деле «Праведника Мира» Вилли Арема не указано ли гетто местечка Джурин?»

Ответ из Яд Ва-Шем расставил все точки над и: да это он!

Затем я разыскал Владимира Анапольского и встретился с ним. Он мне рассказал о своем спасении и спасителе. О том, как его поймали немцы, когда он переходил Буг. Его привели в комендатуру, чтобы утром расстрелять. Казалось выхода нет. Но тут появился добрый ангел и, чудо, спас его. Это был Вилли! Когда готовился второй погром, Владимира предупредили. Днем он прятался в столовой в каморке а ночью мыл посуду. Анапольский мне рассказал о своей поездке в Германию. О том, что Вилли умер в 1968 году, похоронен под Бонном. Он побывал на могиле и поклонился его праху. Да будет Благословенна его память.

10.12.2009 года в газете «Новости недели» появилась еще одна статья В. Мартыновой о чудесном спасении Владимира Анапольского, о том, как чтят в Германии участие немцев в спасении евреев. После этого я познакомился еще с одним живым свидетелем, которого спас Вилли. Это Дора Зальцман (пока мы встретились по телефону). Она рассказала мне много подробностей о жизни Вилли. Вилли был женат на дочери крупного владельца фирмы (дороги, мосты) Германии Вильгельма Фикса. Когда началась война, Арему присвоили звание полковника, он возглавил воинскую строительную часть и был командирован на Украину на строительство дороги Немиров-Винница.

Дора закончила 1-ый курс Винницкого пединститута и приехала домой в Немиров на каникулы. Началась война и вскоре к ним во двор забрела семья Менчер: Оскар, Регина и их малолетний сын Ежи, которая спасалась после того, как их эшелон разбомбили. Семья Зальцман их приютила. После первого погрома (погибла семья Зальцман) остались в живых семья Менчер и Дора. Их заставили убирать улицы. Вскоре командир немецкой части обратил внимание на Оскара, хорошо владеющего немецким языком, и забрал его работать в бухгалтерию, а Регину - на кухню. Дора оставалась с малолетним Ежи.

Вспоминают Владимир, Дора, что Арем окружил себя надежными помощниками, которые понимали и поддерживали его действия – это шеф-повар Петер и личный шофер Франц. Когда привозили обед на дорогу, где работали узники, то немцам, охранявших их, обед был более калорийным. Франц подзывал Володю и громко приказывал вымыть котелок, а там было много мяса. Франц и Петер предупреждали их, когда готовилась очередная облава – спрятаться и не высовываться. Но когда готовилась окончательная расправа с оставшимися, Вилли принимает решение увезти их в Джурин. Он взял грузовую машину, уложил их в кузов, накрыл брезентом и повез в Джурин. Гетто находилось на территории Транснистрии (территория между Днестром и Южным Бугом), которая была подконтрольна Румынии. Там евреев не расстреливали. Вилли хотел их поселить в Джурине с разрешения властей. Но так как коменданта не было, то он обратился к дежурному офицеру. Вилли не знал румынского языка и поэтому представил Регину как переводчика. Дежурный связался с комендантом и тот ему намекнул, что желательно их задержать. На улице Регина об этом сказала Вилли и они тут же уехали обратно в Немиров. Их поселили на чердаке столовой, лестницу убрали. Ночью им передавали еду и воду, а повар Петер напевал и в песенке передавал нужную для них информацию. Владимир днем прятался в каморке столовой, а ночью мыл посуду. Вскоре Вилли вновь усадил их в машину и увез снова в Джурин. На этот раз он не стал заезжать в комендатуру а повез их прямо в гетто. Там он приказал еврейским руководителям гетто поселить этих людей. Так они попали в Джурин. Они оказались без каких-либо вещей и средств существования. Но обо всем позаботился Вилли.

Дора рассказала мне еще об одном эпизоде. Франц и Петер попросили разрешения съездить в деревню купить свинью забить ее, чтобы мясо и сало отправить семьям в Германию. Получив разрешение они отправились в Гайсинский

район. Вышли на старосту и рассказали ему о цели своего приезда. Староста пообещал все сделать и вскоре привел партизан. Их разоружили и стали допрашивать. Франц почувствовал, что дело может плохо кончиться, он распорол подкладку голенища сапога и достал свой партбилет коммуниста Германии. Это вызвало некоторое замешательство. Посоветовавшись, их решили отпустить. Они попросили вернуть им оружие. Они заявили, что если они вернуться без оружия, то их там расстреляют, так лучше вы нас расстреляйте. И их с оружием отпустили. Это для Вилли тоже была большая неожиданность. О жизни в Джурине вспоминает Лиза Нойман, о тяжелых условиях: холод, голод, болезни и т. д. Арем ей очень помог. Он часто ездил в Бухарест, там нашел ее родственников и они передали ей деньги, что помогло ей выжить.

Вспоминает Менчер, что Вилли стал фиктивным редактором туристической фирмы в Бухаресте. Это дало ему возможность установить связи с евреями Бухареста, которые передавали письма и деньги на проживание в гетто. Все это не могло долго оставаться незамеченным румынами, но подарки и деньги делали свое дело. В 1943 году, вспоминает Дора, удар в спину нанесла фольксдойч жительница Немирова (фамилию не называет, щадя родственников). Она донесла на Вилли. Друзья посоветовали уйти в другое место. Его перевели в Жмеренку. Вскоре он возвращается в Германию, попадает в зону наступления английских войск. Вначале был пленен, а затем переходит на службу в английскую армию.

О его помощи евреям гетто есть еще одно свидетельство. В своей книге Барух Хегер (да будет Благословенна его память) «Живой и благословенный», часть вторая «В долине плача» изданной в Израиле на иврите, рассказывает об этом. Это книга – дневник Выжницкого раввина о периоде катастрофы, это свидетельство изгнания в Транснистрию евреев из Румынии. Он тоже жил в этом гетто. Он вспоминает, что в январе 1942 года была организована больница на 60 коек.

В первую очередь лечили больных сыпным тифом. Но всех спасти не удалось, скончались около 500 человек. Множество людей погибало от голода, люди опухали, слонялись по улицам гетто, как тени, рылись в мусоре, надеясь найти что-нибудь съестное. Одной из первоочередных задач была необходимость создания общественной столовой. И большая часть денег, полученных из Бухареста и из других источников использовалась для столовой. В начале 1942 года в столовой ежедневно раздавали суп и хлеб для 300 голодающих. А к концу 1942 года уже 1000 человек получали суп и картошку. Денежная помощь из Бухареста начала поступать только летом 1942 года. 24 октября 1943 года был открыт приют для 50 сирот. И хотя раввин прямо не указывает, кто привозил деньги из Бухареста, но мы понимаем, что в отсутствие почтовой связи единственным курьером был Вилли Арем.

Кто он Вилли Арем? У него была семья в Германии: жена и трое детей. Во время войны жена и двое детей погибли. Остался сын, который сейчас живет в Америке.

Начиная с 1963 года люди, которых он спас, начали ходатайствовать перед комиссией Яд Ва-Шем о признании Арема «Праведником Мира». С такой просьбой обратились Лиза Нойман, Оскар и Регина Менчер, Дора Зальцман. И 15 июня



Мемориальная доска Праведников Народов Мира с именами в Музее Яд Ва-Шем, часть доски с именем Вилли Арема.

1965 года он был признан «Праведником Мира». Его имя записано на Стене Почета. В 1968 году Вилли не стало. Ушел из жизни порядочный, добрый Человек, который, рискуя карьерой, благополучием, жизнью, не мог спокойно наблюдать страдания евреев и делал все возможное и невозможное, чтобы облегчить эти страдания.

Я ощущаю чувство выполненного долга. Да, он меня не спас, но две попытки, сделанные немецким офицером, подвергавшим себя большой опасности, говорят о многом. Я рад, что узнал, наконец, имя этого Человека! Часто задаю себе вопрос, что им двигало? Ведь все у него было: и карьера, и семья, и материально был обеспечен. Чего он добивался? Чего достиг? Ведь все он делал бескорыстно. И отвечаю – это высшая степень человеколюбия!

Аллея Праведников Народов Мира в Музее Яд Вашем, Мемориальная доска с именами, часть доски с именем Вилли Арема.

Память о нем будет жить вечно!

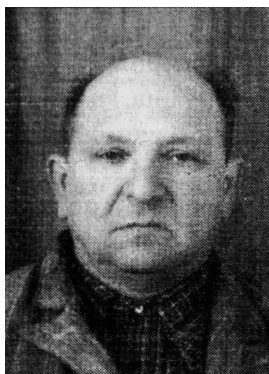
А маленький Ежи выжил и стал «большим» профессором, живет в Израиле. Он передал Доре 14 писем Вилли к Менчеру, где Вилли рассказывает о своей жизни в Германии.

## Список Арема - продолжение

Заканчивая свой очерк «Список Арема», я и не предполагал, что в процессе своих поисков натолкнусь на продолжении этой истории.

Оказывается, Вили Арем принимал участие в операции по спасению еще одной семьи. Но все по порядку.

В местечке Немиров Винницкой области жила большая семья Розенгафтов: Герш (Гриша) Абрамович и Мария Шаевна Розенгафт-Гуральник. У них было трое детей: Шеля (1929 года рождения), Яша (1934) и Абраша (1938). У Марии Шаевны было две сестры: Дора (1900) и Соня (1904). Соня



**Григорий (Герш)  
Абрамович Розенгафт**

вышла замуж за Абрама Дашевского и у них в 1940 году родилась дочка Шелечка. С ними жили две бабушки Хона и Фейга, а также дедушка Давид. Вот в таком составе эта большая семья встретила войну. Гришу забрали в армию, но он, вырвавшись из окружения, вернулся в Немиров.

22 июля немцы вошли в Немиров и, вскоре, согнали всех евреев в гетто, которое получилось из двух улиц, обнесенных колючей проволокой. Там издевались, глумились над ними, заставили носить белую повязку со звездой Давида, заставляли выполнять тяжелые работы. При этом отобрали специалистов: портных, сапожников, а остальных использовали для хозяйственных работ: стирка, уборка, работа в огороде. В гетто было согнано около 11000 евреев. Вне гетто остались хорошие друзья, соседи (украинцы) с довоенного времени, они и поддерживали людей в гетто, чем могли. Накануне, вечером 23 ноября 1941 года Вера Илларионовна Туник предупредила семью Розенгафтов, что в город прибыла эсесовская часть для кровавой акции. Семья принимает решение: Дора и Соня со всеми детьми уходят к Туникам. Герш, Мария и Абрам уходят в лес, а бабушки Хона, Фейга и дедушка Давид остаются в гетто.

На рассвете началась расправа! Всех выводили из гетто под конвоем и вели в Дом культуры. Там проводили сортировку: крепких молодых людей в одну сторону, а стариков, женщин с детьми грузили на машины и везли к последнему пристанищу – там уже были выкопаны ямы-траншеи длиной 15 метров, глубиной 3 метра и шириной 6 метров. Там несчастных раздевали, отбирали все, что у них было и расстреливали. Ровно в 18-00 (немецкая пунктуальность) акция была



Мария Шаевна с сыном Яшей

закончена с результатом 9000 убитых.

В живых осталось около 3000 евреев, и они решают вернуться в гетто. Вскоре собрались все остальные члены семьи, кроме бабушек. Все понимали, что их оставили в живых ненадолго. Всех

мучил вопрос: «Что делать дальше?» Соня отдала Шелечку Вере Туник и та вместе со своими двумя детьми увозит их к своей матери в Калиновку (70км.), подальше от Немирова. Шелю – большую с января по апрель прячет друг отца в селе – 14 км. От Немирова. Затем пришлось ее забрать в гетто, чтобы отмыть и вывести вшей. В это время, 26 июня 1942 года, начинается вторая акция уничтожения евреев. Они успевают укрыться в «секрете», это был подвал, вход был из кухни и его прикрывал огромный резной буфет. В этом подвале собралось около 50 человек. Там оказалась молодая пара с шестимесячным ребенком. Ребенок все время плакал, мать давала ему грудь, но он не успокаивался. А палачи шумели во дворе. Собравшиеся приговорили его к смерти. Исполнил приговор отец: накрыл малыша подушкой и он умолк. Но остальные стали задыхаться: отдушины сверху забились. Дышать стало невозможно, и они были вынуждены покинуть убежище. Там их сразу подхватили палачи и погнали в синагогу. В синагоге собралось много людей, стоял плач, крик – все понимали, что настает их последний час. Затем всех выгнали во двор, и началась новая сортировка. Вспоминает Шеля Розенгафт (Мостовая):

- Тетю Дору и тетю Соню, дядю Абрашу отобрали в



одну сторону, а я осталась в другой стороне. Они стали звать меня к себе, и я стала протискиваться между солдатами. Так как я была рослая девочка, то меня пропустили. В этой группе оказалось около 200 человек. Остальных стали грузить на машины. Там был настоящий кошмар: стариков, которые не могли залезть на машину, полицаи избивали, хватали за руки и ноги и забрасывали в кузов, как бревна; маленького ребенка немец вырвал у матери и, схватив за ножки, разбил его об кузов. Остальных завели в дом, еще раз рассортировали и забрали все драгоценности.

Каждый день нас отводили на работу. Больных увозили и расстреливали.

В лагере организовалась подпольная группа. Но кто-то донес, их арестовали и расстреляли. Так погиб Абрам Дашевский.

В ноябре Шелю разыскал Ефрем Козлов. Это был старик лет 70 из старообрядцев. Он рассказал ей, что в октябре перевез через Южный Буг ее родителей с братьями Яшей и Абрашей, поклялся матери разыскать Шелю и привести к ней.



Александра (Шелечка)  
Абрамовна Смолкина

Шеля вспоминает:

- Козлов сказал, чтобы после работы я в лагерь не возвращалась, а спряталась в лесу, а вечером он меня заберет и переправит на другой берег. Я очень обрадовалась этой весточке, ведь я ничего не знала о судьбе моих родителей, братьев. Не знала и о том, что есть румынская зона, где евреев не убивают. Но в тот же день уйти отказалась: ведь в гетто оставались тетя Соня и тетя Дора, если я не приду - их расстреляют. Но попросила его связаться с другом нашей семьи Радионовым и вместе придумать план нашего спасения.

И план созрел! В январе 1943 года, в воскресенье, их

переодели в крестьянскую одежду, снабдили корзинами, которые носят крестьяне через плечо и к концу дня, когда крестьяне расходятся с базара, они двинулись в путь. Возглавлял «команду» Козлов. Он привел их в село, которое находилось в 18 км, от Немирова. Там они немного подкрепились и ранним утром двинулись к Бугу. По льду перешли на противоположный берег. Козлов детально объяснил им дальнейший маршрут и распрощался с ними. Дальше они пошли одни. Они уже знали, что родители с мальчиками находятся в Могилев-Подольске, но туда идти далеко, но так, как их путь пролегал через местечко Джурин, то было решено разыскать там подругу Марии Фаню Шнайдер и попросить их приютить. Через двое суток они добрались до Джурина, разыскали в гетто семью Шнайдеров: Фаню, Йосифа, дочь Маню, сыновей и остановились у них. Но кто-то донес, что они пришлые и их арестовали, избили и бросили в подвал. Утром, с помощью Шнайдеров, представителей еврейской общины гетто и выкупа, их освободили. Они в тесноте разместились в доме Шнайдеров.

Далее Шеля вспоминает:

-В этом гетто тоже было несладко. Люди умирали от голода и болезней. Каждый день хоронили десятки умерших. Но здесь не убивали. Жили впроголодь. Я ходила в поле, собирала свеклу, тетя варила ее. Отвар заменял нам чай, а саму свеклу ели вприкуску. Затем наладилась связь с родителями в Могилев-Подольске. Они сообщили, что при первой же возможности они постараются с нами соединиться. И действительно, в апреле 1943 года, при помощи Арема и Купершмидта, папа, мама и братики приехали в Джурин. Йосиф Шнайдер нанял нам времянку за пределами гетто, что тоже было нелегко, мы там поселились и продолжилась борьба за выживание. Мы не могли нарадоваться друг-другом. Нас интересовал вопрос, как им удалось спастись?

И отец рассказал нам, как это было.:

-Когда я Шелю привел в село близ станции Каролина,

то Маню и сыновей отвел в другое село. Это было село Рубань в 12 км от Немирова и 18 км от Каролины. Там жил мой друг врач Михаил Оссовский, который согласился их спрятать. Так как я работал на станции грузчиком, то мог свободно передвигаться. Это мне помогло привести и спрятать Маню с детьми у Оссовского. Их разместили на чердаке сарая. Их надо было прятать не только от немцев, но и от соседей. Два раза в день им приносили еду и воду, а поздно вечером выводили во двор. В этом укрытии они пробыли три месяца. Труднее всего было уговорить, упросить малышей не плакать, не шуметь, не разговаривать, чтобы никто не догадался, что кто-то прячется на чердаке.

Когда 26 июня немцы начали второе массовое убийство в Немирове, то все, кто работал на станции Каролина, разбежались, ища спасение у друзей и знакомых. Так Григорий попал в село Рубань к Оссовскому на тот же чердак. Там они скрывались июль и август. Но в сентябре им пришлось расстаться. Они решили идти в село Даньковку в 30 км от Рубани. Шли только ночью, а днем прятались в лесу. Их приютила одна семья, что было очень опасно и для спасителей. Деваться было некуда! И они решили сдаться в Печерский лагерь. Этот лагерь не зря называют «Мертвая петля». Ужас творился там в этом аду. Узники лагеря работали в каменоломне, на строительстве дороги. Ежедневно от непосильного труда, голода и болезней умирали десятки человек. Там свирепствовал брюшной и сыпной тиф, чесотка и другие гадости. Трупы умерших, как бревна, кидали на подводы, сани, затем людей запрягали, вместо лошадей, и вывозили за пределы лагеря. Такому лагерю дал характеристику поэт Евгений Евтушенко:

...наш концлагерь птицы облетали,  
стороною облака плывут.

Крысы в нем и то не обитают, ну, а люди пробуют – живут. (Е. Евтушенко. *Братская ГЭС.*)

В Печере они пробыли около месяца при помощи дру-

зей, которым удавалось как-то их подкармливать. Затем эти же друзья узнали, что на противоположном берегу Южного Буга, в румынской зоне оккупации, в местечках Бершадь, Джурин, Шаргород, Могилев – Подольск евреев не убивают. С помощью друзей и, уже выше упомянутого, Ефрема Козлова, их на лодке перевозят на противоположный берег и они пошли в Могилев – Подольск. От Печоры до Могилев – Подольска 80 км. Ночи стояли холодные, поэтому старались идти днем. Выбирали лесные тропы, а когда выходили на людные места, четырехлетнего Абрашу садили в мешок с дырками и отец нес его на плечах. Так все четверо передвигались около недели и попали в гетто Могилев – Подольска. Там их приютили.

В ноябре 1942 года они узнали, что все члены семьи живы. А было все так. В Немирове с семьей Розенгафтов познакомился Михаил Купершмидт. Он работал шофером у немецкого полковника Вили Арема. На грузовой машине он вывозил узников на работу. Вили Арем в ноябре 1942 года спас от расстрела Дору Зальцман и семью Менчеров: Йозефа, Регину и маленького Ежи, укрыв их в кузове брезентом, он их вывез в Джурин. А семью Купершмидтов вывез в Могилев – Подольск. Арем и Купершмидт часто наведывались в Джурин и в Могилев – Подольск (более детально об их миссии было сказано в очерке «Список Арема»). Однажды в Могилев – Подольске они увидели Маню Розенгафт и поехали за ней. Она перепугалась, и тогда Миша вышел из машины и стал ее на идиш успокаивать. Они поехали к Григорию, и Миша им рассказал, что все члены семьи живы и находятся в лагере Печора. Вскоре Миша предупредил Шелю и всех остальных, что с ними свяжутся и постараются спасти.

К большому счастью это удалось, и большая семья воссоединилась в Джурине, в апреле 1943 года. Там они дождались радостного дня освобождения – 19 марта 1944 года.

Ни дня не хотела ждать Соня, и стала добираться в Калиновку, где пряталась ее дочь Шелечка. Ей пришлось про-

жить там неделю, пока Шелечка привыкала к родной матери. Она еще долго вспоминала и маму Веру, и братика Вову, и сестричку Валю.

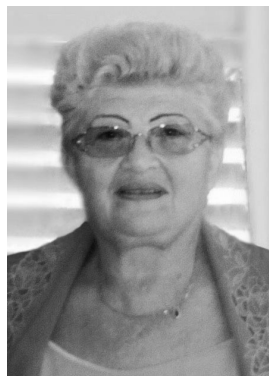
Да, потери были в каждой семье. Эта семья потеряла бабушек: Хону и Фейгу, дедушку Давида, Абрама Дашевского – светлая им память. Но большое счастье – остались в живых дети, родители. И в этом большая заслуга всех, кто помогал им выжить: друзья семьи украинцы, немецкий полковник Вили Арем - «Праведник Мира», еврей Миша Купершмидт. По ходатайствам спасенных были присвоены звания «Праведник мира»: Ассону и Авдотье Радионовым и их дочери Фекле, Вере Илларионовне Туник. Поклонимся этим людям - светлая им память!

Как же сложилась дальнейшая судьба моих героев. Григорий Абрамович Розенгафт после освобождения был призван в армию, успел повоевать и после ранения был комиссован.

Мария Шаевна Розенгафт работала и воспитывала детей. Соня Дашевская серьезно заболела и после операции в мае 1945 года умерла.

Дора Гуральник стала работать в Немирове.

Александра (Шеля) Григорьевна Розенгафт – Мостовая вышла замуж, закончила физико – математический факультет Винницкого педагогического института и стала работать в школе. Ее старшая дочь Наташа – учительница английского языка; сын Юрий – врач, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой Винницкого медицинского института, дочь Яночка – врач. Дети подарили Александре Григорьевне пятерых внуков и двух правнуков.



Александра (Шелечка)  
Абрамовна Смолкина  
(Дашевская)

Яков Розенгафт был призван в ар-

мию и в мирное время погиб в 1954 году.

Абрам Григорьевич Розенгафт – кандидат технических наук. У него много разработок и научных работ в области разведки нефти и газа.

Шелечка Дашевская стала Александрой Абрамовной Смолкиной. Закончила физико – математический факультет Винницкого педагогического института. Работала директором гимназии. Вырастила двух дочерей, которые стали врачами. Живет в Ашкелоне. Недавно возглавила амуту бывших малолетних узников города Ашкелона. Амута как бы получила второе дыхание, ожила. Пользуется заслуженным авторитетом.

Вот на что замахнулся бесноватый фюрер и его клика – но не вышло! Они выжили вопреки этим гнусным планам и продолжили еврейский род



## Женщина-легенда Раиса Городинская

Когда я познакомился с этой женщиной: невысокого роста, худенькой, миловидной, не мог себе представить какая сила духа, какое упорство, какую мудрость таит в себе этот человек, какие трудности и мытарства пришлось ей преодолеть не только, чтобы выжить, но и чтобы достойно построить свою жизнь, чтобы передавать, вливать в близких и окружающих ту неисчерпаемую энергию. А ведь ей 85 лет (до 120). И порой задумываешься, откуда берется у нее эта энергия, какой источник всю жизнь подпитывает ее. Какие у нее корни? Кто заложил в ней это жизнелюбие, человеколюбие?



Раиса

Она родилась в местечке Деречин, бывшего Слонимского района, Новогрудского воеводства. До 1939 года местечко принадлежало Польше с государственным польским языком. Польские власти относились толерантно к нацменьшинствам. Это позволяло сохранять национальные традиции и обычаи. Существовали польские и еврейские школы. До 1939 года в Деречине была большая еврейская община. Руководство общины контролировало работу еврейской школы, детских садиков, за исполнением еврейских традиций наблюдал раввин Бакальчук (кстати, это был последний раввин местечка).

В местечке было два клуба: «Бейтар» – правые, «Халуцим» – левые, была библиотека. Обучение в польской школе было бесплатное, а обучение в гимназии и еврейской школе необходимо было оплачивать. Большинство предприятий были частными: электростанция, мельницы, кожевенная фабрика, пекарни, рестораны, магазины и т.д. Дети, которые

учились в польской школе были светскими и отличались от детей, которые учились в еврейской школе. Однако, язык, на котором они общались дома – был идиш. Молодежь общалась между собой на польском языке, т. е. они владели двумя языками. Так жили рядом два народа общаясь, торгуя, отдыхая без ненависти, дружелюбно.

В такой атмосфере родилась и росла девочка Рая (Реша) 13 октября 1925 года. Это была не бедная семья. Отец Бешкин Абрам, по профессии скорняк, имел небольшую фабрику по обработке шкур телят. Из них выделялась кожа «хром» для обуви, плащей и курток. Мать Лея- Малка была домохозяйкой, но не сидела без дела. Она занималась шитьем нижнего белья из льняного полотна. На него был спрос, а для семьи – пополнение семейного бюджета.

Отец был выходцем из религиозной семьи. Дедушка Бешкин Цви был кантором в синагоге, кроме того имел право на кошерный убой скота и птицы, на обрезание младенцев, пользовался в Деречине большим уважением и авторитетом. Родители мамы были предпринимателями. У них был магазин скобяных изделий. Все они были уважаемыми жителями Деречина, соблюдали еврейские традиции, ходили по субботам и праздникам в синагогу, но к ортодоксальным евреям не принадлежали.

И вот эта налаженная жизнь рухнула со смертью премьера Юзефа Пилсудского. К власти пришли фашистски настроенное руководство. Стали проводить политику направленную на унижение и ущемление евреев. Студентам высших учебных заведений было запрещено общаться с евреями, даже в учебных аудиториях им необходимо было сидеть отдельно от поляков. Ранее поступившим студентам разрешили закончить курс, но вновь поступить евреям было очень сложно. Евреи не имели права торговать в своих лавках под своими именами.

Напряжение в мире нарастало. Немцы начали свою



агрессивную политику захватов. Западные державы Англия, Франция, Америка не смогли договориться и тогда СССР заключает с Германией Договор о ненападении. Таким образом был оговорен раздел Польши.

Жители Западной Белоруссии очень тепло, с радостью встречали Красную Армию. «С приходом Советской власти открылись большие возможности и перемены в нашей жизни» – вспоминает Рая Бешкина. Образование стало бесплатным, как и медицинское обслуживание. Вместо польской школы стала белорусская и Рая пошла учиться в 8 класс. Нужно было освоить русский и белорусский языки, а также один из иностранных (в частности – немецкий). Но молодость, горячее желание учиться позволило за короткое время пройти эти препятствия. Математику, географию, историю преподавали педагоги из России. Между тем, были закрыты все синагоги. В помещениях синагог устроили казармы для местного гарнизона. Церкви и костелы продолжали функционировать

Был открыт клуб, в нем для детей организовали кружки: физкультурный, танцевальный, искусствоведения. Была организована художественная самодеятельность, школьные хоры и наша героиня принимала в их работе активное участие. Было хорошее настроение, царил всеобщий подъем.

Правда, были трудности в снабжении продовольственными и промышленными товарами. Частные лавки закрылись. Бывшие владельцы остались на своих предприятиях, но уже в роли наемных рабочих. Произошли изменения и в государственном устройстве. Был избран Сельский Совет, который руководил жизнью местечка. Что касается еврейских традиций, то стало намного хуже. Мацу пекли тайно, старались соблюдать субботу. В Деречине репрессировали несколько семей богатого сословия и бывших полицейских.

Но международное положение ухудшалось с каждым днем. Появились беженцы, которые убегали от фашистского террора. Их принимали с пониманием и сочувствием. Но ни

кто не представлял себе, что нас всех ждет в будущем...

Это произошло 21 июня 1941 года. Весь этот налаженный быт, жизнь – был в миг разрушен! В местечке размещался военный гарнизон, все военнослужащие находились в летних лагерях, а их семьи жили в местечке. Уже в понедельник утром т.е. 23 июня немецкие самолеты бомбили расположение воинской части. А вскоре, появились немецкие мотоциклисты и стал высаживаться воздушный немецкий десант, который тут же присоединился к мотоциклистам. Они стали сгонять народ в сторону церкви, огороженный высоким забором. Откуда-то взялись добровольные помощники из крестьян. Всех людей из домов выгнали и загнали за забор.

Вспоминает Рая: «Наша семья оказалась внутри изгороди. Было очень страшно. Дети плакали, родители успокаивали их. Я была очень напугана. Немцы были в черных мундирах со свастикой на рукаве. Было приказано евреям занять левую сторону а остальным - правую. Некоторые евреи шагнули в правую сторону, но крестьяне их оттуда выталкивали. Мы поняли, что наша судьба уже была решена. Внезапно начался артиллерийский налет, снаряды рвались вокруг церкви, загорелся один дом, началась паника, все стали разбегаться, в том числе и немцы. Это нам и помогло. Наша семья держалась вместе и побежала в сторону хутора, где жили наши знакомые крестьяне». Позже выяснилось, что через Деречин прорывалась из окружения воинская часть. Бешкины вернулись домой их дом уцелел. 5 дней пробыла воинская часть в Деречине, а затем ушла на восток. К ним присоединилось много молодежи, семьи военнослужащих, советские служащие.

Регулярные части немцев вошли в Деречин 28 июня 1941 года. Начали устанавливать «новый порядок» Всех евреев загнали в гетто, для этого оградили улицу и переулок колючей проволокой. Для управления еврейской общиной был сформирован Юденрат из евреев. Скученность, грязь, голод, постоянное унижение и издевательства – делало свое «дело».

Пошли болезни и смерти. Все обязаны были носить шестиконечную звезду спереди и сзади. Каждое утро все трудоспособные должны были к 7 ч. являться в Юденрат для распределения на принудительные работы. Женщин отправляли убирать и мыть казармы, туалеты, мыть окна. Все это делалось под крики и свист нагаек карателей. В один из дней приехало в Деречин высокое начальство, вызвало в штаб руководство Юденрата и потребовали контрибуцию в виде золота и серебра, назвав определенное количество килограммов, а взамен увели 15 заложников.

В гетто поднялась паника: стали собирать золото и серебро по домам, в ход пошли серебряные подсвечники и посуда, обручальные кольца, сережки, цепочки, золотые карманные часы. Но никак не могли уложиться в установленные килограммы – заложников увезли и расстреляли. Жизнь превратилась в сплошной ад. Каждый день новые указы и распоряжения. Если ты получал пропуск на выход из гетто, то ты не имел право ходить по тротуару.

Рая вспоминает: «Мой отец продолжал работать на фабрике. Там еще оставалось много сырья. Немцы приказали обработать шкуры для них. По просьбе отца меня устроили на работу уборщицей. Я была освобождена от повинности, а значит и от многих унижений. Работать на фабрике было тяжело. Смерд от шкур, большой объем работы, постоянно мучила тошнота, но я знала, что другим приходится еще хуже».

Юденрат выделял на каждого работника по 250 гр. эрзац-хлеба. Еще одним из источников, помогавших выжить, были «товарные обмены». Вечерами к изгороди подходили крестьяне из близлежащих деревень и обменивали продукты на вещи. Это был большой риск. Можно было получить пулю в лоб за такой обмен.

Стали доходить слухи, что в Слониме и других городах проводились «акции» по уничтожению евреев. В Деречине пока таких «акций» не было. Но люди исчезали другими

путями. Постоянно отбирали девушек, женщин и увозили их в немецкий штаб – оттуда возврата не было, трудоспособных мужчин увозили в Слоним на работу – оттуда тоже не возвращались. Несколько мужчин решили организовать побег. Кто-то донес, их всех арестовали и по дороге расстреляли. В жандармерии служили полицаями польские парни, которые учились вместе с еврейскими детьми. Они старались каким-то образом облегчить жизнь евреям. На них тоже донесли и их тоже расстреляли. Один брат Раисы работал в мастерской по ремонту велосипедов. Эта мастерская находилась за пределами гетто. Туда приходило много бывших военных, которым удалось вырваться из плена. Эти люди не были евреями, они растворились в близлежащих деревнях, став наемными рабочими. Они подбирали оружие, ремонтировали его в мастерской, кроме того, там собирались и крестьяне, которые приходили ремонтировать сельхозинвентарь.

Полгода люди, под страхом смерти, живут под оккупацией. Каждый день появляются новые приказы и требования, расстреливают за мелочные придирки. Но немцам требовался и рабский бесплатный труд. С этой целью они отбирают специалистов из различных сфер хозяйствования, переселяют их за пределы гетто и заставляют работать, их считают «нужными евреями». В их число попадает семья Абрама Бешкина и работники кожевенной фабрики. Абраму удается вставить в списки и семью младшего брата Леи-Малки. Так оказались в одной комнате две семьи. Им немцы выдавали какие-то продукты, что стало возможным выживать. Правда, приходилось этими продуктами делиться с другими родственниками, которые находились в гетто.

Жили вне гетто относительно недолго, но чувство самосохранения не покидало их. С этой целью они оборудовали в погребе убежище (тайник), чтобы спастись в случае погрома. Раиса считает, что роковой день наступил 24 июля 1942 года. Утром все увидели, что гетто окружено полиция-

ми, вокруг забора установлены пулеметы, что означало начало акции по уничтожению евреев в гетто. Отец приказал всем спуститься в тайник. Люк закрыть вызвалась мать одного из рабочих. Она бала инвалид и спуститься в погреб не могла. И когда в дом ворвались полицаи и спросили куда девались люди, она им ответила, что всех увели, а она спряталась и осталась. Ее вывели во двор и расстреляли. Ночью все вылезли из погреба и направились на фабрику. Рабочие заняли свои места, а семьи спрятались на чердаке. До 12 часов дня никто не приходил. Сидящим на чердаке слышны были звуки, доносившиеся из гетто: крики людей, выстрелы, ругань полицейских. Из укрытий в гетто вытаскивали людей, грузили на машины и увозили на расстрел. А затем на фабрику пришли немцы, под предлогом спасения рабочих, всех повели в сторону кладбища и расстреляли. Там была уже готова яма, куда всех сбросили. Так погиб Абрам Бешкин – отец нашей героини. Все женщины и дети затаились на чердаке. Но не тут-то было. Сторож фабрики выдал полицаям прячущихся евреев. Полицаи с собаками стали выгонять всех к выходу. Собралось много народу и получилась некая суматоха. Рая воспользовалась этим замешательством, рванула с нечеловеческой силой крышку люка – это был вход на фабрику. Она отчетливо слышала лай собак, плач детей, крики людей, стрельбу. Некоторых прикончили на месте, особенно тех, кто пытался бежать. Так был убит ее брат Израиль.

Наступила ночь. Нужно было решать, что делать, куда пойти. Очень не хотелось умирать! Появилось чувство мести. Рая вспоминает: «Решила, буду мстить за своих родителей, братьев, родственников. А значит я должна выжить!» И она пошла в ночь. Рядом был туалет и когда она открыла дверь, то там обнаружила соседа Нахима, который спрятался и уцелел во время облавы. Это придало новые силы и они решили добраться до хутора, где жили знакомые крестьяне. По дороге Нахим рассказал ей некоторые подробности расправы – как

убивали, добивали людей. Ему это было видно из его убежища.

На хуторе хозяйка узнала их. Но под страхом смерти в дом их не пустила. Снабдила хлебом и салом и велела идти в сторону деревни Острово. Они пошли в указанном направлении. По дороге лежали трупы еще не погребенных людей. Нужно было спешить, чтобы успеть до рассвета скрыться в лесу. Вскоре им удалось найти укрытие, чтобы отдохнуть. Уставшие, каждый думал о своем и понимал, что они остались одни. Скоро сон сморил их. Проснувшись, Рая определила, что осталась одна. Нахим, бывший компаньон отца, посчитал, наверное, что она будет ему обузой – ушел, не разбудив ее. Сначала ее обуял ужас, но она не растерялась и как-то моментально повзрослела. Дождавшись темноты, она пошла дальше. Еда была при ней, но одолевала жажда. Ее спасал носовой платок, она его мочила в болотной воде а затем выжимала в рот и утоляла жажду. Так она передвигалась по ночам, а днем пряталась в лесу, как затравленный зверек. От голода, усталости, от мыслей о безысходности она дрогнула и принимает решение – выйти из леса на трассу. Было темно, но вдали светились огоньки – значит поблизости живут люди. И вдруг окрик: «Стойте! Кто идет?» Когда она подошла ближе, она увидела полицаю, но ей уже было все равно, а полицай, увидев этот «субъект» опустил винтовку. Расспросив ее обо всем он повел ее в деревню, в дом. Там было несколько вооруженных мужчин. Они очень тепло отнеслись к Рае, накормили. Это была та деревня Острово, куда она направлялась. А мужчина, который ее встретил, был командир одной из партизанских групп Павел Иванович Булак – в будущем Герой партизанского отряда «Победа». Так Рая попадает в одну из вооруженных групп. В дальнейшем эти группы объединили и создали партизанское соединение Щучинского межрайцентра под командованием Шупеня С. П. – первого секретаря райкома компартии Белоруссии.

Командование отобрало взрослых трудоспособных мужчин и несколько женщин. Раису по возрасту и по «внешним габаритам», конечно же, не взяли. Но заступничество знакомых и родственников, которых она встретила в отряде – помогло. Командование удовлетворило ее просьбу. Остальных женщин определили на хозяйственные работы.

Вскоре было принято решение – создать в тылу врага настоящую боевую единицу с воинской дисциплиной, со всеми структурами, как в регулярных частях. Так наша героиня попадает в боевую роту под командованием кадрового офицера, вырвавшегося из окружения – Коноплева Николая. Партизаны приступили к боевой учебе. Изучали материальную часть и устройство винтовки, автомата, карабина, правилам ведения боя и маскировки.

Вспоминает Раиса: «Желание отомстить врагу за кровь близких было так велико, что я с рвением взялась за учебу. И, вскоре, после длительных тренировок, овладела всеми видами стрелкового оружия. После успешных экзаменационных стрельб нам вручили оружие. Я получила карабин. Кстати, карабинами вооружали только кавалеристов и артиллеристов». С вооружением в отряде были проблемы. Оружие добывалось в бою, часть поступало от местного населения. Позднее, когда была налажена связь со штабом партизанского движения, оружие, боеприпасы, продовольствие стали сбрасывать на примитивный аэродром.

Необходимо заметить, что партизанское движение в Белоруссии быстро объединилось и наносило врагу большие потери. 24 июня 1943 года ЦК КП(б)Б принял постановление «О разрушении железнодорожных коммуникаций противника». И началась активная подготовка к операции «Рельсовая война». Белорусский штаб партизанского движения направил в отряды опытных инструкторов – минеров. К операции накапливали взрывчатку.

В 1943 году партизаны Западных областей Белоруссии

организовали блокады гитлеровских гарнизонов, стремясь парализовать их действия. Так 11 июля 1943 года, получив сведения о движении противника из местечка Деречин в Рузу – Яворскую комиссар отряда «Победа» Г.Г. Ивлев организовал засаду на пути их следования и уничтожили 22 фашиста. Зная, что противник к месту боя вышлет подкрепление, комиссар усилил засаду. Действительно, через некоторое время к месту боя направилось подкрепление: две машины солдат, полиции, две танкетки. Подпустив противника на близкое расстояние, партизаны обрушили на них прицельный огонь. В результате двух засад было убито и ранено 52 фашиста, в плен попали 8 немцев, уничтожено две машины и танкетка.

К августу подготовка к «рельсовой войне, условно названной «Концерт» была закончена. Суть этой операции была в том, что в 2 часа ночи с 10 на 11 августа будет произведен подрыв всех железнодорожных путей по всей Белоруссии. Принимать участие в этой операции считалось большой честью. Отряд разделили на группы, определили участки для каждой группы и провели ряд тренировок. В одну из групп вошла и Раиса Бешкина. Сигналом начала операции была зеленая ракета.

Операция «Концерт» прошла удачно и группа, радостная, что выполнила задание собралась в месте сбора.

Вспоминает командир отряда С. П. Шупеня:

- Выполнив задание к вечеру вброд мы перешли реку Зельвянку, объявили привал. Бойцы расположились на мокрой траве, поужинали. Особую заботу проявляли партизаны о черноглазой Реше Бешкиной, единственной девушке в группе. Перед уходом на это задание партизаны читали о ней статью в газете «Красное Знамя». Реша с двумя подругами отличилась в бою у Слижей Подгребельных. Они были в первых рядах атакующей партизанской цепи. А потом Бешкина еще не раз ходила в разведку.

Операция «Концерт» удалась на славу. Железнодорож-



ное движение по всей Белоруссии было выведено из строя на трое суток.

Следует отметить, что в Белоруссии были партизанские районы, куда немцы боялись приближаться. В этих районах функционировала советская власть со всеми ее структурами.

А «рельсовая война» продолжалась. В ночь с 15 на 16 октября на железных дорогах Белоруссии партизаны взорвали 1103 рельсовых путей, организовали 65 крушений поездов и 38 нападений на поезда. Аналогичные операции провели и 2 ноября. На большие сроки останавливалось движение. С этим никак не могли смириться немцы и бросили на борьбу с партизанами большое количество живой силы и техники. Задача была зажать партизан в лесах. Заблокировать все возможные выходы. Остро встал вопрос у партизан о прорыве блокады.

3 июня 1944 года более 15 тыс. карателей с танками, артиллерией и броневиками, при поддержке авиации повели наступление на Липичанскую пуцу. Партизаны были готовы отразить атаки противника. Каждая бригада, каждый отряд знал свою задачу, действовал в соответствии с разработанным планом и создавшейся обстановки.

Вскоре было принято решение сняться с занимаемых рубежей и двинуться на прорыв блокады. Противник продолжал наступать. По дороге непрерывно передвигались немецкие танки и бронемшины. Гитлеровцы держали в резерве батальоны, готовые в любую минуту передислоцироваться туда, где партизаны пойдут на прорыв. Местом прорыва был избран трехкилометровый участок Виленского тракта. В образовавшуюся брешь должны были войти отряд бригады «Победа» со всеми приданными ему хозяйственными подразделениями и семейным лагерем. Другой отряд «Непобедимый» должен был задержать фашистов во время преследования и дать возможность партизанам уйти, как можно дальше. В ночь на 11 июня огромная колонна – около 2 тысяч человек

с повозками, на которых тяжелораненые и больные растянулась на несколько километров по лесной дороге. Заранее были приготовлены четыре гати через речку Хитра, чтобы преодолеть ее быстро, беспрепятственно. Многие раненые взяли в руки оружие, чтобы сражаться с врагом, пока есть какие-то силы. В рядах прорывающихся была и Рая Бешкина. Когда она увидела, что упал командир роты Иван Жеребцов, она бросилась к нему, чтоб оказать помощь. Но ее помощь уже не понадобилась – вражеская пуля сразила командира наповал. В этом бою удалось прорваться через шоссе, но из кольца еще не выбрались. По следам партизан шел отряд карателей, над стоянками бригад кружили самолеты – разведчики. В ночь на 19 июня 1944 года партизаны вышли на исходные позиции для последней атаки. Завязался тяжелый бой. Фашисты залегли, замешкались, это и позволило вырваться из кольца. Пока партизаны прорывались из блокады, Красная Армия перешла в решительное наступление и стали освобождать города и села Белоруссии. Во время одной из атак наша героиня была ранена и не могла передвигаться. К ней приставили двух партизан для сопровождения ее в лазарет (кстати, это были бывшие полицаи, которые пришли в отряд и по рекомендации партизан, знавших их, они были приняты в отряд). Однако, при первой возможности они бросили ее. Она одна осталась в лесу, в болотистой местности, лишенная возможности самостоятельно передвигаться. Правда, ее спасла болотистая местность потому, что немцы после боя ходили с собаками и добивали раненых. В болотистую местность они не сунулись. Так продолжалось до следующей ночи. Она слышала лай собак, мычание коров и поняла что недалеко деревня. Сорвав с себя кофту и перевязав рану она решает ползти в сторону деревни ибо оставаться в лесу и дальше означало неминуемую смерть. И она поползла в неизвестность. Постучала в первую дверь. Женщина, которая ей открыла дверь, все поняла, она позвала мужа. Они раздели ее, обмыли, накормили, перевязали рану

и после этого ее обо всем расспросили. Ее спрятали в картофельную яму, приносили еду и воду. Сутки она прожила в этом убежище. Ей объяснили, что оставаться здесь опасно, в связи с частыми облавами. Ей необходимо добраться до близлежащей деревни на краю деревни находится дом старосты, который имеет связь с партизанами. Ночью хозяин и его сосед вытащили ее из ямы, отнесли и оставили недалеко от дома. Дальше она должна ползком добираться сама. Она постучалась в дверь, ей открыли и все стало понятно. Ее перенесли на чердак. У старосты было две дочери, которые поддерживали связь с партизанами. Она прожила в этом гостеприимном доме несколько дней и считала, что это было как в раю: чистая постель, хорошее питание, радушное отношение хозяев. Вскоре пришли партизаны и на лошади увезли ее в отряд. Какая радостная была встреча, когда командир отряда Оношко узнал свою старую знакомую. В отряде она прожила около 10 суток. Тут она узнала о судьбе ее отряда, очень многие погибли, все считали ее погибшей, к ним присоединились остатки ее отряда. Тут же и произошла встреча с частями Красной Армии. Ее и других раненых отправили во фронтовой госпиталь. Побыв несколько дней в госпитале, она хромяя (одна нога в сапоге, а другая обвязана портянкой) покинула госпиталь, не дождавшись выписки и стала добираться домой в Деречин.

В Деречине уже была размещена воинская часть. Местечко невозможно было узнать. Все еврейские дома были сожжены. Она встретила свою подругу, которая воевала в другом отряде. Они поселились на квартире у знакомых крестьян, нашли некоторые свои вещи и стали жить. Нужно было все начинать сначала. Но как? Задаёт себе вопрос 19-летняя девушка. И не находит однозначного, быстрого ответа. На ее глазах, находясь в гетто, а затем в партизанском отряде погибло столько людей, детей. Первоначально казалось, что перенести такое горе невозможно. В 16 лет она потеряла родителей, братьев, своих родственников и осталась одна. Сколько слез

пролито, сколько страданий досталось на одну детскую жизнь

Рая вспоминает: «У меня на сердце и сегодня лежит этот тяжелый камень, и, наверное, я буду носить его до конца своих дней. Расстреляны:

Отец – Бешкин Абрам,

Мать – Лея-Малка,

Брат – Израиль,

Брат - Шлема,

Отец мужа – Городинский Шлема,

Мать – Нехама,

Брат – Лазарь,

Сестра – Рахиль.

Вечная память вам, дорогие и близкие. Ваша память увековечена в Мемориальном Музее “Яд Ва-Шем”.

Рая считает за счастье то, что ее окружали хорошие люди, с добрым сердцем, поддерживали ее теплом и лаской В тяжелые времена и она выжила.

Постепенно жизнь стала налаживаться, немного оделась, нашлась работа, учеба и все связанное с этим круговоротом жизни.

В 1947 году она встретила свою судьбу – офицера Советской Армии Арона Городинского. Знакомство было недолгим и вот Рая – офицерская жена. Началась новая жизнь офицерской жены: переезды по гарнизонам, жилищные проблемы и т. д. Все тяготы и лишения военнослужащих автоматически переносятся и на жен.

Первый пункт – порт Дальний, что находится в Китае. Там в поселке Концессия располагалась воинская часть, в которой служил капитан Городинский. Проблемы с жильем, со снабжением не было. И молодая жена быстро нашла контакт с остальными женщинами и организовали художественную самодеятельность. Было также приятно общаться с китайским населением, чувствовать их дружелюбие. Тут и дождались

молодожены своего первенца - Семена. Раиса устроилась на содовый завод (совместное советско-китайское предприятие) – бухгалтером. При заводе были ясли, детсад. У них была хорошая квартира: жить бы да жить. Но жизнь диктует свои правила. Приказ и Арона направляют на Высшие артиллерийские курсы в г. Ворошилов – Уссурийский. Семью оставлять в Китае не разрешают. И снова дорога! Разместились в поселке «Сахарный завод». Конечно, условия уже не те.

Через 10 месяцев Арон заканчивает курсы, получает благодарность Министра Обороны, ему присваивают звание «Майор» и снова в путь.

Спустя полгода Арона направляют в Себучар, но вместо повышения его назначают командиром батальонной батареи. Это был 1952 год - не лучшие времена для еврейского народа. Себучар – небольшая станция на пути Москва – Хабаровск – Владивосток. Несколько домиков, сельпо. Военный гарнизон дислоцировался в 5 км. от станции. В четырех казармах типа барачков располагалась столовая, клуб. Там же находилось 5 двухэтажных зданий для офицерского состава. Для каждого трех квартир была одна кухня. Арон принимает решение поступать в Академию. Но в беседе с командиром полка, открытым текстом было сказано: «Городинский не трудись напрасно, в Академию тебя все равно не примут, не теряй времени зря». Началась компания «Дело врачей», а затем Сталин умер. Но ядовитые семена, посеянные им, стали давать всходы. Арона посылают в командировку заготавливать лесоматериал. И этот этап был достойно пройден.

В 1955 году у них родилась дочь Лена. Наступает Хрущевская оттепель. Началось энергичное сокращение Вооруженных Сил. Арону предложили перевод на Чукотку командиром батареи и он решил демобилизоваться, возвратиться в Гомель.

Коммунист, майор, фронтовик был принят в райкоме партии без особого энтузиазма. После многих неподходя-

щих предложений, он принимает решение пойти работать на «Гомсельмаш» учеником слесаря – модельщика. Конечно, настроение его было ужасное. И тут свою энергию, поддержку, умение человека достигать цель, бороться с депрессией проявила Рая. Она понимала и чувствовала, что ему необходимо преодолеть морально этот переходной период. Без специальности, без жилья, на руках семья. В таком положении оказалось много офицеров. Не все смогли перестроиться: спивались, кончали с собой. Это очень серьезное испытание в жизни. Арон успешно прошел этот этап. Рая сумела убедить его, что необходимо получить образование. Он идет в вечернюю школу, заканчивает 10 классов и поступает в Московский машиностроительный институт на заочное отделение. В это же время они начали строить свой дом, материальное положение улучшалось с каждым днем. Большая загрузка на работе, строительство дома заставляет его перейти на учебу в Гомельский машиностроительный техникум и успешно его закончить. Его организаторские способности, приобретенные в армии, помогают ему по продвижению по службе. Он становится заместителем начальника цеха по производству, а затем и начальником инструментального цеха (в цеху работало 700 человек).

Раиса не сидит без дела, сначала устроилась на работу в Управление мелиорации в проектный отдел, а затем перешла работать на завод «Центролит», где проработала 20 лет, начиная с должности кассира, а потом финансистом. Закончила институт Народного хозяйства и стала начальником финансового отдела завода. Постоянно учит детей ставить перед собой задачи и достигать цели. Сын, отслужив в армии, заканчивает торговый техникум, дочь после школы поступает и заканчивает Гомельский политехнический институт. Арон гордится своими трудовыми успехами. Его награждают Орденом Трудового Красного Знамени. А Рая старается не отставать от мужа, ее награждают медалью «За Трудовое Отличие».

После выхода на пенсию, обстановка в стране, авария на Чернобыльской АЭС толкало на решение о переезде в Израиль. И они решаются на переезд.

17 июля 1992 года они прибыли в Израиль. Настал новый этап жизненного пути. Опять начинать с нуля. Она объясняет свой переезд, что каждый человек имеет право жить там, где считает нужным, что выполнила желание, завещание, безвременно ушедших родителей, мечтавших жить в Иерусалиме.



Арон и Раиса - Бриллиантовая свадьба

Раиса вспоминает: «Мы уехали из страны, в которой родились, которой отдали всю сознательную жизнь. Мои самые цветущие годы прошли в муках гетто, затем пришлось защищать Родину с оружием в руках в партизанском отряде, за что награждена (Орденом Отечественной Войны – 1 степени, Партизану отечественной войны – 1 степени). После войны принимала активное участие в восстановлении разрушенного войной хозяйства. Работала, а по вечерам училась. 32 года рабочего стажа, честного труда были отданы на благо Родины. Муж мой, бывший офицер Советской Армии, ветеран войны и труда. Имеет 31 год трудового стажа. Награжден орденом и медалями. И чем нас Родина отблагодарила – лишила нас пенсионного пособия. Очень тяжело все это вспоминать. Но все это позади!

Мы в Израиле! Нам, старикам, назначено пожизненное социальное пособие, помощь в оплате съемного жилья. Но останавливаться нельзя нужно приложить максимум усилий и трудов, чтобы вписаться в эту новую для нас жизнь. И будет

вечный бой! Покой нам только снится!»

И они нашли себя в Израиле. Вся эта большая семья: родители, двое детей, один внук и две внучки, четыре правнука дружно живут и радуются жизни. Она воодушевляет всех: мужа, детей, внуков, является как бы генератором энергии этой большой, дружной семьи.

Раиса, на глазах которой, погибли ее родные, поклялась отомстить врагам. Она вспоминает, что до сих пор носит на сердце тяжелый камень больших потерь. Успокойтесь, дорогая Раиса. Вы отплатили всем врагам: и в партизанском отряде, уничтожая фашистов, и всей Вашей жизнью. От Вас, от этого маленького, слабенького росточка, выросло мощное, большое дерево, вопреки челоноконенавистническому плану Гитлера, который хотел уничтожить всех евреев. Он даже планировал в Праге создать музей исчезнувшего народа. Немцы стали свозить туда со всех оккупированных территорий все то, что было сделано еврейскими руками: произведения искусства, предметы быта, товары сделанные еврейскими ремесленниками.

Ну что ж??? МУЗЕЙ ЕСТЬ! А исчезли те, кто задумал это «черное дело». Необходимо заметить, что у бесноватого фюрера оказалось много последователей. Что стоит один только Герой Советского Союза Насер, который тоже грозился продолжить дело фюрера. Где Насер?.. Но жаль, что не все политики, дорвавшиеся к власти, умеют изучать, анализировать уроки истории и продолжают угрожать еврейскому народу.

Мне вас жалко господа! Ибо народ, который прошел через самые жестокие испытания, народ, который рождает таких дочерей, как Раиса, победить и уничтожить невозможно!

В 2010 году в Тель-Авиве вышла книга Зиновия Кнеля «Судьба Дубосека». Автор, 15 летний подросток, чудом выжил в известной Любани, затем партизан, затем действующая армия, взятие Варшавы, Берлина, рассказывает о себе и



о других. У него оказались 23 почтовых открыток переписки его дяди, жившего в Палестине, с его матерью в Белоруссии. В них он описывает жизнь евреев в Палестине до 13.06. 1941 года (это дата последней открытки). Открытки написаны на идиш. И тут проявилась еще одна грань нашей героини. Она перевела их на русский язык, за что получила благодарность автора. Раиса очень активный человек. Живо интересуется современной жизнью, страстная кроссвордистка. Все это позволяет поддерживать высокий тонус. Какая глубина в мыслях, какая ясность и легкость, какая память.

«Прошли годы. Несколько раз я садилась, чтобы написать, что я видела, что я помнила, – вспоминает Раиса. – Но рука не хотела писать. Снова тяжелые воспоминания, снова слезы. Но затем я подумала, а кто расскажет моим детям, внукам, окружающим об этих событиях? И поняла, что я обязана изложить все это! Так появилась моя повесть «Молодость моя... Белоруссия», которая была издана в Тель-Авиве, в 2008 году.

Ей под статью Арон. В 2007 году «молодожены» отметили «Бриллиантовую свадьбу».

Это уже не два человека. Это, как две ветви одного дерева, сплелись в один мощный ствол. Полное взаимопонимание и согласованность действий. Живите долго-долго и радуйте всех окружающих!



## Джуринский мудрец

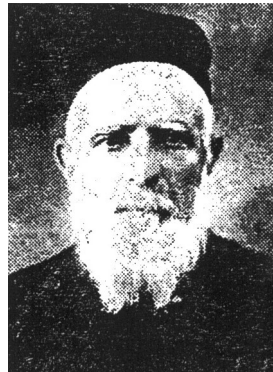
Светлой памяти необыкновенного Человека, гуманиста, философа посвящается

Исторические следы второй половины 17 века и начала 18 века позволяют судить о возрождении еврейской общины в Украине, которая создавала собственную среду обитания – местечко (штетл).

К середине 18 века Подолия превратилась в край еврейских штетл, в каждом была организована община со своими законами, традициями, регулировавшими повседневную общинную жизнь. Находясь в постоянном деловом контакте с окружающим христианском окружении, евреи штетл оставались в лоне традиционной еврейской культуры, храня приверженность ее ценностям и традициям.

Еврейское местечко! На этой маленькой территории, в черте оседлости, проживала основная масса еврейского населения. Это позволяло сохранять быт, культуру, традиции и передавать все это молодому поколению. К сожалению, местечки исчезают...

Мое местечко Джурин Винницкой области, которое находится на трассе Москва- Кишинев, в 50 км от города Могилев-Подольска. Как географический объект оно есть, а как еврейское местечко оно не существует ( там осталось 5 евреев). В 2009 году я посетил родные места. Еврейских домов почти нет – одни огороды. И тем не менее, мне это местечко дорого, каждый камень – родной. Да и как может быть иначе: ведь в Джурине прошли мое детство, школьные годы, юность. Здесь я родился, здесь жили мои родные и память об этом хранит наш семейный погост. Все напоминает



Цви Гершл Каральник

о прошлом штетла, канувшем в Лету: о хорошем и горьком, радостном и печальном, и когда я слышу что-то связанное с этим местечком или бываю там, меня пронизывает внутренний трепет. И чем больше времени проходит, тем острее это чувство и четче воспоминания. Удивительно, но память, как говорят ученые психологи, весьма избирательна: прочнее и острее удерживает события и имена 70 –ти летней давности и меньше недавние.

Местечки были местом хранения обычаев и ритуалов. Каждое из них имело персональную кличку (прозвище). Вот некоторые близлежащие к Джури́ну:

*Чернивецкие йолды (бездельники),  
Могилевские фресерс (обжоры  
Мурафские шлеперс (побирушки)  
Шаргородские гонувн (воры),  
Джури́нские мишигум (дураки).*

Когда мы куда-то приезжали и нас спрашивали: «Фын воньт зайтер?» (откуда вы?) то мы, усматривая некую издевку, отвечали: «Вы сами дураки!» Не отсюда ли появилась «Баллада о двух солнцах» Леонида Докса, где автор с юмором пишет, что джури́нские евреи утверждают будто бы наблюдают ежедневно два Солнца. В самом местечке, в свою очередь, большинство имели свои прозвища. Порой это было связано с профессией, образом жизни или какими-нибудь физическим недостатком:

Рейзл-аристократка (одевалась модно), Мейлех-чемодан (маленький толстый человечек), Янкль дер блиндер (на одном глазу у него был кожаный кружок), Мотл-кавалерист, Хаим-невский, Рухл-козак, Абрам-негр и т.д.

Среди моих земляков нет выдающихся ученых, героев. Но тем не менее, я хочу рассказать о человеке особом, выдающемся и достойном, жившим среди нас и скрашивавший

нашу жизнь, оставивший яркий след и до сих пор живущий в нашей памяти. Это Цви Гершл Каральник. Он выполнял обязанности и раввина и шойхета (резника), а в отдельных случаях и моэля. Это был грамотный, интеллигентный человек с современным взглядом, которого все интересовало: и международная жизнь, и жизнь граждан местечка, запросы молодежи. О нем осталось много воспоминаний людей, которые с ним общались и знали его.

В своей книге «Прощание с местечком» напечатанной в издательстве «Парус» в 1997 году Илья Рудяк вспоминает. Мне шел десятый год. Я уже прочел все книги, что находились у нас дома... Я слышал от многих, что у шойхета Каральника на чердаке свалены огромные сформ из недавно закрытой синагоги. Когда я в очередной раз принес в кошелке курицу на заклание, шойхет Гершл схватил ее твердой рукой за горло и, прочитав молитву, острой бритвой чиркнул по нему. Затем он бросил курицу в ведро, чтобы стекла кровь. Пока пеструшка еще трепыхалась, старик, получив шхите гелт (должную плату) начинал со мной один и тот же разговор:

- Ты – Люсик, Хаима Невского внук?

- Да.

- Твой дед - настоящий Цадик. Когда у тебя будет бармицва?

- Через два года.

- Надо начинать уже готовиться. И тут я осмелился

- Рэбэ Гершл! Я хотел бы что-нибудь почитать из книг, что у Вас афн бойдем (на чердаке). Он удивился, поправил ермолку на голове и сказал:

- Почитать? Ты меня очень обрадовал. Подожди ингале (мальчик), сейчас принесу тебе самую главную книгу. Я с нетерпением ждал ее. Рэбэ спустился с лестницы и протянул мне «Пятикнижие Мойсеево». – Это «Тора» на идиш и на русском. Попроси рэб Хаима и он научит тебя читать на мамелушн. Я схватил книгу и хотел бежать, но он остановил

меня, напомнил о курице, заложил ее окровавленную голову под крыло бросил в кошелку. По «Пятикнижию» я выучил идиш.

В Израиле напечатан двухтомник воспоминаний Вижницкого раввина Баруха Хагера (да будет благословенна его память) о страданиях депортированных евреев из Румынии, Бессарабии, Буковины в Украину в годы войны. Раввин и его семья попали в Джурин. Их приютила семья Исраэля Гулько. Он вспоминает. С благословения местного раввина Цви Гершла Каральника джури́нские евреи приняли беженцев с глубоким сочувствием и пониманием, помогали чем могли, стараясь облегчить им жизнь. В первую субботу пребывания беженцев, во время молитвы раввин Каральник обратился к ним и попросил вести себя скромно, не выделяться. Предупредил об опасности исходящей от крестьян, попросил их снять роскошные меховые шляпы.

О личности раввина Каральника он пишет, что не встречал в своей жизни человека с такой широкой душой, готового сделать все, чтобы помочь нуждающимся. Увидев несчастного еврея без обуви, раввин снял свои сапоги и отдал их. Все свои подушки он также раздал. Раввин Цви Гершл Каральник был шестым поколением раввина Рафаэля Мэварэшт, провозглашенного праведниками его поколения «Праведный Человек» и обещавший своим сыновьям, что будут у них в роду раввины в шести поколениях.

Беженцы рассказывают, что раввин был действительно «святым», он смог из разных источников собрать деньги и каждый день кормил 30 человек. Каждый, кто стучал в его дверь, получал еду, одежду и внимание. Но всех нуждающихся обеспечить было невозможно... Далее Барух Хагер пишет, что Каральник был великим человеком. Своей безграничной верой в Б-га и честностью, снискал уважение не только среди евреев, но и среди украинцев. Евреи и неевреи приходили к нему за советом.

В местечке рассказывали следующую легенду. Как-то пришел к нему мужчина за советом: жена не соглашается на развод. Он во всем винил жену и выливал на нее ушаты грязи. Рэбэ выслушал его до конца и спросил:

- У тебя все?

- Да, все,- ответил мужчина.

- Ну, тогда ты свободен и можешь идти, - сказал ему рэбэ

- А как же совет?

- Если она еще твоя жена, то ты не вправе лить на нее грязь, а если она уже не твоя жена, то тем более, на чужую женщину лить грязь нельзя! Ты не мужчина! Иди! Совета тебе не будет!

Личными усилиями неоднократно удавалось раввину отвести трагедию от беженцев. Около 1000 человек разместились в синагоге. Он разрешил использовать мебель синагоги как топливо,



Барух Хагер с женой

чтобы согреть их в сильные морозы. Сам страдал от сильных болей в спине. Правой рукой раввина была его жена. К субботе она готовила очень много еды и раздавала голодным. В канун Рош-а-Шана раввин написал всем беженцам стихи благословения :

Моим друзьям и членам их семей, Всем людям из Буковины, Бессарабии и Румынии. Я благословляю всех в канун Рош-а-Шана. Прошедший год уходит, Новый год вступает в свои права, Я благословляю всех, чтобы были все записаны в Книгу жизни. Мужчинам и женщинам я желаю мира, здоровья, радости и счастья в каждом доме, Чтобы все плохое,

все трудности остались в старом году, чтобы не разбивались сердца, Чтобы Новый год вылечил всех больных, Чтобы было всегда, что кушать и пить. Мое благословение помните во все дни Вашей жизни - это не просто слова, это благословение из глубины души. И еще добавлю: чтобы никогда в мире евреи не исчезли, но чтобы исчез антисемитизм и никогда не возродился.

Ваш друг Цви Каральник.

А вот что пишет мой земляк, а сейчас гражданин США Морис Бронштейн в своей книге «Джурин».

Моя мама, Фрума Бронштейн, пользовалась репутацией мудрой и справедливой женщины. Я не раз был свидетелем бесед мамы с шойхетом Гершл Каральником. К нему приходили люди со своими проблемами, и он часто советовался с мамой, интересовался ее мнением по данным вопросам. Надо сказать, что при всей своей занятости и повседневных заботах, мама никогда не забывала о своих еврейских корнях, всячески старалась соблюдать еврейские традиции. Гершл Каральник был в какой-то мере символом иудаизма в Джурине. Как сейчас вижу его благообразное лицо, обрамленное аккуратной белой бородкой, в ермолке и черном сюртуке. Знаю, что люди его уважали и почитали. Мне трудно сказать, какую функцию он выполнял, оставался ли он раввином в классическом смысле, каким был до войны. Для нас, детишек, он был человеком, к которому нас посылали родители, чтобы зарезать курицу. Еще мне известно, что он встречался с попом и они вели богословские беседы и очень уважительно относились друг к другу. Хочу добавить, когда бываю на кладбище - всегда подхожу к могиле этого светлого человека и ложу камешек. Да будет благословенна его память!

Еще одно воспоминание Клары Крейчман. Это был необыкновенный человек. Для каждого у него что-то находилось: либо материальная помощь, либо моральная поддержка, а иногда просто совет. В 1952 году я работала бухгалтером в

райпотребсоюзе. Директор раймага С. инсценировал кражу и поджог магазина, что оценивалось большим ущербом. К этому делу стали «клеить» и второстепенных лиц, в том числе и меня. Моей матери откровенно сказали, что нужно дать взятку. Часть суммы собрали родственники, а остальные... Где взять? К кому обратиться? И мать пошла к Каральнику. Он внимательно ее выслушал, дал ей деньги и сказал: «Когда сможешь, отдашь!» Со временем, конечно, деньги вернули. Но тот факт, что в критический для меня момент его помощь спасла меня от тюрьмы, я не забываю никогда!

По соседству с раввином жила семья Аврум - Шлойме Барштейн. За долгие годы сложились между семьями очень близкие отношения. Его дочь Лиза вспоминает, что очень часто она помогала относить приготовленную пищу в синагогу, а ее отец каким-то образом раздобыл воз соломы и завез в синагогу: какая- никакая, а все таки подстилка. Еще Лиза рассказала, что когда у нее родился сын в 1949 году, то она обратилась к близкому соседу за помощью. Рэбэ взял на себя большую ответственность и сделал обрезание. Ему ассистировал Меер Капустян. Кстати, Лиза мне рассказала о его семье. У него было пятеро детей. Сын Ушер жил на станции Рахны, сын Вева, сын Нухым работал в Джурине, дочь Хайка, у которой были две девочки: Бася и Поля, и еще одна дочь Фейгале, у которой был мальчик.

А мы (я, бабушка, дедушка, тети, дети) жили напротив, через дорогу. Дед Шимон коцев (мясник) пользовался авторитетом у рава и, вообще, в местечке. В силу их профессиональных занятий они общались очень часто. Суку раввину делал дед и был там первым гостем. Я во время «производственного процесса» выполнял подсобные действия. Ходил и приглашал шойхета, когда уже все было подготовлено. Но так как эта работа проводилась ночью, то главная моя функция была обеспечить освещение поля действия (держат свечу). Поэтому я имел возможность постоянно общаться с равом. Много



поучительного я узнал от него и это осталось со мной навсегда. Когда я стал старше он мне сказал: «Ты даже представить себе не можешь, какая была у тебя мать!..» И он рассказал мне, как он принял смерть мамы.

Моя мама Роза в 28 лет родила брата Леню (это было в феврале 1940 года). Отец воевал в Финляндии. Ослабленный организм после родов, постоянное переживание за жизнь отца сделали свое дело и воспаление легких перешло в туберкулез, что приковало ее к постели. Отсутствие эффективных лекарств да и уровень медицины того времени вели к развязке. Однажды она попросила пригласить раввина. В доме начался переполох: как так, она ведь была атеисткой, никогда не ходила в синагогу и, вдруг на тебе - пригласите ей раввина! Посоветовавшись они решили пойти к рэбэ, не зная как он воспримет это приглашение. Едва раввин услышал переданную ему просьбу матери, он тут же собрался и пришел. Мать попросила оставить их одних. А раввину она сказала:

-Рэбэ, Вы знаете, что я в Б-га не верила, не ходила в синагогу, не молилась. Сейчас болезнь приковала меня к постели. Явите свою силу! Либо сделайте так, чтобы я встала с постели, либо прекратите мои мучения, чтобы я умерла...

-Дочь моя, дай мне твою руку! – он взял ее руку, стал читать молитву и она скончалась.

Сегодня, по прошествии стольких лет, уже будучи далеко немолодым, немало повидавшим на своем веку человеком, я не перестаю удивляться причудливым изгибам судьбы и нашему еврейскому миропониманию, мироощущению. Атеистка, комсомолка, способствовавшая в какой-то мере разрушению патриархально-религиозного уклада своей общины, шедшая в кильватере политики новой власти большевиков, разрушителей норм «старой морали», крушивших с одинаковым энтузиазмом и церкви, и мечети, и синагоги, моя мать на пороге Вечности словно просила прощения у Творца за содеянное, хотя, в сущности, не успела перед Ним провиниться,

вернулась к Нему, к корням, к себе и своему народу!

А время шло. Я выбился в «хорошисты», меня избрали секретарем комсомольской организации. Мы сажали деревья, собирали металлом и макулатуру, благоустраивали стадион. Однажды, после уроков, мы взяли лопаты, грабли и пошли приводить в порядок беговые дорожки на стадионе. Когда я возвращался домой, наш сосед рэбэ Каральник позвал меня к себе на завалинку и спросил:

- Янкале, скажи-ка мне, сколько вам заплатили за эту работу?

- Нисколько. Мы ее делаем бесплатно, более того, с желанием, с удовольствием! – с гордостью ответил я.

- Но что ты сказал ребятам, что они тебя послушали и, вообще, какой там у вас порядок в организации?

Как я уже отмечал ранее, все интересовало этого человека - и жизнь, и нравы, и досуг молодежи. Теперь же мне видится все несколько по-иному. Уже здесь, в Израиле, я понял: наверное рэбэ не раз задавал себе вопрос: что же произошло и что он, раввин Гершл Каральник, упустил в своей Великой миссии, что молодежь, пошла не за ним, а за безбожниками-коммунистами и комсомольцами...

Успокойтесь, милейший рэбэ Каральник! Время все расставило по своим местам! Пришло время запоздалого прозрения для всех, в том числе и для нашего народа, отлученного безбожной властью от своих национально-религиозных корней. Да, мы светские люди, но, постепенно и мы и поколения наших детей и внуков вернутся не только в дом свой, но и к самим себе, и будет у них авторитетом такой глубоко-нравственный человек, как Вы, раввин Гершл Каральник, а не какой-то комсомольский безбожник!

Раввин часто общался с местным попом. Очевидно, у них было что обсудить. Оба имели громадное влияние на паству и пользовались непререкаемым авторитетом. Это не раз доказывалось, особенно в плохие времена. Священник

вместе со старостой на въезде в местечко повесили щит: «В местечке свирепствует тиф!».

Это здорово сдерживало немцев, которые рвались в местечко, чтобы решить еврейский вопрос. Разве не доказательством является тот факт, что до сих пор сохранились дружественные связи между украинцами и евреями, что нет в Джурине проявлений вандализма. Все это закладывалось годами и в этой работе большая заслуга этого необыкновенного человека ЦВИ ГЕРШЛА КАРАЛЬНИКА – светлая ему память! Умер Гершл Каральник 1959 году. Похоронен в Джурине. Инициативная группа задумывается над вопросом, что необходимо сделать, чтоб облагородить его могилу.

Мы, жившие рядом с ним, слушавшие его гордимся, что нам выпала честь знать такого ЧЕЛОВЕКА.



## Священная память

(Исследование)

Век человека на Земле в историческом плане недолог даже если он живет 80-90 лет. Это миг! Да и немногие доживают до этого возраста. Но за это время человек успевает в основном выполнить те функции, которые возлагает на него природа: родить и вырастить детей, внуков, правнуков, сделать хорошие дела для общества, реализовать талант, данный ему свыше, заслужить любовь окружающих и оставить о себе хорошую или... память.

А дальше сказка о «другой жизни» и память оставшихся в живых. В лучшем случае эта память живет в трех поколениях – а затем полное забвение. Как будто и не было этого человека на Земле. Не могу утверждать, что так происходит со всеми людьми или во всех семьях. Многие своим талантом и добрыми делами оставили после себя рукотворные и нерукотворные памятники и о них будут помнить вечно. Это особая категория людей. Ну, а остальные смертные – уходят бесследно. Мне хочется остановиться на тех моментах, которые продлевают память о человеке на Земле, о передаче памяти (эстафеты) старшего поколения младшему – о связи поколений.

Существовала традиция в аристократических и богатых семьях составлять «Древо жизни» - летопись семьи. Это помогало поддерживать связь поколений а также рассказывать молодому поколению об их корнях и родственных связях. Но когда начались революционные и политические потрясения, это было спрятано, заброшено и забыто. Более того, приходилось скрывать, кто и кем были твои предки. И молодое поколение в вихре современной жизни отказалось от этой традиции, забыв, что их дети однажды спросят: «А кто были мои предки? Чем они занимались?». Или же такая подробность – в семье все черноволосые, а откуда появился «рыжий» и т.д.

Другой аспект. В некоторых семьях сохранились альбомы или отдельные фотографии (было время, когда их тоже прятали). Но дети воспитанные и живущие сегодняшним днем не придают им должного значения, а со смертью бабушки (дедушки) не считают их семейными реликвиями и выбрасывают. Я был свидетелем, когда дворники уже немолодые люди, подмели двор и, выбрасывая мусор в контейнер, нашли такой альбом. Полистав его они прослезились и рука у них не поднялась опустить его в контейнер. Было бы хорошо если бы существовал такой «архив» куда можно было бы сдать фотографии, альбомы, документы, награды.

В последнее время эти традиции стали возрождаться. Детям дают задание рассказать о своих корнях, т.е. составить семейное дерево. Вот тут-то родители засуетились. Похвально, что зачинателем является школа (правда, не уверен, что это делается во всех школах), и это можно считать началом большой работы по увековечиванию памяти близких людей. Пусть некоторые сведения будут неполные отрывочные, а дальше другие поколения продолжат. А руководителям школ необходимо поощрять такие инициативы!

Затем еще об одной традиции. В еврейских семьях принято новорожденных называть именами умерших предков. И когда-нибудь ребенок спросит у родителей, почему его так назвали. Вот прекрасное время рассказать ему о старшем поколении.

И, наконец, следующей данью памяти ушедших являются могилы: их состояние, посещение и уход за ними. Хорошо если могилы находятся там, где мы проживаем



Могилы на старом кладбище

или недалеко от места проживания. Это снимает целый ряд проблем. Но как быть, если могилы находятся далеко, а порой даже в другой стране. А ведь уезжая из родных мест, забрали с собой все, что нам было дорого. А могилы близких нам людей – эту святую память – оставили, можно сказать, бросили! Иногда бываю на кладбище и когда вижу безымянную могилу, сердце щемит! Кто этот человек, ведь он жил на этой Земле, дышал этим же воздухом, а сейчас имени его никто не знает!

В каждом еврейском местечке было, как правило, еврейское кладбище. Такое кладбище возникло и в местечке Джуриин Винницкой области в середине 18 века. В 1765 году в Джуриине было 35 еврейских домов, где проживало 84 еврея. На этом кладбище покоятся также жертвы деникинских, петлюровских и других банд.

Во время Второй мировой войны в Джуриин были депортированы три с половиной тысячи евреев из Буковины, Румынии, Бессарабии. Скудность, голод, болезни и отсутствие должной медицинской помощи привели к большой смертности. Кладбище заполнялось быстро. К 1945 году хоронить было негде. Еврейская община обратилась к органам местной власти и был выделен новый участок для захоронений. Так возникло второе кладбище рядом со старым. Долгое время не возникало никаких проблем – каждый житель смотрел за могилами близких и приводил их в порядок. Но начался исход евреев из Джуриина и могилы остались без присмотра. Стали искать способы решать эти проблемы. Многие, уезжая, просили своих друзей, соседей, знакомых присматривать за могилами и это соблюдается, некоторые периодически посещают кладбище и решают сами эти вопросы. Но кроме всего требуется и общее наблюдение (хотя бы 2 раза в год собрать сухую траву, листья, прорубить подросшие деревья). Для этого нужны деньги. Изредка мы собираем по 20 - 50 долларов и посылаем в Джуриин. Но время летит быстро, трава растет

буйно и приходится напоминать, что пора уже собирать деньги. Кому-то кажется, что деньги используются не по назначению (так подумать может только тот, кто сам не чист на руку).

В прошлом году возникла очень серьезная проблема. Забор вокруг кладбища с каждым днем разрушается очень сильно и в один «прекрасный» день он может совсем рухнуть, а это может привести к еще большим неприятностям – при обильных атмосферных осадках первый ряд могил может быть смыт.

На старом кладбище этот вопрос был решен несколько лет тому назад. Некая женщина (не бедная), живущая в Канаде, которая в годы войны была депортирована в Джурин из Румынии, хоронила своих родных на этом кладбище. Она приехала в Джурин, и увидев все это, выделила необходимые средства и порядок на старом кладбище был наведен.

А на новом кладбище, хотя там сейчас и не хоронят (в местечке осталось 5 евреев) необходимо было срочно восстановить забор! Была образована инициативная группа: Крейчман Клара, Хельмер Роза, Хельмер Валентина (да будет благословенно имя ее), Байдер Михаил, Хельмер Яков, был брошен клич землякам и определенная сумма денег была собрана и отправлена в Джурин. Откликнулись земляки, живущие в Америке, Канаде, Германии, Израиле. Спасибо Вам, дорогие земляки, мы гордимся Вами! Вашим пониманием, обеспокоенностью, заинтересованностью. В списке оказалось 64 чело-



Памятный Камень в Нью-Йорке с названием местечек, где находились гетто.

века. К большому сожалению 3 человека (всего 3!) отказались внести свою лепту, им все это безразлично. В октябре работа была закончена – забор построен!

В Джурине по собственной инициативе обязанность «Общественного смотрителя кладбища» взял на себя (взвалил на свои плечи) врач-терапевт Кутафьев Виктор Борисович. В свободное от работы время он наблюдает за кладбищем. Этот образованный, интеллигентный, порядочный, бескорыстный человек тянет тяжелую лямку общественной работы. Ему активно помогает Гребенчук Исаак Михайлович. Дорогие Виктор Борисович и Исаак Михайлович, все люди, которые приносили деньги, благодарили Вас, наших дорогих энтузиастов-подвижников, за бескорыстный труд и желают Вам долгих здоровых и благополучных лет! Сейчас мы просим их пронумеровать могилы и составить план – схему кладбища, чтобы каждый посещающий кладбище мог отыскать необходимое захоронение. Начало положено!

Большое счастье для нас, что в Джурине отсутствуют случаи вандализма. Это говорит о том, что дружба в местечке между евреями и украинцами существует давно. Эта дружба выдержала испытание тяжелыми годами войны. Мы гордимся этой дружбой и помним!

Следует заметить, что существуют и другие способы продлить память людей, живших на этой Земле. Например, наши земляки, живущие в Америке, сделали следующий шаг. В Нью-Йорке есть Мемориал Холокоста. Каждая область, находящаяся в Транснистрии (так



Фрагмент “Стены плача”



во время войны называлась территория, которая находилась между Южным Бугом и Днестром) установила в этом Мемориале Памятный Камень с названием местечек, где находились гетто. Такой Камень установлен и для Винницкой области, а по инициативе нашего земляка Йозефа Токаря там выбито слово «Джурин» в память о погибших, умерших от ран и голода, пропавших без вести односельчанах.

Некоторые люди, чтобы увековечить память родных, у которых нет могил (по разным причинам), заказывают таблички и прикрепляют их к памятникам своих близких.

В Ашдоде по инициативе амуты «Зикарон» установлена «Стена Памяти», где увековечены имена людей, у которых нет могил.



## Как это было

А было так. Война застала меня шестилетнего мальчишку в местечке Джуриин Винницкой области (я гостил у бабушки).

Когда взрослые суетились и паниковали, часто повторяя слово «война», для нас, детей, оно ни о чем не говорило. Но когда первые бомбы упали на местечко и появились первые разрушенные дома, первая кровь и первые жертвы, мы очень быстро поняли, что значит война! Мы быстро повзрослели. Наш детский мир сразу разделился на две части: первая - довоенная, и вторая настоящая - тяжкая, голодная, страстная и ненавистная.

Вскоре родители забрали меня домой в Брацлав, где мы постоянно проживали. По словам матери уже в июле местечко захватили немцы. До сих пор удивляюсь тому, как детская память сохранила и воспроизводит сегодня то один эпизод, то другой из «той жизни»...

У нас возле дома был погреб, дверь которого выходила на улицу. Брацлав поначалу подвергся артобстрелу, и многие наши соседи считали, что в погребе можно найти убежище. На ступеньках у двери постоянно сидел юноша его звали Наум (с комсомольским значком, что вызывало у нас, мальчишек, зависть). Он смотрел в щель и информировал всех, что происходит на улице. День клонился к вечеру, когда мы услышали рев моторов и возглас «смотрящего»:

- Они уже здесь!

Мы бросились к щели и тут я увидел много мотоциклов и сытые надменные морды немецких солдат в касках. Но это продолжалось недолго, так как они рассыпались по местечку и, ведя огонь из автоматов, кричали: «Выходите все!» Мы, конечно, быстро отпрянули от двери и, дождавшись темноты, разбежались по домам. Дома началось сжигание компрометирующих документов, вещей и т. д. В огонь полетели

Почетные грамоты отца с портретами Ленина-Сталина, книги, благодарности. Но больше всего мне было жалко сжигать свой костюм. Незадолго до начала войны мне сшили военный костюм - галифе и гимнастерку с «крылышками». Он был предметом зависти всех мальчишек, потому что в игре я уже был экипирован как командир. Все мои просьбы и доводы оказались неубедительны и напрасны – и костюм полетел в огонь.

Спустя несколько дней в местечке определили несколько улиц, обнесли их колючей проволокой и гетто было готово! Всех евреев сразу же согнали туда. Страшная скученность, голод, болезни и смерть - вот что там было. Мне все это было непонятно: почему мы ушли из своего дома, почему нельзя было выходить за колючую проволоку на другую улицу, почему не всегда есть еда и почему по ночам стреляют по нашим окнам.

Вскоре немцы ушли, охрану гетто поручили румынам и полицаям. Вот когда начался для нас настоящий кошмар, а для охраны - прекрасная, развеселая жизнь. Целыми днями они отбирали остатки «еврейского добра», а по ночам устраивали знатные пьянки и прогулки по гетто со стрельбой по окнам. Свою звериную сущность они продемонстрировали в ночь на 7 ноября, после очередной пьянки, устроили «праздничный салют» по окнам. Мама меня разбудила и уложила на пол, так было безопасней. Для многих евреев эта ночь стала последней. Но покоя не было и днем.

Слухи о расстрелах евреев все нарастали и ширились. Оказалось что небезосновательно. Однажды утром, после бессонной ночи, мы увидели, что гетто окружено румынами и полицаями. Нас всех с вещами стали выгонять из домов на площадь, а тех, кто не мог самостоятельно передвигаться убивали на месте. Уже был снег, на площади стояло несколько конных саней и охрана на лошадях. Когда всех выгнали была дана команда детей и вещи разместить на санях и колона дви-

нулась. Шли долго и тяжело. Как потом выяснилось, гнали нас в печально известную Печору, лагерь позже получивший название «Мертвая петля». Подробности этого перехода стерлись в памяти, но кое-что помню. Мама была беременна, ей трудно было идти. Она подошла и села на сани возле меня. Тут же подъехал полицай на лошади и стеганул ее плеткой по спине да так, что она тут же слетела со своего места. К счастью она устояла на ногах. То и дело слышались выстрелы: конвоиры добивали упавших. Среди них оказалась бабушка Бейла (по моим понятиям она была в свои 50 лет старой), близкий друг нашей семьи, добрая, красивая, умная. Она поскользнулась и упала, захотела встать и вновь упала. В это время подъехал конвоир и расстрелял ее в упор. Я не помню, чтобы трупы подбирали.

Так мы попали за каменный забор. Сведущие люди сказали, что это бывший санаторий. В это время там уже бродили десятки детей голодных и завшивленных, чесоточных, которых пригнали раньше. Они у нас «свежих», выпрашивали что-нибудь пожевать. Мы с мамой разместились под лестницей. Знакомство с местностью состоялось гораздо позже, летом.

Место действительно живописное, лесистое на берегу Южного Буга. Не зря его облюбовал граф Потоцкий для одного из своих имений. Сохранилась купальня графа. Каменная лестница вела прямо в воду, а дно было забетонировано. Напротив лестницы, метрах в 30, большая скала размером в двухэтажный дом. После революции здесь разместили военный санаторий, а немцы нашли ему другое применение: загнали туда более 10 тысяч евреев в расчете на полное вымирание. Самое большое количество людей толпилось у лестницы. Тут можно было постирать, вымыться и здесь же брали воду для питья. Охраняли лагерь полицай, среди которых были звери в полном смысле этого слова, но были и такие, которые шли на контакт с целью личной выгоды. Эти разрешали товарный

обмен – вещи, украшения, драгоценности - на хлеб, муку, крупу, картофель, которые приносили местные жители. Иным, не похожим внешне на евреев смельчакам, полицаи разрешали выход из лагеря, естественно за определенную мзду, и те ходили по окружающим селам и меняли вещи на продукты, поддерживая тем самым оставшихся в лагере членов семьи. Это, пожалуй, был единственный источник, позволявший выжить, особенно в первое время, зимой 41-42 года, когда люди умирали сотнями. Вначале трупы складывали в сарай, затем «похоронная команда» грузила трупы в сани и вывозила за пределы лагеря, одежда умерших была их добычей. Однажды я видел как грузили трупы и один из них согнулся пополам (не успел замерзнуть) так его и бросили в сани, в другой раз в руке трупа оказался зажатый намертво замшелый сухарь, кто-то кинулся к трупу и стал «добывать» этот трофей.

Весной и летом 1942 года стало чуть легче: появилась трава, листья, молодые побеги, косточки прошлогодних ягод. В памяти моей остался один страшный эпизод, свидетелем которого я стал и не забуду его никогда. Летом к забору местные крестьяне принесли ведро вишен. Какой-то юноша выменял его на что-то. Он залез на забор и едва успел приподняться и взять ведро тут же прогремел выстрел и парень был убит наповал. Это было страшное зрелище : юноша раскинув, словно птица крылья, падает на землю, ведро с вишнями на эту же сторону, вишни рассыпаются вокруг него, как капли крови. Но голод оказался сильнее страха смерти и некоторые бросились подбирать вишни. Кто-то тем временем побежал за матерью убитого (как выяснилось, единственного сына), она прибежала, и поняв, что произошло, стала кричать и плакать, а затем смеяться. Взрослые сказали, что она сошла с ума.

Только чудо помогло мне остаться в живых. Это благодаря матери, родственникам и другим людям, благословенна их память, спасибо всем им! Две попытки бегства с помощью немецкого полковника (Вилли Арем, да будет благословенно

имя его, более детально об этом эпизоде опубликовано в статье «Список Арема» в газете «Секрет» 21 февраля 2010 года) оказались безуспешными.

Третья попытка оказалась успешной, хотя переход был тяжелым и сложным, и мы в Джурине. Да, в Джурине было гетто, но по сравнению с Брацлавом, не говоря уже о Печоре, это был просто рай. Не было колючей проволоки, все жили в своих домах. Конечно, были ограничения, запреты: нельзя было выходить за пределы местечка и т. д.

При большой скученности (в местечко были депортированы около 3000 беженцев из Буковины, Бессарабии, Румынии) голод, эпидемии делали свое дело, люди умирали ежедневно. Немцы, часто проезжавшие по трассе, рвались в местечко поиздеваться над евреями, но находились ангелы-хранители в лице священника местной церкви, старосты, некоторых полицаев, руководителей еврейского комитета самоуправления которые все делали, чтобы спасти местечко : собирали драгоценности и откупались, а на въезде в местечко повесили щит, что в местечке свирепствует тиф. И местечко выжило!

Гораздо позже мне рассказали, что в начале не все было так облачно. Семен Крывошей рассказал, что перед приходом немцев в местечко один из старшего поколения, побывавший в плену у немцев в Первую Мировую, охарактеризовал немцев, как цивилизованную нацию и убедил стариков, их было 5-6 человек, встретить немцев хлебом-солью. Когда они преподнесли хлеб-соль, офицер ногой выбил у них из рук угощение и, передав нож солдатам, приказал побрить им бороды. Началась экзекуция, прибежали женщины и спасли стариков от расправы. Только, очевидно, один Бог спас их от расстрела. А вот другой эпизод. Рассказывает Лазарь Розенцвит. Немцы ушли и передали власть румынам. Из соседней деревни Боровка приехали несколько мужчин и стали убеждать односельчан расправиться с евреями, мол у себя мы всех жидов

уничтожили, собирайте православный народ и приступайте к делу. Но среди евреев жили два сапожника-украинцы Они побежали к старосте, к священнику, в полицию и предупредили о готовящемся погроме, Те не замедлили прийти и, пригрозив незваным гостям расправой, выгнали их.

Да, в гетто не расстреливали и этому обстоятельству все были рады, но постоянные переживания, страх и непредсказуемость, неуверенность в завтрашнем дне не отпускали людей ни днем, ни ночью. Большое напряжение вызывали все события, которые происходили в это время: и убийство румынского жандарма партизаном Радецким, падение немецкого транспортного самолета с немецкими летчиками невдалеке от Джурина, небольшой бомбовый удар советского самолета по стрелявшим в него румынам и любое передвижение немецких войск по трассе. А до освобождения местечка было еще далеко...

Казалось бы, зачем ворошить прошлое, зачем вспоминать весь этот ужас. Считаю, что это необходимо! Это дань памяти о расстрелянных и замученных. Мы клялись рассказать о них. Это призыв ко всем людям быть бдительными, беречь мир и делать все, чтобы это не повторилось! Это наш (живых свидетелей) гневный ответ отрицателям Холокоста!

Так было.



## Евреи-партизаны

Никто не забыт и ничто не забыто! *Ольга Бергольц.*

В городе Ашдоде создана амута «Надежда» бывших несовершеннолетних узников гетто и концлагерей, которая входит в состав Всеизраильской ассоциации «Уцелевших в гетто и концлагерях». Совет амуты изучает судьбы членов организации, выясняет обстоятельства, позволившим им выжить, пути их спасения и людей, помогавшим им спастись. За короткий срок в Интернете и в газете «Секрет» были опубликованы: очерк «Неподдающаяся. Женщина – легенда» о бесстрашной Раисе (Реше) Городинской (Бешкиной); цикл «Чудом выжившие» о молодых людях Ефиме Шапиро, Семене Палесе, ставшими партизанами, о сыне дивизии Арике Верницком, дошедшего до Берлина (светлая ему память), подготовлен к печати очерк о партизанке Евгении Гузик.

Все эти воспоминания похожи между собой тем, что начало всех бед этих людей – 22 июня 1941 года и спасение они нашли в партизанских отрядах. С благодарностью вспоминают тех людей, кто помог им спастись и выжить.

Партизанское движение и евреи – особый, очень важный, жгучий вопрос, который замалчивался и не освещался по разным причинам. Не освещались будни трудной партизанской жизни рядовых партизан. Но даже героические дела евреев–партизан не освещались.

Большой труд и исследование в этом вопросе провел журналист Александр Ступников. Он снял документальный фильм «Изгой» о героической борьбе евреев–партизан и даже отдельных еврейских партизанских отрядов. Он доказал, что еврейские партизаны – часть европейского сопротивления силам нацизма.

Героиня очерка «Неподдающаяся» Раиса Городинская прошла трудный путь спасения и когда в отряде ее хотели



определить в хозвзвод, учитывая ее возраст и «габариты», она воспротивилась и заявила, что пришла мстить за смерть родителей, брата и, вообще, за всех расстрелянных евреев. Ее поняли и поддерживали. Раиса стала упорно изучать оружие, успешно сдала экзамены и была зачислена в боевой взвод. Принимала участие в боевых операциях, имеет боевые награды. Обо всем этом она написала в своей книге «Молодость моя... Белоруссия», которая была издана в Тель-Авиве в 2008 году. С большой любовью пишет о ней командир Щучинского партизанского соединения С. П. Шупеня в своей книге «Гневная Щара»:



Раиса Городинская

- К вечеру вброд отряд перешел реку Зельвянку, объявили привал. Бойцы расположились на мокрой траве, поужинали. Особую заботу проявляли партизаны о черноглазой Реше Бешкиной, единственной девушки в группе. Перед уходом на это задание партизаны читали о ней статью в газете «Красное знамя», как Реша с двумя подругами отличилась в бою у Слижней Подгребельных. Они были в рядах атакующей партизанской цепи. А потом Бешкина еще ходила в разведку... И еще воспоминание об одном бое. Все время слышался голос командира взвода Ивана Медведева: «Вперед, за мной, ребята!» Неподалеку от него виднелась крупная фигура командира роты Ивана Жеребцова. Вдруг он вскрикнул и упал. Рядом с ним оказалась Бешкина, но ее помощь уже не понадобилась – вражеская пуля сразила Ивана Жеребцова.



Ефим Шапира

В этом отряде было много евреев, спасшихся во время

акций.

Нелегкий путь к спасению прошел 15-летний мальчишка Шапиро Ефим (в отряде его любя называли Фима – пончик). Спрыгнув с табуретки, когда немец приготовился накинуть ему петлю на шею, он убежал и добрался до партизан.

А другой мальчишка Палес Семен, спрятался под лестницей и уцелел от расстрела. А затем вместе с другими уцелевшими добрался до партизан. Чтобы вывести в лес, их построили и под конвоем мнимых «полицейских» повели якобы на работу. Так он добрался до отряда имени Пархоменко. Это был боевой отряд, который выполнял трудные задания Центрального штаба партизанского движения. В отряде Семен стал пастушонком. В его распоряжении было 5 коров и 5 лошадей. Лошадей использовали для разведывательной работы, а значит, они должны были быть готовыми (накормлены, напоены) в любое время. Там же произошла, значимая для Семена, встреча со своим отцом, который возвращался с боевого задания и вместе они ушли в отряд Зорина №106.



Семен Палис

Зорин Шалом – командир семейного партизанского отряда. Бежал из Минского гетто и вместе с военнопленным Семеном Ганзенко организовал партизанский отряд имени Пархоменко. Среди 150 бойцов отряда было много евреев. Отряд пополнялся узниками, бежавшими из гетто. Среди них было много женщин и детей. И Зорин принимает решение организовать новый отряд - №106, позднее названный «часть Зорина». Начальником штаба стал Анатолий Вертгейм, комиссаром – Хаим Фейгельман. К январю 1944 года в нем числилось 556 человек. Были сформированы две боевые роты по 137 че-

людей. На их счету было немало успешных операций. Кроме того, партизаны за короткое время обустроили лесной лагерь. Построили утепленные землянки, создали оружейную, портняжную, обувную мастерские, пекарню, колбасный цех. Была создана отличная медицинская служба, которую возглавила преподаватель Минского мединститута Розалия Лившиц. Врачи оказывали помощь не только партизанам, но и жителям окрестных деревень. В отряде было 150 детей. К осени в вырытой землянке открыли школу, где преподавали квалифицированные учителя. В ней учились 70 детей, а подростки участвовали в боевых операциях, помогали выводить узников из гетто, ходили в разведку.



Шалом Зорин

6 июля 1944 года в жестокой схватке с немецкой частью, которая пыталась вырваться из «Минского котла», отряд истребил много немцев, но и сам понес большие потери. В этом бою Зорин получил тяжелое ранение. Врачи вынуждены были ампутировать ему ногу, выжил. С 1971 года жил в Израиле, умер в 1974 году.

По другому сложилась судьба партизанки Евгении Гузик. Она вместе с соседями пряталась в вырытой землянке, а затем попала в отряд имени Щорса. Отряд выходил на боевые операции. Евгению, учитывая ее типичную еврейскую внешность, было запрещено выходить из леса. Вначале она помогала готовить пищу для бойцов отряда, а затем ее перевели в штаб готовить пищу для командного состава. Туда допускались только проверенные люди (немцы посто-



Евгения Гузик с мужем

янно засылали предателей).

Ушли в прошлое героические дела отдельных людей, что вызывает неудовольствие оставшихся в живых. Особенно тепло рассказывает Раиса Городинская о семье Липшовичей. В семье было 3 брата и сестра: Хаим Ишуа 1917 года рождения, он служил в польской армии, активный сионист с горячей мечтой об Израиле; Элик, тоже бывший польский солдат; Гершон и сестра Таня (Тайбл). Они вначале убежали в Западную Белоруссию, а после захвата немцами этой территории ушли в лес. Перед ними встал вопрос, что делать дальше. Решение было однозначное – добыть оружие и вступить в борьбу с немецкими захватчиками. В лесу они встретились с группой евреев, убежавших от погрома, из города Козловщина. Этой группой руководили доктор Атлас (беженец из Польши) и житель города Абрам Козловский.



Хаим Ишуа Липшович

С приходом немцев они сразу ушли в лес и стали организовывать сопротивление фашистам. Овеяно славой имя доктора Иехезкиля Атласа. Это был смелый, отважный, грамотный человек, активный участник партизанского движения в Западной Белоруссии. Немцы убили всю его семью. Он ушел в лес и возглавил партизанский отряд. Этот отряд осуществил побег евреев из Деречина в день погрома (1942г.) Впоследствии этот отряд, состоявший из 120 евреев, присоединился к партизанам. Атлас организовал ряд нападений на немецкие гарнизоны, возглавил



Доктор Атлас, 1942

диверсионную группу, взорвавшую поезд с живой силой и техникой, стратегический мост через реку Неман. Когда немцы предприняли ответные действия против партизан, доктор Атлас руководил сражением и захватили немецкий самолет, совершивший вынужденную посадку. Доктор Атлас погиб во время немецкой облавы. Был похоронен в лесной чаще, а в 2008 году перезахоронен в городе Гродно в соответствии с еврейскими традициями. Вечная ему память! В лесах находилось много небольших групп. Это были убежавшие из гетто, из плена, а также те, которые не хотели ехать на работу в Германию. Но они были разрознены, что мешало общей борьбе. Большую работу по объединению этих групп выполняла семья Липшовичей. Это были храбрые, мужественные люди, которые имели боевой опыт и естественно их ставили руководителями отдельных подразделений. Элик стал командиром роты. Хаим Ишуа был старшиной отряда, он отвечал за хозяйство отряда и за неприкосновенный запас. Гершон и Таня были рядовыми бойцами.

Кроме этой семьи были и другие смелые, мужественные люди. Самуил Беренштейн, Златогур Гирш были командирами отделений. Из всех девушек отряда, только Таня была в боевом взводе. Этой группе поручали самые ответственные задания: взрывать эшелоны с живой силой, вооружением, стратегические мосты, выводить из строя связь, организовывать покушения на высоких чинов. Разведкой руководил еврейский парень из Деречина Миша Агульник. В этой неравной и жестокой борьбе не суждено было многим остаться в живых. Трагически сложилась судьба Элика Липшовича. Ему удалось дожидаться освобождения Белоруссии. Затем он ушел в действующую армию и дошел до Берлина. После демобилизации он вернулся в свой город Лодзь. Собралась группа молодых сионистов, которые мечтали добраться до Израиля (государства тогда еще не было). Но банда оголтелых польских антисемитов напали на лагерь, где проживали евреи и устро-

или погром. Элик знал польский язык, вышел к ним и стал им объяснять кто они. Автоматная очередь прошла его. Хаим Ишуа погиб во время прорыва немецкой блокады. Таня в одном из боев получила тяжелое ранение, развилась гангрена и она скончалась. Из этой семьи выжил только Гершон. Козловский Абрам погиб при штурме немецкого гарнизона его родной Козловщины. Михаил Агульник погиб при прорыве немецкой блокады. Кроме того погибло очень много молодых еврейских парней безымянных. Светлая и вечная им память!

Уже в декабре 1941 года удары партизан были чувствительны. Немцы сняли с фронта воинские части для борьбы с партизанами. Началась облава, бой был жестокий. Было много раненных. С ними была медсестра Сима Шлюбская. Было принято решение скрытно отступить. А раненных спрятали в труднодоступном месте и замаскировали. Но у немцев были собаки, и они вмиг нашли этот лазарет. Их пленили, облили бензином и сожгли.



Элик Липшович - солдат польской армии

Когда начались расстрелы евреев, то Ципа Бекенштейн свой протест выразила так: она облилась бензином и сожглась. Люди бросились ее спасать, но она не приняла помощь и только просила похоронить ее возле дома. Из воспоминаний партизанки Евгении Гузик мы узнаем, что ее подруга, 15 – летняя Цилька, когда ее отказались приютить, спрятать, она просила столкнуть ее в воду, чтобы утонуть: «Чтобы не доставить удовольствие полиции, который убил еще одну жидовку».

Трагически сложилась судьба Менделя Фельдмана. Он возглавлял еврейскую общину Деречина и пользовался большим авторитетом у граждан местечка. К его слова прислушивались, с его мнением считались.

Затем он был назначен в Юденрат. Когда он получил приказ переселиться в гетто – он покончил с собой.

Евреи играли заметную роль в партизанском движении в Белоруссии. Нигде, в других оккупированных нацистами государствах Европы, не было такого числа вооруженных мстителей из гетто. Евреи бежали в леса как для борьбы с фашистами, так и с целью защиты от уничтожения. Убежав из гетто, перед ними возникал целый ряд проблем: найти и установить контакт с партизанами, добыть оружие. Люди испытывали катастрофическую нехватку оружия. Попасть же без него в партизанский отряд или просто выжить в лесу удавалось единицам. Приему евреев в партизанские отряды чинили препятствия как подозрительность командиров, опасавшихся подосланных провокаторов, так и бытовой антисемитизм. Но совсем о другом человеке вспоминает партизанка Раиса Городинская. О командире бригады Павле Ивановиче Булаке. Это был смелый, мужественный, отважный командир, тактически грамотно продумывал операции и добивался победы. В отличие от других командиров, он никогда не сомневался в убежавших из гетто евреях. И ни разу интуиция его не подводила. Вечная ему память!

Но, несмотря на целый ряд проблем, побег из гетто к партизанам являлся едва ли не единственной возможностью спастись. В спасении евреев партизанское движение сыграв



Элик Липшович

ло большую роль. Евреи пополнили целый ряд отрядов белорусских партизан. Они участвовали в боевых операциях, «рельсовой войне», засадах, выполняли агентурные задания, собирали развединформацию, были врачами, оружейниками, радистами, заготавливали продукцию, работали в партизанских прачечных, сапожных и портняжных мастерских, ухаживали за ранеными.

В партизанских отрядах Белоруссии находилось не менее 10530 евреев.

Выжившие, вопреки изуверскому плану фашистов, донесли до нас правду о жестоком сопротивлению немцам; обзавелись семьями, воспитали детей, внуков и правнуков. Доказали, что еврейский род уничтожить невозможно! Мы, молодое поколение обязаны помнить, какой ценой досталась нам эта победа. Создали свое государство, которое является защитником всех евреев на Земле.

Жизнь продолжается!





## Эстафетная палочка.

Есть в Ашдоде отделение Всеизральской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» - амута «Надежда». Нас 90 человек. Существоем около 2 лет. Но за это время проведена большая работа по оказанию помощи членам нашей организации: материальная помощь (в виде продовольственных наборов), духовная помощь (посещение культурно- массовых мероприятий, экскурсий) и самое главное - морально- психологическая помощь (постоянное, систематическое общение: поздравление и чествование юбиляров и именинников). Кроме того, за каждым членом совета закреплено около 20 человек, и мы находимся в постоянном контакте, налажена обратная связь. Накоплен определенный опыт.

О прошлой жизни некоторых членов «Надежды» написаны очерки. В газете «Секрет», на сайте Всеизраильской Ассоциации напечатаны очерки: о Раисе Городинской, Евгении Гузик, Семене Палесе, Ефиме Шапиро (светлая ему память). В конце 2012 года вышел сборник воспоминаний «Взрослое детство войны», где напечатаны воспоминания наших узников.

Но возраст наших узников 72+. За последний год у нас ушли в мир иной: Ройзен Михаил и Зальцман Михаил – светлая им память. Все это создает проблему: кому передать сделанное, накопленный опыт, кто должен бороться с антисемитами и отрицателями Холокоста.

Центральный Совет Ассоциации принял поправку к Уставу - членом организации может стать член семьи бывшего узника. У нас в организации таких людей 8 человек. Эти люди принимают активное участие в работе амуты. Они являются, как бы, эстафетной палочкой. Некоторые из них рассказывают о переживаниях и событиях, услышанные от своих спасшихся родственников. Сегодня я хочу представить рассказ Светланы Цысарь по воспоминаниям ее матери и отца.

В местечке Тульчине Винницкой области жила боль-

шая еврейская интеллигентная семья Николаевских: Абрам и Маня. Было у них 8 сыновей.

Четверо из них получили высшее образование: стали врачами и учителями (заметьте, это до революции), а остальные – закончили гимназию стали фотографами. Глава рода – Абрам, закончил Киевский университет. Дети были умными, красивыми, интеллигентными и пользовались авторитетом в местечке. Самый младший из них был мой дед Наум, вспоминает Светлана. Она от матери узнала, что он отличался добротой, невероятным великодушием, был очень веселый, красивый, отличался особым чувством любви к животным, писал стихи. Под стать ему его жена, моя бабушка, Роза. Хотя она выросла в нужде, была умна, благородна, порядочна, нежна, но с твердым характером. Попав в богатый дом деда, она сумела найти общий язык со свекровью.

Мои предки жили в тяжелое время, время еврейских погромов на Украине. Но, несмотря на эти трудности, местечко Тульчин и мои родственники выжили.

В доме моего деда, в 1924 году родилась моя мама Женя. Мама росла красивой и умной девочкой. Ей ни в чем не отказывали. Одевали ее, как ангелочка, она играла на пианино, на скрипке, каталась на велосипеде (в то время это была большая редкость).

С началом войны все это пропало. Дедушку и его брата забрали в армию, а бабушка с тремя детьми осталась: это была моя мама Женя, ее сестра Лиза и трехлетний брат Миша. Да еще осталась с ними 82-летняя свекровь. Бабушка отказалась эвакуироваться, мотивируя свой отказ тем, что во-первых,



Дедушка и бабушка. 1965 г.



Мама. 1936 год.

война будет короткой, а во-вторых, немцы цивилизованная нация и евреев не тронут. Этот миф быстро рассеялся, когда немцы заняли Тульчин. Пришли черные времена. По рассказам бабушки, немцы

вели себя, как варвары: все рушили, грабили, расстреливали. В городе Тульчине до войны проживало около 5600 евреев, 42% всего населения, кроме того, в селах было еще около 180 человек. Тульчин стал уездом Транснистрии. Сразу была проведена регистрация евреев. Их заставили носить на груди черный круг с желтой звездой. Затем выделили 4 улицы, обнесли их колючей проволокой и сделали гетто. Выход из гетто для мужчин был запрещен. Все взрослое население должно было ежедневно отмечаться. В декабре 1941 года около 3000 евреев колонной отправили в лагерь Печора (Мертвая петля). Дорога заняла двое суток, это была дорога смерти: больных, отстающих расстреливали. Трупы никто не подбирал. В Тульчине остались специалисты-ремесленники: портные, сапожники, жестянщики. Позже в Тульчин депортировали евреев из Буковины и Бессарабии.

Светлана вспоминает, что ее отец Йосиф рассказывал ей много о своих мытарствах. Улицы городов превратились в груды земли, все горело и полыхало, люди не знали куда бежать, чтобы спастись, где можно спрятаться. Отец был женат, все его родственники погибли при бомбежке. Отца и его жену пленили и погнали в гетто.

По своей природе он был сильным человеком, и все невзгоды переносил с обидой и злостью. Винил себя за то, что не смог спасти родителей, что женился накануне войны, а значит

не смог уйти к партизанам и бороться с фашистами. Он был в ответе за свою маму, ее брата и жену, он не мог убежать и их оставить. Отец рассказал мне, что сначала их загнали в гетто Бершадь, а затем погнали в гетто Тульчин.

В городе Бершадь до войны проживало около 4300 евреев (74 % всего населения). Город был оккупирован в июле 1941 года. Вскоре евреев согнали в два гетто. Осенью 1941 года в Бершади остановилась многотысячная колонна евреев, депортированных из Бессарабии, Буковины, Одессы. Это было одно из самых больших гетто в Транснистрии. К концу 1941 года в нем находилось около 25 тысяч евреев. К освобождению в марте 1944 года осталось менее 11 тысяч евреев.



Мама и ее сестра. 1959 г.

По дороге в Тульчин над ними издевались, избивали до полусмерти, добивали немощных. Попал в такую переделку и мой папа. Его жена не выдержала таких мук и умерла. В Тульчине условия были не лучше. Затем их погнали в лагерь Печора. Там удавалось за мзду полицая выходить за пределы лагеря и в окрестных селах выпрашивать, обменивать что-то съестное.

Лагерь Печора размещался в бывшем дворце графа Потоцкого, а при Советской власти там был санаторий для военных. Очень живописное место, в небольшом лесу, река Южный Буг протекает по территории лагеря. В реке мылись, стирали и брали воду для питья. И вот это живописное место стало могилой для 4,5 тысяч евреев.

В один из таких походов за продуктами папа познакомился с моей мамой. Эти выходы следует считать смелыми, дерзкими - они могли кончиться смертью. Папа стал бывать, где жила бабушка с тремя детьми, жалел их, оказывал како-

ю-то помощь. Так между папой и мамой вспыхнуло чувство, и он остался в этом лагере ради мамы. Все время у него было желание бежать. Он не мог смириться с тем, что молодые евреи не принимали никаких мер к спасению и погибали. Сам не мог бежать из-за бабушки и нас детей.

Каждый день выгоняли на работу. В бараках проживание было ужасное. От голода, холода, болезней ежедневно умирало много людей. Их сбрасывали в сарай, а затем загружали в сани, впрягались и вывозили за пределы лагеря. Кто не смог подняться - расстреливали. В лагере был талантливый мальчик – музыкант, который чудесно играл на скрипке. Он заболел и не смог подняться, его выволокли и бросили в яму, где гасили известь. Эта яма была сделана, чтобы избавляться от трупов. В один из дней заболела мама – вспоминает рассказ отца Светлана. Оставаться в бараке – это верная смерть. И отец взял ее с собой на работу, там он соорудил снежный домик и посадил ее туда, а сам с бабушкой пошел разгружать вагоны: он свой, а бабушка – свой. Когда, он закончил свою работу, он побежал помогать бабушке. Когда полицейай увидел, что папа разгружает не свой вагон, он стал хлестать папу нагайкой. Папа не выдержал – вырвал у него нагайку и готов был его убить, а полицейай выхватил пистолет, но не выстрелил, непонятно, что его сдержало.

Светлана вспоминает рассказ матери: «... иногда начальник лагеря выстраивал узников и производил селек-



Мамин брат Миша.  
4 года. Застреленный  
полицаем.



Отец – солдат румынской  
армии. 1937 г.

цию – показывал на каждого пятого, их вводили и расстреливали. Я стояла рядом с отцом, а бабушка стояла в другом строю. Я увидела, что комендант указал на бабушку, я хотела закричать, но отец закрыл мне ладонью рот, что спасло меня. Утром лагерь был поднят по тревоге – группа узников убежала из лагеря. В лагере началась суматоха, охрана начала стрелять, одна из пуль попала в Мишеньку, и он мгновенно скончался, а затем новый удар – Лизу отселили в другой барак и я за ночь поседела». Ей было в то время 42 года.



Отец – солдат  
румьинской армии. 1937

Папа рассказал, – вспоминает Светлана, – что он все время настаивал на побеге, но мама и бабушка были настолько истощены, что о побеге не могло быть и речи. Тогда папа решает бежать один. Но делает это продумано. Когда стали набирать на работу в другой лагерь, он попросился туда. Это давало ему возможность бежать, без риска последствий для мамы и бабушки. И, действительно, побыв в лагере несколько дней, он бежал. Ночью он переплыл Южный Буг с надеждой попасть к партизанам. Он также знал, что где-то находится лагерь депортированных евреев из Бессарабии, Буковины. Там не расстреливали. В лесу он встретил лесника и тот ему сказал, что немцы окружили лес с целью уничтожить партизан и поэтому ему надо бежать дальше, не останавливаясь. Но было уже поздно. Он сумел спрятаться в болоте, в кустах. Это его спасло. Даже собаки не учуяли запаха. Он просидел там достаточно долго. Затем он продолжил путь и попал в гетто города Умань.

В Умани до войны проживало около 13 тысяч евреев (30 % всего населения). Немцы оккупировали город в августе 1941 года. Уже в первые дни было расстреляно 1400 ев-

реев. Затем появлялись новые команды и расстрелы продолжались. В октябре 1941 года было расстреляно 5400 евреев. Оставили около 1500 специалистов с семьями (портные, сапожники и т. д.). Ежедневно трудоспособных забирали на работу, с избиениями и издевательствами. Кормили шелухой из проса, выдавали 50 г. хлеба. Ночью полицаи насильовали женщин и грабили. В общей сложности за 41 – 42г.г. было уничтожено около 10 тысяч евреев. После ликвидации гетто, в Умани был создан рабочий лагерь, куда из Транснистрии привезли евреев Бессарабии и Буковины.

В этот лагерь попал мой отец. А мама с бабушкой остались в Печоре. Ежедневно их выгоняли на работу. В один из дней, кто-то перерезал колючую проволоку и кто смог – бежал. Так они добрались до Умани. Бессарабская община лагеря их не хотели принять. И тогда мама спросила, нет ли среди узников Йосифа Грумана. Это было спасение. На вопрос кто он им, они ответили, что родственник. Произошла долгожданная встреча. Встал вопрос, куда их разместить и отец, не задумываясь сказал – это моя жена. Их определили в конуру, где жил отец, но маме и бабушке это показалось раем. Было



Могилы прадеда Абрама в Тульчине. 1991 год.



Моя семья мама, папа и я.

холодно и голодно, но не убивали, не били, и папа был рядом и заботился о них. Так, по воле случая, мама стала женой моего отца.

«В этом лагере – вспоминает Светлана рассказ матери – мы прожили 2 года».

Там я и родилась в 1944

году. Вернулись мы сначала в Тульчин, затем в Кишинев. Я закончила экономический факультет Кишиневского университета. Вышла замуж, родила сына и дочь. В 1991 году репатриировались в Израиль, живу в Ашдоде.

Эти воспоминания я посвящаю светлой памяти моим родителям, бабушке и всему роду Николаевских.





## Мгновения радости

Все дальше и дальше уходят события прошедшей войны. Было все: и ужасы, и страхи, и переживания, и какие-то капельки радости и гордости за мужество, стойкость нашего народа, за солидарность, сопереживание, гуманность и сочувствие, за братскую помощь в ту тяжелую пору, что помогло выжить многим людям.

Из глубины памяти, как световые вспышки, всплывают все новые и новые события.

... Позади остались мучения и ужасы в концлагере «Печора», удачный побег и другие события. Сегодня мне хочется поведать о двух знаменательных событиях в моей жизни.

Первое произошло 19 марта 1944 года - в день освобождения гетто в местечке Джурин Винницкой области.

Накануне вечером по местечку прошел слух, что завтра нас освободят. Мы не знали, что делать – радоваться или переживать по двум причинам.

За неделю до этого немецкое командование решило организовать линию обороны в местечке, используя гористую местность и тот факт, что из верхней точки местечка (возле ветлечебницы) хорошо просматривалась дорога Москва – Кишинев. Через местечко проследовала немецкая артиллеристкая часть. Мы, мальчишки, успели незаметно кое-что разглядеть (немцам было не до нас). Орудия установили вдали от местечка. Подразделение разместилось в местечке. У нас в доме поселились три немца. Один из них немного говорил по-русски. Про другого мы узнали, что он член нацистской партии. Это были уже не немцы образца 1941 года. Они были жалкими, подавленными и четко представляли себе перспективу. Днем они уходили рыть окопы, вечером приходили ночевать. В угол ставили автоматы, гранаты, что представляло для нас, мальчишек, интерес. Один из немцев взял на руки мою сестру

Полину и, прослезившись, сказал, что у него в Германии осталась жена и двое детей (вряд ли он их еще увидит), подарил ей бусы, которые «заготовил» для своих дочерей. Предупредил быть осторожным с тем рыжим немцем, который, издыхая, люто ненавидел евреев. Они ушли утром 18 марта, объяснив, что офицер покинул их, обещал сюда вернуться с танками. Но они недалеко ушли: 20 марта их, уже пленных, пригнали в местечко и поместили в конюшне. Мой брат Миша прибежал радостный и сообщил: «Мама я видел, как вели пленных и среди них был «хороший немец»!» Он схватил кусок хлеба и побежал передать этому немцу.

Вторая причина, сдерживавшая нашу радость – это боязнь провокации. Были случаи, когда в других местечках распускались такие слухи, и когда начиналось ликование, прибегали румыны и полицаи и уничтожали ликующих.

Однако, у нас все прошло нормально. Ночь была спокойной. Тем не менее, утром евреи стали «вылезать» из своих жилищ, осторожно оглядываясь и прислушиваясь.

День был хмурый, облачным, снега уже не было, но было холодновато. Люди стали собираться на «пяточке» - в центре местечка, ожидая чуда. И вот появились наши освободители! Это была группа из 10-12 человек, плохо одетых (во что попало: от фуфаяк до немецких шинелей), грязных, измученных - партизаны близлежащего отряда и одна полуслепая лошадь. Мы поначалу опешили. Особенно хорошо это было видно на лицах румынских евреев, изгнанных из Румынии и Буковины в Джурин. Они не могли понять, от кого бежала до зубов вооруженная немецкая армия. И только когда по дороге на Кишинев пошли регулярные части Красной Армии, сомнения и вопросы перестали возникать.

А местечко ликовало! Все поздравляли друг друга, обнимались, целовались, радовались счастливому освобождению, со слезами на глазах благодарили освободителей. И хотя день был пасмурным - для меня он самым светлым, теплым,

радостным и забываемым!

Не обошлось и без курьезов. Партизаны поймали итальянца (мы их различали по шинели – она была светлее немецкой) и вели его в свой символический штаб. Прибежавшая бабушка, не разобравшись, кто есть кто, бросилась на шею пленного и стала его благодарить. Но настоящий партизан сказал ей:

- Бабушка, это ведь немец!

- Да?! - и тогда, размахнувшись, под гогот толпы она отвесила ему крепкую оплеуху. Дальнейшую расправу остановил партизан, объяснив, что это уже военнопленный и устраивать самосуд нельзя.

Многим хотелось выйти за пределы местечка, чего раньше сделать было невозможно и они ринулись (я в том числе) через мост. Но этот порыв быстро затормозился, так как в небе появились 28 самолетов. Многие не стали обращать внимание на этот факт и говорили:

- Что вы остановились, чего испугались, это ведь наши самолеты! Но интуиция и небогатый опыт (мы, пацаны, по гулу различали самолеты) заставили многих повернуть обратно. И не зря! Самолеты, развернувшись над местечком, выстроились в ряд и стали пикировать на заводскую трубу, действовавшего до войны сахарного завода. Я четко видел, как у первого самолета раскрылось «брюхо» и что-то стало вываливаться, кувыркаясь (красивое зрелище до момента касания бомбы с землей), а затем мощный грохот, столб пыли и дыма. Я уткнулся лицом в землю и весь дрожал от страха. Самолеты отбомбились и улетели, так и не попав в трубу. Во время бомбежки погиб один человек. Позже мы узнали, что нас бомбили по ошибке вместо действующего сахзавода, находящегося в 12 км от нас, который немцы не успели взорвать при отступлении.

Через несколько дней началось передвижение войск – готовилась Яско – Кишиневская операция. Это было гранди-

озное зрелище! Ни у кого уже не возникало вопросов, от кого бежала немецкая армия. Мы дневали и ночевали у трассы. С гордостью наблюдали за передвижением войск. Походным маршем шла пехота, с грохотом проходили танки и артиллерия, величественно двигались «Катюши», закрытые брезентом. Остановок, привалов не было. Войска шли днем и ночью. У нас не было что дарить солдатам, но мы махали руками и кричали «ура» каждому подразделению. У одной из «Катюш» что-то сломалось. Они заехали во двор у дороги и стали ремонтировать. Кто-то из наших взрослых «унюхал», что командир «Катюши» еврей, а так как наступил «Песах», то его пригласили к седеру. Он рассказал нам о своем боевом пути, благодарил за приглашение, сказал, что оно скрасило его боевые будни. К сожалению, память не сохранила ни имени, ни фамилии этого офицера.

До окончательной победы оставалось чуть больше года.

А в местечке стала налаживаться жизнь. Каждый день почта приносила то радостные весточки, а то грустные, их читали все вместе. Стали возвращаться раненые.

Все местечко потряс такой случай. В Джурине жила семья Герман. Дочь Роза до войны вышла замуж за Артема Свинобоя (украинца). Это, как всегда, шокировало местечковых. Но чувство молодых было глубоким и искренним, и они не обращали внимания на мнение окружающих. Жили они в любви и согласии и родилось у них трое детей. В 1941 году Артем ушел на фронт и никаких вестей от него не было долго-долго. Наконец-то пришло письмо без обратного адреса. В нем он описал некоторые подробности последнего боя. Его танк подорвался на mine и экипаж с большим трудом спас своего командира. Но лицо его и тело были сильно изуродованы. Поэтому он не хочет быть для нее обузой и просит не ждать и не искать его. Но нужно было знать Розу – красавицу и энергичного человека, да еще горячо любящую своего

мужа. Она нашла адрес госпиталя, где находился Артем, привезла его домой и выходила. Он начал работать и они счастливо зажили. Позже Артем признался своей дочери Тамиле, что если бы он в госпитале увидел свое отражение, то покончил бы с собой. Этот случай потряс все местечко! Их уже давно нет с нами – светлая им память, но их любовь и жизнь стали примером взаимоотношений между людьми для многих поколений.

Полного спокойствия в местечке долго не было. Джурин находится в 40 км от станции Жмеринка и в 30 км от станции Вапнярка. Это узловые станции, и там всегда скапливались воинские эшелоны. Немцы постоянно бомбили эти станции, а зарево пожара было видно в местечко часами. Но гораздо хуже было другое испытание. В темные, пасмурные ночи они перед бомбежкой спускали на парашютах осветительные ракеты. Иногда, в зависимости от направления ветра, они начинали их запускать над местечком. Представьте себе такой кошмар: ночь и вдруг становится светло, как днем, над тобой гудят самолеты, но их не видно и ты не знаешь куда бежать. Первоначально мы очень пугались и убегали из домов в поле, пережидали там этот ужас, а затем привыкли и оставались дома. Все это продолжалось довольно долго.

Постепенно фронт уходил все дальше и дальше и становилось спокойнее, но каждый день напоминал, что идет война. Мы с большим волнением и вниманием слушали сводки с фронтов, которые читал Левитан (у нас появилось радио), а затем передавали их содержание соседям.

И вот наступил этот радостный, долгожданный День! Он стал второй памятной датой в моей жизни. Это 9 мая 1945 года! Утром Левитан объявил о капитуляции Германии и об окончании войны. Мы все припали к репродуктору и старались запомнить каждое слово, но в ушах звучало главное: Победа! Победа! Победа!

Затем я побежал к соседям поделиться радостной ве-

стью. День был солнечный, теплый, уже расцвела сирень, которая придавала этому дню особую радость и красоту. Запомнился такой эпизод. У соседей напротив был небольшой каменный сарайчик, где они хранили топливо. Но так как он не был привязан к дому, то мы считали, что во время обстрела, бомбежки в нем безопаснее и всю войну он служил нам убежищем. Выбежав 9 мая на крыльцо, я в радости и не заметил, что сарайчика нет, он просто развалился, как будто тоже ждал этого дня и счел свой долг перед нами выполненным.

А местечко ликовало! Все поздравляли друг друга. Мы уже были школьниками. В школе прошла торжественная линейка - какие уроки?! Победа!

Вскоре стали возвращаться победители. Мы снова «оккупировали» трассу. У дороги остановился полковой оркестр и кавалерия прошагала торжественно и величественно. Пехота возвращалась на машинах. Мы бросали им цветы и провожали восторженными возгласами, солдаты бросали нам конфеты, шоколад, карандаши, ручки.

Много событий, судеб прошло перед моими глазами за мою жизнь, но эти два дня - 19 марта 1944 года и 9 мая 1945 года навсегда останутся в моей памяти.





# Содержание

## Повесть о пережитом

Вместо предисловия .....	10
Семья.....	17
Дед.....	17
Бабушка.....	19
Отец.....	20
Мать.....	23
Война.....	28
Гетто .....	30
Печера - мертвая петля .....	31
Дорога в джурин .....	33
Джуринский рай.....	39
Тогда считать мы стали раны.....	49
Школа, или на подступах к профессии .....	54
Большое им спасибо за это! .....	57
«Учись и учи!» .....	60
«Дан приказ ему на север» .....	64
Дома.....	67
Прощай, джурин! .....	73
Твори, выдумывай, пробуй! .....	77
О людях и встречах .....	80
Израиль... ..	86



## Очерки и исследования

Чудом выжившие. Часть 1.....	107
Чудом выжившие. Часть 2.....	113
Чудом выжившие. Часть 3.....	116
Чудом выжившие. Часть 4.....	120
Список арема.....	127
Список арема - продолжение.....	134
Женщина-легенда Раиса Городинская.....	143
Джуринский мудрец.....	162
Священная память (Исследование).....	172
Как это было.....	178
Евреи-партизаны.....	184
Эстафетная палочка.....	193
Мгновения радости.....	201







**Яков Хельмер родился 2 мая 1935 года в местечке Джурине Винницкой области. Во время войны находился в гетто - в местечках Брацлав и Джурин, а также в концлагере “Мертвая петля”, находившегося в Печере.**

**Закончил физико-математический факультет Винницкого педагогического института и работал учителем, завучем в Джурине, а затем в городе Кузнецке Пензенской области.**

**Учитель-методист, награжден знаками “Отличник народного просвещения РСФСР”, “Отличник просвещения СССР”, медалями “Ветеран труда”, “50-летие Победы в Великой отечественной войне”.**

**С 1999 года живет в Ашдоде.**